

Элина Солманская

18+

УЭТЕ ДЛЯ
ОЛИГАРХА

Элина Солманская
Фуэте для олигарха

«Издательские решения»

Солманская Э.

Фуэте для олигарха / Э. Солманская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932334-7

Роскошная жизнь Эльдара Томашевского будет потревожена внезапным появлением в ней двух маленьких племянников, оставшихся без родителей, и Стефании Оболенской, бывшей балерины, обладающей не только редкой красотой, но и дерзким характером. Сложные взаимоотношения, ненависть и любовь, чужие долги, жизненные сложности и преодоления закружат их обоих в стремительном вихре одного из самых сложных танцев в их жизни, который объявит для них сама судьба. Серия «Питерская рапсодия». Книга вторая

ISBN 978-5-44-932334-7

© Солманская Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	57
Глава 6	62
Глава 7	71
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Фуэте для олигарха

Элина Солманская

Дизайнер обложки Евгения Владон

© Элина Солманская, 2020

© Евгения Владон, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4493-2334-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Обложные дожди, накрывшие густой пеленой унылый ландшафт последней августовской недели, сегодня казалось, были солидарны с тем горем, что властвовало над собравшимися людьми на стареньком деревенском кладбище.

Томашевский стоял у могилы старшего брата и его жены, которые погибли пять дней назад, на трассе под Краснодаром, когда ехали на машине к своим детям в летний оздоровительный лагерь в посёлке Витязево.

Начавшееся расследование дорожно-транспортного происшествия так и не дало ему полной картины всего произошедшего. Было лишь установлено, что брат с женой выехали глубокой ночью из Kislovodsk, где отдыхали в течение месяца в санатории, чтобы на следующий день, как можно раньше прибыть в Витязево. Авария произошла ранним утром, и они оба погибли на месте, не приходя в сознание.

Проклятое лобовое столкновение с многотонной фурой на хорошо освещённом и не опасном участке дороги, не поддавалось никакому объяснению. Виновник аварии водитель тягача во время движения по одной из версий потерял сознание, вследствие приступа гипертонии, по другой попросту заснул за рулём. Мужчина до сих пор находился в реанимации без сознания и потому выяснить истинную причину того, почему его машина внезапно оказалась на встречной полосе, пока было невозможно. Томашевскому пришлось задействовать все свои связи для того, чтобы ускорить процесс предварительного расследования, вывоза тел родных и устройству похорон.

Страшная новость застала его в Швейцарии. Он, наконец, оказался дома и, взяв перерыв в своей бесконечной работе на две недели, намеревался пассивно отдохнуть и просто побыть в особняке, но неожиданное горькое известие, заставило его нарушить свои планы и срочно вылететь на своём самолёте в аэропорт города Краснодара.

Томашевский поднял глаза к небу. Холодные дождевые капли моментально покрыли его лицо, скрывая его собственные слёзы. Он давно забыл, когда последний раз плакал в своей жизни. Видимо ещё в детстве. В далёком трёхлетнем возрасте, когда наивно полагал, что посредством слёз можно добиться многого. С годами быстро понял, что для того, чтобы выжить и добиться успеха, нужны другие более сильные стороны и качества его характера. Он не плакал, даже когда несколько лет назад потерял одного за другим своих родителей. Просто стиснув зубы, стойко переносил удары судьбы, и снова забывался в работе, которая своим безумным графиком и спасла его от затяжной депрессии и помогла, справиться с горем.

Его собственная жизнь и мир, в котором он вращался, давно научили его быть жестоким и сильным. Потому что его бизнес империя была построена и соткана из его настойчивости, силы духа, уверенности в собственных силах и полном отсутствии нежных чувств и эмоций.

Но сегодня о бизнесе думать не хотелось. Потеря брата была невозможной и потому сдержать собственных слёз он попросту не мог.

Опустив глаза в глубокую яму, которая стремительно заполнялась мутной дождевой водой, он плакал, как трёхлетний мальчишка из своего прошлого и с трудом сдерживал крик, рвущийся из горла, пытаясь задать только один вопрос высшим силам: «За что?»

Старший брат всегда был опорой и капитаном их семьи, особенно это, проявилось, когда не стало их родителей. Именно он удержал тогда в своих руках всех четвертых детей большой семьи Томашевских. Помог каждому из них справиться с душевной болью, горем и обречённостью. Олег был старше Эльдара на пять лет и всегда был для него ещё с детства незыблемым авторитетом, лучшим другом и советчиком. И за большинство своих достижений по жизни Эльдар был благодарен именно старшему брату.

Отличное высшее юридическое образование, которое он получил именно по настоятельной рекомендации брата, великолепное физическое здоровье, когда нещадно заставляя бороться с ленью, Олег гонял его на многочисленные секции лёгкой атлетики и бокса, плавания и экстремальных видов спорта. Первые денежные средства, которые он ему дал для поднятия начальной ветки бизнеса, первые нужные знакомства и партнёры. Так называемые учителя, которые помогли раскрутиться, всему научили и подсказали. И наконец, первые жизненные победы, которыми Эльдар делился именно с братом.

Быстро вкусив новую жизнь и влившись в поток зарабатывания огромных денег, Томашевский к своим сорока достиг немислимых высот и разноплановости своего огромного дела, которое охватывало многочисленные сферы жизни, от торговых сетей одного из ведущих ритейлеров страны и заканчивая игровым и туристическим бизнесом. Многомиллионная прибыль, публичная известность и статус непотопляемого владельца огромного конгломерата под названием бизнес империя господина Томашевского. То количество людей, которыми он управлял, иногда пугало его самого, и поражало той способности и умении удерживать это всё в чёткости, на кончиках своих десяти пальцев.

Он жалел сейчас только об одном, когда бросал последнюю горсть земли в могилу на прощание, что ничего нельзя вернуть назад, и брата, в том числе, и уже не искупить ту вину, что была перед ним. Потому что в последнее время не звонил, не приезжал, не спрашивал, не участвовал в его жизни. Эти «не» он мог бы перечислять до бесконечности. Лишь редкие видео звонки по Скайпу в основном по большим праздникам, и его прошлогодний приезд в Санкт-Петербург для урегулирования проблем своего друга, стали последней соединяющей нитью, когда он застал Олега живым и здоровым.

Эльдар обвёл глазами могилы родителей. Он принял решение похоронить брата и его жену, которая была сиротой именно здесь на старом деревенском кладбище в Ленинградской области. В посёлке Токсово, где они все пятеро детей семьи Томашевских родились, выросли и, здесь же обрели покой их родители. Он забыл, когда был в этом месте в последний раз. Да, и что ему было теперь здесь делать?

Давно не было их большого семейного дома на берегу озера Хепоярви. Он выкупил эту землю, но так и держал её в своём резерве, не продавая, и ничего не построив, как мечтал изначально. Его новая жизнь проходила за границей. Он и его младшая сестра Лилиана жили в Лозанне уже несколько лет, а две старшие сестры и теперь уже покойный брат в Санкт-Петербурге, с момента, как закончили получать образование и нашли работу. Представители разных и таких непохожих профессий все пятеро. Каждый из них выбрал то, что было по нраву. Хирург и терапевт, учитель начальных классов, и два бизнесмена по мужской линии.

У брата было своё прибыльное дело. Сеть разветвлённых центров технической помощи и автосалонов с постоянной клиентурой, которых удалось заполучить не сразу, а предварительно поглотив тех малых конкурентов, кто обанкротился или так и не прижился на этом современном рынке. Годы кропотливого труда и упорства принесли свои весомые плоды, превратившись в стабильный доход, роскошную двухэтажную квартиру в новом жилом комплексе и обучение сына и дочери в элитной частной школе. Именно этим качествам Олег всегда учил и своего младшего брата, упорству и труду до изнеможения.

Эльдар невольно прервал свои воспоминания, и слегка повернув голову, боковым зрением посмотрел на двух пожилых женщин в чёрной одежде, стоявших рядом с ним. Он невольно прислушался, расслышав своё имя, поминаемое в их разговоре.

– Приехал, соизволил, наконец. Если бы не горе так и не появился бы никогда.

– Не говори. Дорого расплачиваются они за свои миллионы. Смотри холёный какой, а то, что брат в последнее время был в долгах, как в шелках никому не было нужно. Сам всё тянул на себе как вол, а этот толстосум даже не помог ему при жизни. А теперь приехал, грехи замазывать у могилы.

– Тише ты говори. Ещё услышит.

– Пусть слышит. Может, хоть теперь совесть заест. Бедные дети! Сиротки маленькие. Теперь только одна им дорога в детский дом.

– Но почему? Их же четверо в семье. Неужели никто не возьмёт их к себе?

– А кто возьмёт? У сестёр своих детей, внуков не перечесть, а этот напыщенный франт и подавно откажется.

– Ты права. Хотя знаешь, даже если бы он и захотел их взять. С таким, как он и детей страшно оставить. Ведь одному богу известно, что у него там, в груди вместо сердца и...

Обе женщины резко замолчали и опустили головы, как только Томашевский резко обернулся и обвёл их изучающим взглядом. И сплетницы больше не посмели произнести ни слова.

Эльдар повернул голову и внимательно посмотрел на племянников, сидевших на коленях у могилы родителей.

Одиннадцатилетний Станислав обнимал сестру за плечи. Крепкого телосложения, темноволосый мальчик с лицом, так похожим на брата. Он запахивал одной рукой разлетающиеся полы своей куртки от сильного ветра, а второй периодически стряхивал с волос капли дождя.

Семилетняя Ева плакала навзрыд, прикрывая ладошками рот. Милое кукольное личико, маленький носик, губки бантиком, уголки которых сейчас были опущены вниз. Её белокурые волосы, как у его матери свисали мокрыми прядями из-под маленького капюшона куртки розового цвета.

Томашевский стремительно пересёк разделяющее их расстояние и, поравнявшись, по очереди поставил обоих детей на ноги. Подняв Еву на руки и прижав к себе Стаса, он отошёл в сторону и, попытался их успокоить.

Мальчик крепко сжимал пальцами его руку, а девочка, обхватив ладошками его за шею, продолжала безутешно плакать.

Уткнувшись лицом в её мокрую щёку, Томашевский прижал к себе племянника и прикрыл глаза, чтобы хоть на минуту скрыть эту ужасающую картину с привкусом горя, царившую сейчас перед ними. Время казалось застыло, прекратило свой быстрый бег, и тяжело изну-

ряюще отсчитывало каждую минуту, которая нестерпимой пронизывающей болью сверлила его виски. Он уже точно знал, что нарушит устоявшиеся традиции и не останется больше ни минуты на похоронах, покинув кладбище, как только всё закончится.

Он резко обернулся, почувствовав, как его плеча, коснулась крепкая мужская ладонь. Заметив друзей, молча кивнул им в знак приветствия, и снова перевёл взгляд на фотографию брата.

Ростислав Полонский и Александр Воропаев, не говоря ни слова, обошли его и, склонившись, синхронно опустили на свежие могилы по огромному букету тёмно-бордовых роз каждый. Немного постояв на месте, опустив головы, они снова вернулись к Томашевскому и встали с ним рядом.

Через несколько минут, когда все начали расходиться, они втроём покинули ограду и направились по длинной кленовой аллее на выход с кладбища.

– Эльдар, ты куда? – голос старшей сестры заставил Томашевского резко обернуться.

Он устало посмотрел на неё.

– Ухожу!

– На поминки разве не останешься?

– Я приеду позже. Хочу увезти детей. Им тяжело, да и не нужно смотреть на всё это больше. К тому же, Ева очень устала, – он опустил глаза и посмотрел на девочку, которая стояла, прислонившись к его ногам, и крепко сжимала пальчиками полы его плаща.

– Но, куда ты поедешь? Куда ты их повезёшь? У нас нет ключей от их квартиры. Дверь будем вскрывать только завтра вместе с участковым.

– Дом, это последнее место, где они должны сейчас находиться. Там всё сейчас будет напоминать им о родителях.

– Поедем ко мне, – предложил Ростислав. – Маша, поможет тебе с детьми. У неё большой опыт, к тому же она всегда отлично ладит с каждым из них и находит общий язык. Я думаю, женская рука им сейчас будет крайне необходима и добрая душа, которая не подвержена горю, как у всех вас.

– Спасибо. Я думаю, ты прав. Сейчас это лучший выход. Аля, я позвоню и приеду чуть позже, как только устрою детей, – обратился Томашевский к сестре.

– Хорошо. Я думаю, мы должны собраться все вместе вечером и нам просто необходимо поговорить.

– Непременно поговорим, только чуть позже, – Эльдар развернулся и быстро пошёл вместе с друзьями на выход с кладбища.

*****

Когда Полонский распахнул входную дверь особняка, приглашая своих друзей в прихожую, его жена уже ожидала их на ступенях лестницы. Взяв за руки обоих детей, она повела их на второй этаж купать и укладывать спать.

Мужчины расположились в кабинете Ростислава. Плеснув в три бокала коньяк, Полонский протянул их в руки Томашевского и Воропаева.

– Ну что, как говорится, не чокаясь... – тихо произнёс Воропаев и пригубил ароматный напиток.

Томашевский молча проглотил содержимое своего бокала и, сморщившись, прикрыл глаза и откинулся на спинку кресла.

– Закуси, – Ростислав протянул ему нарезанный дольками лимон, но Эльдар, приоткрыв веки, лишь отрицательно покачал головой.

– И что теперь собираешься делать? – Воропаев пристально смотрел на Томашевского.

– Не знаю. Голова кругом. Всё произошло так неожиданно, что у меня до сих пор ощущение, что я сплю и вижу страшный сон. Сегодня на кладбище услышал краем уха, разговор

двух сплетниц, и вопросов у меня появилось ещё больше, чем было до этого. Странные новости дошли до меня, будто бы мой брат был в жутких долгах в последнее время.

– В долгах? – Полонский удивлённо смотрел на Томашевского. – Этого не может быть. Я ведь знаю Олега, и насколько я помню, дела у него всегда шли успешно. Пусть не блестяще, но и в убыточных его предприятия никогда не были. Он сам был отличным мастером, и в клиентуре недостатка не испытывал.

– Может помочь, всё узнать? – Воропаев медленно прокручивал пальцами свой бокал на столешнице.

Томашевский задумчиво посмотрел на него.

– Пока попытаюсь сам. Если не получится, тогда позвоню тебе.

– Дела брата это одно, а что теперь будет с Евой и Станиславом? – Ростислав снова посмотрел на Томашевского. – Ведь Алевтина и Анна наверняка не смогут их взять к себе.

– Сегодня будем разговаривать об этом. В любом случае, дети моего брата, как наивно полагали сегодня некоторые личности на кладбище, в детский дом не пойдут. Это я решил окончательно и бесповоротно и поклялся в этом брату, когда стоял у его могилы.

– Правильное решение. Ничего, поднимете общими силами. Они уже взрослые. Сейчас главное их поддержать на начальном этапе, пока раны свежи. Ведь потерять родителей в столь юном возрасте, да ещё и обоих сразу, это очень тяжело.

– Ты прав, Слава, – Томашевский поднялся на ноги и подошёл к окну, пристально всматриваясь в стекло. – Слава, скажи, я могу оставить их у тебя на несколько дней в доме? Маша ведь всё равно в декрете, – он обернулся и посмотрел на друга.

– Конечно, оставляй столько, сколько будет нужно. Маша мне уже, и сама говорила об этом, потому что знает, что ты деловой человек и времени...

– Дело не в делах и не во времени. Везти их сейчас на квартиру брата не хочу, да и ни к одной из сестёр тоже. Не хочу, чтобы изо дня в день они наблюдали перед своими глазами всю эту давящую атмосферу горя и причитаний. Им нужна другая обстановка. Через неделю начинается новый учебный год и мне нужно попытаться за это время уладить все дела, по вопросу их постоянного местонахождения и собрать их в школу.

– То есть ты хочешь сказать... – Воропаев слегка недоумённо на него посмотрел.

– Пока я ничего не решил. Сейчас мне нужно уехать домой к Алевтине и обо всём поговорить на семейном совете. Решать окончательно буду всё только завтра, голова сейчас туго соображает.

– Понятно. В любом случае, ты можешь рассчитывать на нас. Мы поможем тебе во всём.

– Вы мне сегодня, итак, помогли. Спасибо, что приехали проститься с Олегом и поддержали меня. Я ведь не думал увидеть кого-то из вас, да ещё за столько километров от Питера. Потому что умышленно не сообщил никому о случившемся из друзей и знакомых.

– Ты забываешь, что твоё имя не сходит с полос интернет изданий и глянцевого журналов. А случившееся в твоей семье огромное горе стало причиной того, чтобы об этом раструбили вездесущие журналюги. К тому же, ты забываешь, кем работаю я. Поэтому узнать, где состоятся похороны твоего брата, было не так сложно, – Воропаев отставил в сторону пустой бокал.

– Иногда за это я и ненавижу свою жизнь. Даже в такие горестные минуты не оставят в покое, когда хочется скрыться от всех и вся, – Томашевский упёрся лбом в прохладное стекло окна.

– Держись, Эльдар, – рука Полонского коснулась его плеча. – Я знаю, что брат значил для тебя в этой жизни.

– Только я не знал, насколько он значим для меня до сегодняшнего момента, – Томашевский ударил кулаком по подоконнику. – Наизнанку всех выверну, а докопаюсь до причины этой аварии.

– А что известно на данный момент? – спросил Воропаев.

– Ничего. Кроме официальной версии, что водитель фуры или заснул, или потерял сознание за рулём.

– Будешь разбираться во всём этом?

– Буду, и если он всего лишь заснул за рулём, я засажу за решётку и его и того, кто предоставил ему эту работу. Я... – Томашевский не успел закончить свою гневную бравладу, потому что тихий стук в дверь и лицо Маши, появившейся на пороге кабинета, заставили его резко замолчать. Он взволнованно смотрел на неё. – Что-то случилось? Что с детьми?

Она слегка растянула уголки губ в лёгкой улыбке и коснулась его руки.

– Не волнуйся, они спят. Я выкупала и покормила их. Ева сейчас спит в комнате Надюши, а Стасик в комнате Максимки.

– Они плакали?

– Нет, успокоились сразу, как только покушали. Мы отвлеклись разговорами и чтением книг от всего, что случилось. Пусть временно, но им чуточку легче. Ты оставишь их у нас?

– Да, я уже говорил со Славой. Маша, мне нужна твоя помощь. Сама знаешь, рядом со мной нет женщины, равноценной тебе. Я знаю, что у тебя маленький ребёнок, и у тебя своих забот хватает, но всё же...

– Не волнуйся. Я сама хотела настаивать, чтобы ты их оставил у нас. Я ведь не просто воспитатель, я немножко, и психолог и знаю точно, что им сейчас нужно. Так что оставляй и занимайся своими делами. Мы так подолгу ждём с Надюшей нашего папу с работы, что двое детей нам в компанию будут только кстати. Я пойду ужин готовить, ты останешься? – она вопросительно посмотрела на Эльдара.

– Нет, дорогая, спасибо тебе. Я поеду. Меня сёстры ждут. Я обещал приехать сегодня к Алевтине. Маша, я могу на них посмотреть перед отъездом?

– Конечно, – Полонская улыбнулась. – Пойдём, я провожу тебя, – она направилась к двери и остановилась на пороге, ожидая пока Эльдар попрощается с её мужем и Воропаевым.

Спустя несколько минут приоткрыв перед ним первую дверь, она вошла внутрь и подошла к диванчику, на котором спала Ева.

Томашевский опустился на колени и с улыбкой посмотрел на спящее лицо племянницы.

Сжимая пальчиками мягкую игрушку и спрятав носик в мягкой шёрстке какого-то чудного плюшевого зверя, она крепко спала.

– Я привезу завтра их вещи, – обратился Эльдар к Маше шёпотом, заметив на плечах Евы тунику не по размеру.

– Конечно, привезёшь. А пока, как видишь, мы нашли, во что переодеться, – Маша отошла к кровати дочери, чтобы ему не мешать.

Томашевский провёл ладонью по волосам племянницы и, поцеловав её в лобик, поднялся на ноги и подошёл к Маше, укачивающей дочь.

– Какая она у вас красивая, – он осторожно провёл рукой по личику малышки.

Маша улыбнулась.

– Ты прав. Она наша отрада, – Полонская поцеловала дочь в щёчку и уложила в кровать.

– Завидую вашему теплу и уюту в доме, – Томашевский присел у кровати Надюши, и с интересом осмотрелся по сторонам детской спальни.

– Ничего, и у тебя когда-нибудь всё это будет. Не весь же век тебе мотаться по миру и ночевать в гостиницах. Будет когда-нибудь свой тёплый дом, жена и дети.

Эльдар грустно улыбнулся.

– Блажен, кто верует. Я, Машенька, к сожалению, из другой касты и в чудеса не верю. Я пойду, дорогая. Не провожай меня, – Томашевский поднялся на ноги. – И спасибо тебе большое, за помощь, – он взял её ладонь в свою руку и коснулся губами её пальцев.

– Не за что. Эльдар, а что теперь будет с детьми? Кто о них позаботится?

– Пока не знаю. Сегодня будем это решать все вместе дома у Алевтины. Ты мне лучше вот что скажи. Вы, когда собираетесь ехать в Швейцарию на лечение? Моя сестра уже месяц назад задавала мне этот вопрос. Ведь они тебя ждут давно, после того, как получили все твои медицинские карты и заключения.

– Поедем, как только Надюше исполнится полгода. Сейчас опасаясь везти её в самолёте. Не знаю, как она перенесёт полёт. Слава, сейчас решает вопрос нашего проживания там. Ведь, скорее всего нам там предстоит пробыть до нового года и встретить его там.

– Проживание? Ты видимо шутишь. Скажи Полонскому, пусть оставит все свои бредовые идеи. Мой дом находится недалеко от медицинского центра Лилианы, поэтому жить вы будете только у меня. К тому же, теперь я уже и сам не знаю, когда я вернусь туда и вернусь ли вообще. Так зачем дому простаивать? Вы там прекрасно сможете разместиться вместе с малышкой. Ты поняла меня?

– Поняла, – Маша, улыбнулась и коснулась губами его щеки. – Спасибо тебе.

Томашевский улыбнулся.

– Ладно, пойду я. Пока.

– Пока.

Эльдар распахнул двери и вышел в коридор. Спустившись по лестнице, он покинул дом Полонского. Дав указание своей охране, направился на квартиру одной из своих сестёр, где уже собрался весь семейный совет Томашевских, на котором ожидали только его одного.

****

Эльдар остался стоять в дверях кухни, несмотря на стул, который ему предложила старшая сестра.

Узнав о том, что он оставил детей брата в доме друга, Алевтина до сих пор пребывала в лёгкой степени негодования.

– Не понимаю, почему ты считаешь, что у твоих друзей детям будет лучше, чем в нашем доме? – обратилась она к брату.

– Сейчас им лучше быть там. Потому что здесь везде царит привкус горя, а для детей те страшные эмоции, что они испытали сегодня, уже сверх меры положенного. Добавлять каждый день по новой капле яда, который уже отравил их нежные души, ни к чему. Ты не находишь? Я пребываю в твоей квартире всего полчаса, а атмосфера, которая царит здесь, давит тяжким грузом на моё сердце, а что уж говорить о детях.

– Дар, нам сейчас всем тяжело и потому лучше объединиться, – обратилась к нему младшая сестра. – Может нам лучше увезти детей в Швейцарию?

– В Швейцарию? Ты с ума сошла? – обратилась к ней Анна. – У них школа через неделю. Ева идёт в первый класс, у Славика соревнования по хоккею и к тому же я против вывоза детей за границу. В конце концов, я старшая сестра и думаю, у меня есть право принимать подобное решение. Сами живёте на чужбине и детей собрались вывезти туда же. Я думаю, Олег был бы против этого.

– Между прочим, я живу в Швейцарии, потому что там живёт мой муж и мои дети. И это не значит, что я...

– Может, вы замолчите, наконец, и дадите мне сказать, – Эльдар оборвал дебаты сестёр и гневно посмотрел на них обеих. – Насколько мне известно, в нашей семье всегда и всё решали мужчины. И, учитывая, что я остался единственным, то принимать окончательное решение буду только я сам.

– Но?

– Анна, дай мне сказать. Никто и куда вывозить детей не собирается. Во всяком случае, в этом учебном году. Я тоже остаюсь пока в Питере. У меня слишком много вопросов появилось после смерти Олега, и на то, чтобы разобраться во всём этом, мне потребуется много вре-

мени. И коль я заговорил о делах брата, то мне хотелось бы узнать у вас. Вы были в курсе, что у него в последнее время появились большие долги? – Эльдар внимательно смотрел на обеих сестёр.

– Долги? С чего ты это взял?

– Услышал сегодня на кладбище обсуждение этой темы двумя пожилыми сплетницами за моей спиной.

– А им, откуда это знать, если даже мы не знали, – две сестры переглянулись.

– Думаю, такие, как они, всегда и всё знают.

– Долги? Но это немыслимо, ведь Олег всегда был на плаву и...

– Вы, когда виделись в последний раз? – Томашевский пристально смотрел на Анну, но та отвела взгляд и, поднявшись на ноги, пересела на другой стул почти у самого выхода из комнаты.

– Давно не виделись. В последний раз виделись на дне рождения Олега в мае.

– Почему так давно?

– Потому что ты знаешь, что мы не ладили с его Мариной.

– Ну, это для меня не новость. Просто я полагал, что за столько лет уже можно было забыть обо всём и начать общаться нормально.

– Тебе легко рассуждать. Ты свободен в этой жизни и своём выборе. Всё, что тебя волнует это состояние твоих банковских счетов и многочисленные развлечения. А мы живём обычной жизнью рядового россиянина с кучей своих личных проблем. Так, когда нам проникаться проблемами семьи Олега и тем более дружбой с его Мариной.

– Почему же ты ни разу не обратилась ко мне за помощью с кучей своих проблем? – Томашевский буравил взглядом Анну.

– А ты полагаешь, что достучаться до тебя, это реально? Ведь у тебя то деловая встреча, то новый проект, то новое строительство, а цены, между прочим, в одном из твоих же супермаркетов каждый день новые, и с моей заработной платой учителя мне иногда не по карману, чтобы купить элементарное.

– Это упрёк сестры или просто пожелание покупателя? – Эльдар нахмурился.

– Считай, как хочешь. Ты хозяин одной из крупнейших ритейл групп в стране, неужели нельзя...

– Нельзя. Ты думаешь, что являясь владельцем этого огромного торгового холдинга, я лично участвую в ценообразовании каждого супермаркета? Естественно после твоих слов я дам указание всё проверить, и виновные будут наказаны. Если у тебя не хватает денег, почему ни разу не сказала мне об этом? Это ведь так просто, набрать номер и сообщить мне о своих проблемах.

– Я не привыкла ни о чём просить. Без тебя справлялись все эти годы.

– Аня, да прекрати ты уже в такой день и о материальном вопросе, – оборвала её Алевтина.

– Такой день. Да, если бы не это горе, он бы и не приехал сюда в ближайшее время.

– Я ведь был у вас в прошлом году осенью.

– Был, только потому, что твой друг оказался в беде. Ты приехал, чтобы помочь Полонскому, ну и нас проведать, так сказать заодно.

Томашевский тяжело вздохнул и отвернулся к окну.

– Ты знаешь, что моя работа не даёт мне возможности осесть где-нибудь в одном месте надолго, и я вынужден...

– Вынужден болтаться в подвешенном состоянии по всему миру, без оглядки на прошлое и, не построив будущего. Сколько ещё тебе нужно денег, чтобы оставить всё и просто начать жить? – Анна не унималась.

Он повернулся и молча посмотрел на неё.

– Ты и сам не знаешь. А деньги, как всегда, говорила наша мама зло и чем больше их имеешь, тем больше хочется.

– Может, уже хватит о деньгах, и поговорим лучше о Еве и Станиславе? Что будем решать? – обратилась к ним Лилиана.

– Я могу их взять к себе временно, – тихо проговорила Алевтина. – Я говорила с мужем. Тесновато у нас конечно, но сын осенью уедет в Москву на учёбу, так что в комнате освободится место и...

– Это не решение проблемы взять их просто к себе временно пожить. Я говорю сейчас не только об их адресной прописке. Я имею в виду оформление опеки, ведь они несовершеннолетние. Кто возьмёт это на себя?

Анна и Алевтина переглянулись.

– Опека? – в один голос произнесли обе женщины.

– Понятно. Вот поэтому я и говорила, что нужно увезти детей в Швейцарию. Я оформила бы опеку на себя, – заявила Лилиана.

– У тебя своих двое маленьких детей, куда ещё и этих двоих. С твоей работой в медицинском центре детьми заниматься некогда, – снова встряла в разговор Анна.

– А ты что предлагаешь, отправить их в детский дом, при живых тётках и дяде? – Лилиана сорвалась на крик.

– Я не говорила о детском доме. Просто я уже сказала, я против вывоза детей за границу.

– Ты уже это говорила, – обратился Томашевский к сестре. – А что ты конкретно предлагаешь? Насколько я обратил внимание ты об опеке над ними и не думала.

– А что мне думать? Ты прекрасно знаешь, я не могу их взять к себе. Наша небольшая двухкомнатная квартира с трудом вмещает моего взрослого сына и нового мужа. К тому же, у меня в школе слишком маленькая заработная плата, а Ева и Стас привыкли к более сытой жизни.

– Аня, что с тобой? – Алевтина дёрнула сестру за рукав платья. – Ты же сейчас говоришь о своих родных племянниках. Причём тут маленькая зарплата и тесная квартира?

– Но я ведь здесь сейчас в этой комнате из всей семьи не представлена в гордом одиночестве, и среди нас есть человек, у которого гораздо больше возможностей поднять этих детей на ноги, – она буравила взглядом Эльдара.

– Ты совсем сдурела? – обратилась к ней Лилиана. – С его работой не то что... – она не договорила, потому что гневный голос Томашевского заставил её замолчать.

– А что, пожалуй, ты права, – Эльдар опустил на корточки возле Анны, пристально всматриваясь в её глаза. – Наверное, это единственное, что я теперь могу сделать для брата, о котором забывал в последнее время. И поднять на ноги его детей, моя прямая обязанность.

– Ты что, серьёзно? Я ведь просто пошутила, – Анна попыталась улыбнуться, но встретив полный ярости взгляд Эльдара, отвела глаза в сторону.

– Это больше не обсуждается. Я завтра с утра займусь всем необходимым для оформления опеки над детьми.

– Эльдар, ты серьёзно? – Лилиана поднялась на ноги и подошла к нему, слегка коснувшись рукой его плеча.

Он повернул голову и посмотрел на неё.

– Более чем серьёзно.

– Но ведь это невозможно. Дети отнимут всё твоё свободное время. А твоя работа?

– Поработаю в Питере. Придётся пока отложить свои бесконечные поездки по миру и осесть здесь. Завтра начну подыскивать подходящий дом, где бы мы смогли поселиться втроём, – он поднялся на ноги и направился к выходу.

– Эльдар, может, переночуешь у меня? – обратилась к нему Алевтина.

Он обернулся.

– Нет, спасибо. Вам и без меня тут тесно, – он вышел из комнаты, плотно закрывая за собой дверь.

– Вот что ты наделала? – обратилась Лилиана к Анне.

– Только не надо на меня так смотреть. Вам нас не понять. Живёте в своё удовольствие по своим европейским меркам и вам до нас, как до луны. А ты попробуй прожить месяц на копеечную заработную плату педагога.

– Но ведь у тебя была возможность в своё время, выехать со мной за рубеж. Я ведь приглашала. Хорошие педагоги нужны везде. У тебя было бы отличное место в частной школе в Лозанне.

– А мужа своего я бы тут оставила, да?

– Но ведь он всё равно ушёл от тебя через месяц. Вы были на грани развода.

– Ушёл и что? Мне нужно было сразу звонить вам и просить о помощи? Сомневаюсь, что вы бы подумали о нас с сыном.

– С тобой невозможно разговаривать. Ты всегда во всех своих бедах винила всех, кроме себя. Не я виновата, что ты выскочила замуж рано за этого тунеядца и алкоголика. И не я виновата, что ты тащила всю семью на себе десять лет.

– Конечно, я во всём виновата только одна. Всегда и во всём виновата я.

– Аня, успокойся, – Лилиана коснулась рукой плеча сестры. – Каждый из нас сам устраивает свою жизнь, и мы не виноваты с Эльдаром, что у тебя всё сложилось именно так, а не иначе.

– Конечно, ты не виновата. Тебе ведь в отличие от меня была уготована выгодная партия в виде партнёра нашего братца и сытая жизнь в Лозанне.

– Ты ведь знаешь, что мы со Стефаном познакомились случайно, когда он пришёл к Эльдару в дом наших родителей. Я просто тогда оказалась дома.

Анна рассмеялась.

– Только ты одна веришь в эти бредни. Мы ведь все знаем, что вы с Даром всегда были дружны с самого детства, гораздо больше, чем с нами старшими. Вот он и забрал тебя к себе, а знакомство со Стефаном его заранее продуманный ход, как и строительство для тебя медицинского центра в Лозанне. Ведь ты получала образование здесь в Питере, а являешься хозяйкой престижного медицинского центра в отличие от нашей сестры, – она показала рукой на Алевтину, которая молчала. – Ведь она уже много лет работает в обычной больнице за гроши, по сравнению с твоими доходами.

Лилиана поднялась на ноги и молча направилась на выход. На пороге остановилась и, обернувшись, посмотрела на сестёр.

– Уход Олега действительно разрушил всё в нашей семье. Не стало её головы, и теперь мы все не можем найти общего языка. Он действительно был костяком нашей семьи, сдерживающим всё, – она развернулась и вышла из комнаты.

– За Олега вспомнила. Уже завтра же улетит домой и забудет обо всём, – Анна со злостью отодвинула кружку в сторону, невольно расплескав по столешнице недопитый чай.

– Анна, креста на тебе нет. Что ты тут устроила? – Алевтина поднялась на ноги и начала убирать посуду в раковину.

– Ничего, переживут. Они уже оба давно утратили свои души и потому слова мои их не ранят больно. Погрязли в своей роскоши, вот пусть теперь поживут, как простые смертные. Эльдар помается с детьми, как мы в своё время. А дети Олега не подарок, сама знаешь.

– Тяжёлую ношу на себя взвалил, Эльдар. Неподъёмную... – Алевтина тяжело вздохнула.

– Ничего. Пусть хоть кого-то воспитает на этом свете. Будет кому кружку воды подать на склоне лет, – Анна поднялась на ноги и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

Алевтина выключила воду и подошла к окну. Долго всматривалась в силуэты Эльдара и Лилианы, которые стояли у его машины и о чём-то разговаривали. Весь неприятный разговор

с родными, застрял в горле жутким комом, готовым прорваться в любую минуту безудержными слезами. Она перевела взгляд на портрет покойного брата, который стоял на столе.

– Что же нам теперь делать, Олежек? Некому больше сплачивать нашу семью. Некому... – она закрыла лицо руками и, пытаясь сдержать рвущиеся из горла всхлипы, горько заплакала.

Глава 2

Томашевский взглянул на своего помощника, едва тот оказался на пороге комнаты его гостиничного номера. Когда молодой человек поздоровался, Эльдар жестом указал ему на кресло напротив себя.

– Игорь, я позвал вас так рано, чтобы поговорить не только о делах, но и о нашем дальнейшем сотрудничестве с вами. Вы знаете, обо всех событиях, которые произошли в моей жизни в последнее время и потому вы вправе отказаться от дальнейшей работы со мной здесь в России, и вернуться домой в Швейцарию. Я привык к вашему постоянному присутствию и очень доволен вашей работой, но сложившиеся обстоятельства вынуждают меня задержаться в Санкт-Петербурге, ещё как минимум на год. Следовательно, заставить вас остаться здесь со мной в этом городе, как и охрану, я не могу. У них служба, а вы человек штатский, так что мои приказы на вас не распространяются.

– Эльдар Станиславович, я работаю в должности вашего помощника и переводчика уже шесть лет и за это время мы с вами постоянно перемещаемся по миру и никогда не жили и не работали оседло на одном месте. Я люблю свою работу, и если качество её, вас устраивает, то я бы предпочёл остаться дальше с вами, и продолжить выполнять свои обязанности. Вы знаете, в Швейцарии меня ничего не держит. Мои родители и вся семья давно живут в Италии, так что я волен распоряжаться своей жизнью, не взирая ни на что.

– Значит, вы готовы остаться в России, как минимум на год?

– Я готов остаться здесь настолько, насколько потребуется. Я жду ваших распоряжений относительно нашего пребывания в этом городе и нашей работы, – Кравцов по привычке распахнул ежедневник и, взяв ручку, приготовился записывать распоряжения своего руководителя.

– Ну, хорошо. Тогда о делах. Во-первых, займитесь поиском хорошего дома, естественно большого, где бы мы смогли, все разместится, учитывая охрану, водителей и тот обслуживающий персонал, который нам наверняка понадобится. Я был бы не против того коттеджного посёлка, где мы жили в прошлом году, когда приезжали сюда. Во-вторых, подготовьте мне весь список документов, необходимых для оформления опеки над моими племянниками.

Кравцов удивлённо посмотрел на Томашевского.

– Но разве не проще вам будет воспользоваться своим именем и связями, чтобы осуществить эти формальности, как можно быстрее. Насколько я знаю, в России это не так просто осуществить, как у нас.

– Не хочется обнародовать подробности своей личной жизни. Вы же знаете, если сейчас об этом узнает один чиновник, то вмиг разнесут и журналисты. Попробую первоначально пойти обычным путём, как все.

– Хорошо, всё сделаю. Что-то ещё?

– Пока всё. Да, сегодня представители полиции должны вскрыть дверь в квартире моего брата в присутствии моих сестёр. Я хотел бы, чтобы вы узнали, во сколько это будет. Мне тоже нужно попасть туда и забрать вещи моих племянников.

– Хорошо. Я всё узнаю и вам сообщу. Я могу идти?

– Идите, Игорь.

Кравцов уже направился к двери, но резко обернулся на голос Томашевского.

– Спасибо, что остались работать со мной и дальше, Игорь. Ваш труд очень значим для меня.

Кравцов широко улыбнулся.

– Не за что.

– Ну, идите. Жду от вас звонка и, как и прежде качественно выполненной работы.

– Можете в этом не сомневаться, – Кравцов вышел из гостиной и направился на выход, покидая президентский номер Томашевского.

Составив примерный план своих дел на ближайшую неделю, Эльдар вызвал охрану и направился в первую очередь в головной офис своего брата. Долги, о которых он случайно услышал на кладбище, не давали ему покоя. И он намеревался выяснить всё об этом деле, а уже потом заниматься всем остальным.

Распахнув дверь автомобиля, и жестом дав указание охране остаться у машины, он не спеша направился к двухэтажному зданию. Внимательно осмотрев закрытые рольставни, подошёл к двери и, нажав на ручку, попытался её открыть, но она была заперта на ключ. Громко стукнув несколько раз кулаком в деревянное полотно, он сделал несколько шагов назад и снова обвёл взглядом здание, которое было явно необитаемым.

– Вы что здесь делаете? – громкий мужской голос заставил Томашевского резко обернуться.

Пожилой мужчина стоял у его машины, окружённый плотным кольцом охраны.

– В чём дело? Отпустите меня! – мужчина пытался сопротивляться, когда один из охранников принялся проверять карманы его куртки.

– Отпустите его... – громко обратился к своим сотрудникам Томашевский. – Вы сторож? – он пристально смотрел на мужчину.

– Сторож. Я здесь работаю на оптовой базе, – он показал на небольшое здание через дорогу.

– Вы не знаете, когда закрылся технический центр, который располагался здесь в прошлом году на первом этаже?

– Нет здесь уже никого с нового года. Ни технического центра, ни офиса на втором этаже.

– То есть, как нет?

– Выехали и всё вывезли, до последней коробки ещё в январе.

– А куда, не знаете?

– Не знаю, они мне не доложились. А вы что, машины в ремонт сдавать приехали?

– Нет. Просто хозяин этой мастерской был моим братом.

– Вы его ищете?

– Уже не ищу. Просто хотел узнать, что случилось, и почему он оставил своё дело.

– Почему? Странный вопрос, вы задаёте. Сейчас закрывают, только если бизнес прогорел. Вот видать, и ваш брат тоже закрылся по этой же причине.

– Банкротство, это маловероятно. Потому я и хотел выяснить истинную причину, – задумчиво произнёс Томашевский и медленно направился к своей машине.

– Подождите. У меня друг здесь работал в охране, может ему позвонить и узнать, куда все выехали?

Томашевский резко обернулся.

– Позвоните.

– А...

Эльдар вытащил бумажник и протянул мужчине тысячную купюру.

– Звоните, срочно.

Звонок не дал никакой конкретной информации. Единственное, что Томашевский смог узнать это домашний адрес заместителя брата, Ерёмкина Виктора Ивановича.

Поблагодарив мужчину за помощь, он сел в автомобиль и отправился по указанному адресу.

Когда машины остановились у нужного дома, Томашевский покинул автомобиль и медленно направился в сопровождении охраны к подъезду. Они долго звонили в дверь, но только лишь спустя несколько минут, замок щёлкнул и на пороге прихожей возник мужчина с помя-

тым лицом и сильным запахом алкогольного перегара. Он едва стоял на ногах. Пристально всматриваясь в лица стоявших перед ним мужчин, он слегка побледнел, когда его взгляд остановился на Томашевском.

– Эльд... Эльдар Станиславович? – он с трудом проговаривал слова. – Вот уж не ожидал вас увидеть в Питере.

– Я могу пройти в квартиру? – громко произнёс Томашевский, пристально всматриваясь в лицо мужчины.

– Конечно, – Ерёмин слегка попятился в сторону, уступая дорогу не прошенным гостям.

– Что за хлев ты тут устроил? – Томашевский сморщил лицо, заметив царившую в комнатах грязь и гору пустых бутылок из-под водки на полу у батареи.

– Простите, – мужчина склонился и начал поспешно собирать в руки бутылки, которые выскальзывая из его подрагивающих пальцев, падали на пол, издавая сильный звон.

– Оставь уборку на потом. Сядь, – Эльдар кивнул на стул и сам опустился на диван. – По какому поводу праздник? С радости или с горя?

– Так ведь вы и сами знаете.

– Оплакиваешь моего брата?

Ерёмин горько усмехнулся.

– Его самого, и то наследство, что он мне оставил после своей смерти.

– Что ты несёшь? Какое наследство?

– Свои долги.

– Какие долги?

– Его кредиторы теперь ходят ко мне, как к его бывшему заместителю. Они думают, что прибыль его нового бизнеса теперь у меня. Но я в глаза не видел этих денег. И вообще ничего не знаю. Не знаю, чем занимался ваш брат последние полгода.

– Ты можешь не говорить загадками, а всё объяснить нормально.

– Не могу. Потому что сам ни черта не знаю. Олег в январе внезапно собрался всё продавать и автосалоны, и пункты техпомощи. Меня поставил перед фактом, что закрывает своё дело и хочет вложить деньги в новый прибыльный бизнес.

– Что за бизнес?

– Я не знаю. Ничего не знаю. Он уволил меня, выплатив мне выходное пособие, как и всем остальным сотрудникам и отправил на улицу. Больше я ничего не знаю.

– Тогда почему по поводу денег ходят к тебе? Я что-то не пойму.

– Не знаю. Я пытался им объяснить, что после закрытия автомобильного бизнеса, мы больше не общались с вашим братом. Но никто этого слушать не желает. Меня поставили на счётчик обратного отсчёта, и если я не отдам все деньги, которые им должен Олег в следующем месяце, меня грохнут.

– Ты знаешь, чьи люди к тебе ходят?

– Знаю, потому что их хозяин сам лично приходил ко мне вчера.

– И кто же он?

– Мартышов.

– Кто?

– Да, вы не ослышались, наш главный конкурент в прошлом, а с этого года один из лучших друзей вашего брата.

– Очень интересно. Это всё? – Томашевский поднялся на ноги и пошёл на выход из комнаты.

– Всё. Эльдар Станиславович, а что же теперь будет со мной?

Томашевский обернулся и обвёл внимательным взглядом худую фигуру мужчины и его бледное лицо.

– Сдохнешь, если не бросишь пить. Завязывай. Больше тебя никто не тронет, – он развернулся и, не попрощавшись, быстро покинул квартиру.

– Эльдар Станиславович, может, мы сами потолкуем с этим Мартышовым. Для вас это может быть небезопасно, – обратился к Томашевскому один из охранников, как только они оказались у машины.

– Глупости, что там опасного? Едем в салон «Дрим Авто» и поскорее, – Томашевский сел в автомобиль и захлопнул за собой дверь.

Спустя сорок минут он медленно поднимался по ступеням в кабинет Мартышова. Распахнув дверь приёмной, взглянул на секретаря и поздоровавшись, напрямик направился в кабинет руководителя.

Девушка выскочила из-за стола и преградила ему дорогу.

– Куда вы? Туда нельзя. Иван Сергеевич занят, вы... – секретарь замолчала, как только увидела перед собой полный ярости взгляд Эльдара и, опустив руку, поспешно отошла в сторону.

Томашевский с силой толкнул дверь, и она, ударившись о стену, издала протяжный глухой звук.

Мужчина, с улыбкой разговаривавший по телефону, быстро извинившись, отложил смартфон в сторону и, поднявшись на ноги, попятился к окну.

– Что это за наглое вторжение в мой кабинет? Кто вы такие? Я сейчас охрану вызову, – мужчина потянулся рукой к стационарному телефону.

– Я, Эльдар Томашевский. Знакомая фамилия?

– Томашевский? Ты родственник Олега?

– Его младший брат.

– И что тебе нужно?

– Пришёл оплатить его долг перед тобой. Ты ведь за этим присылаешь свою охрану к его заместителю.

– Что, уже пожаловался? – Мартышов тяжело опустился в кресло.

Томашевский присел на диване и расстегнул пуговицы своего пиджака. Он пристально смотрел на мужчину.

– Рассказывай, что это за бредни с долгами моего брата? Он никогда и никому не был ничего должен.

– Был бы не должен, я бы не приходил.

– Рассказывай подробно.

– А что рассказывать? Я перекупил весь бизнес Олега в январе и заплатил всю сумму сразу. Он передал мне документы на все салоны и мастерские, кроме головного офиса. Но мне офисное здание было не нужно, и я его не стал требовать.

– Тогда в чём причина? О каких долгах ты говоришь?

– Видишь ли, твой брат последние полгода жил на другие доходы, нежели прежде. И неплохо жил. Доходы были большими, и я, слегка позавидовав его лёгкой прибылью, как дурак поддался искушению, и часть своих денег тоже вложил в это так называемое прибыльное дело с ним в доле. Но видимо на мне чудеса фортуны внезапно закончились.

– Ты говоришь загадками. Что за прибыльное дело, в которое вы вложились?

Мартышов внимательно посмотрел на Томашевского.

– Ты что-нибудь слышал об алмазных приисках в Кимберли?

– О чём? Об алмазных приисках? Это в ЮАР?

– Да.

– Ты хочешь сказать, что Олег...

– Хочу. Уж не знаю, с кем он вступил в партнёрские отношения, только дело пошло и насколько я понял, срубили они первоначально неплохой куш на контрабанде, потому что зажил твой брат, как король. Только недолго пожил в таком статусе, да, и я как видишь, тоже остался не в удел. Мои деньги сгинули в небытие, и прибыли, которую я ожидал, так и не получил.

– А что случилось?

– Я не знаю подробностей, только накрыл их там кто-то более могущественный. И под предлогом компенсации за то, что работали на его территории, отобрал всё, что у них было. Твой брат продал, всё, что приобрёл за последние полгода, кроме машины и квартиры. Да и те, насколько я знаю, в последний месяц были в залоге.

Томашевский впитывал всю эту информацию с трудом. Ему казалось, что это какой-то бред, вымысел, чтобы брат ввязался в такое сомнительное и заранее провальное дело, к тому же ещё и криминального характера, было просто невозможно.

– Этого не может быть. Я не верю, что Олег мог во всё это ввязаться. Он ведь работал всю жизнь руками и никогда бы не пошёл на эту сомнительную авантюру.

– Не знаю, что его сподвигло на это. Я тоже по дурости ввязался во всё это. Теперь жалею и сам опасаясь, лишь бы на меня тень всей этой истории не легла.

– Ты о чём?

– Знаешь, я, конечно, только предполагаю, но мне почему-то кажется, что твой брат и его партнёр что-то вывезли с собой, когда покидали место своей бизнес дислокации. Что-то такое, что заставило человека, который под них копал, сильно занервничать и появиться здесь в России.

– Что значит, вывезли? Что они могли вывезти?

– А ты не догадываешься? Камешки, разумеется.

– С чего ты это взял?

– Я приехал к нему в начале лета узнать за свои деньги, а они в это время всей семьёй были уже на чемоданах. Олег стремительно покидал город, значит, скрывался. Подробностей мне не сообщил, сказал, перезвонит позже. Знаю только одно, что своих детей он вывез на все три месяца в лагерь на море и сам покинул Питер вместе с женой в неизвестном направлении.

– Час от часу не легче, и где мне искать теперь все эти концы, если брат погиб.

– А ты думаешь, его гибель дело случая?

– А ты считаешь, что нет?

– Считаю. Эльдар, игра, в которую ввязался твой брат, очень опасна. Поэтому мой тебе совет, хочешь что-то узнать, ищи его партнёра, если конечно он жив ещё. Потому что я уверен, что Олегу это дело явно кто-то предложил. И кто-то кому он доверял, как самому себе.

– Это всё, что ты знаешь?

– Всё. Мне тебе больше нечего добавить.

– Да, искать этого мифического партнёра, всё равно, что иголку в стоге сена.

– А ты подожди, может он или они тебя сами найдут, раз брата больше нет.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Долги после смерти должника иногда переходят на его родственников. И если он у них забрал что-то, то гости и к тебе непременно пожалуют сами.

Томашевский пристально посмотрел на Мартышова и, усмехнувшись, поднялся на ноги.

– Ну что ж, я подожду. У меня в запасе много времени. А ты сам, дорогу к Ерёмину забудь. Умей принять потерю денег. Ты деловой человек и знаешь, что это иногда приходится делать. Он в делах брата не участвовал. Узнаю, что ты опять присылал к нему своих людей, я найду управу на тебя. И уверяю, тебе это не понравится. Поехали! – Томашевский жестом показал охране на выход и поспешно направился вслед за ними.

Мартышов откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Уже сто раз пожалел, что ввязался в эту сомнительную авантюру, которая теперь напрочь лишила его покоя. Угроза от Томашевского младшего теперь добавила ещё больше нервозности и без того к уже потерянному самообладанию.

Томашевский взял телефон в руку, когда очередной входящий вызов нарушил тишину его автомобиля.

– Да, Игорь, что случилось? Нет, не занят. Что? – он повысил голос, нарушая тишину салона автомобиля. – Сейчас приеду.

Назвав водителю адрес квартиры брата, Эльдар стремительно перебрал контакты в телефоне и, набрав номер Воропаева, принялся ожидать ответа. Когда абонент взял трубку, Томашевский произнёс коротко, не вдаваясь в излишние подробности:

– Саша, ты мне нужен. Можешь сейчас подъехать на квартиру Олега? Да, срочно. Спасибо.

Оказавшись у подъезда дома брата, Томашевский стремительно преодолел пункт охраны элитного дома и, поднявшись на лифте, оказался у приоткрытой двери в квартиру. Едва вошёл внутрь помещения, резко остановился на пороге. В доме царил хаос. Мебель была перевёрнута вверх дном, вещи разбросаны по полу, занавески с окон сорваны, а книги разорваны в клочья.

Он с ужасом осматривался по сторонам и, расслышав голоса на лестнице, ведущей на второй этаж, резко остановился, заметив сотрудников полиции и свою сестру Алевтину.

– Что здесь произошло? – громко обратился он к сотруднику полиции.

– А вы, простите кто?

– Я брат хозяина этой квартиры. Так что здесь случилось?

– Видите ли, участковый с вашей сестрой два часа назад вскрыли дверь в квартиру вашего брата, а здесь как видите, всё оказалось, перевёрнуто и они вызвали группу убийного отдела.

– И ваши предположения. Что здесь могло произойти?

– По всей видимости, что-то искали. Только что и кто, нам пока непонятно. По официальным данным ваш брат был безработным последние полгода, и свою предпринимательскую деятельность прекратил ещё в январе. Так что мы в тупике, зацепиться не за что.

Томашевский тяжело опустился на диван.

Ему уже порядком надоели все эти загадки и тайны. Уже был не рад, что во всё это ввязался и поднял из глубины на поверхность тайну, которую его брат унёс с собой в могилу. Заметив на пороге квартиры Воропаева, Эльдар поднялся на ноги и направился к нему навстречу.

Объяснив всё, что ему удалось узнать, он задумчиво смотрел на Воропаева, пока тот медленно обходил квартиру, и осматривался по сторонам. Словно пытался увидеть что-то, что было недоступно глазу Томашевского. Остановившись у окна, Александр присел на подоконник и внимательно посмотрел на Эльдара.

– Ты хочешь, чтобы я занялся этим делом?

– Саша, я понимаю, ты волен отказаться, потому что придётся сделать невозможное. Но я хочу найти концы всех этих тайн и всё выяснить.

– Конечно, сейчас у меня на руках слишком мало информации, но тем интереснее дело. Я попробую ещё сам разговорить Мартышова и узнать всё подробнее. Не волнуйся, всё, что будет от меня зависеть, я сделаю. Ну а не смогу, не обессудь.

– Я буду тебе благодарен за любую информацию. Все расходы будут оплачены. Не экономь ни на чём. Бери в аренду лучшие машины, снимай квартиры, дома, приобретай необходимое оборудование, я всё оплачу.

– Хорошо. Я буду ежедневно сообщать тебе каждый этап своего расследования.

– Спасибо тебе. Я знаю, у тебя сейчас не совсем удачный период в жизни. Ваше расставание с Марго была тяжёлым испытанием для тебя, но я...

– Наше расставание с Марго произошло четыре месяца назад по её инициативе. Глупая и нелепая размолвка. Мне, было, нелегко признаю, но жизнь продолжается, и длительная командировка, тем более на африканский континент, думаю, пойдёт мне только на пользу.

– Спасибо тебе большое.

– Пока не за что. Ты уже уезжаешь?

– Да, ехал сюда, чтобы забрать детские вещи. Теперь понимаю, что после всего, что случилось, брать ничего отсюда не буду. Куплю им всё новое.

– А что теперь будет с квартирой?

– Не знаю. Пусть Анна решает. Она старшая сестра. У меня, итак, забот сейчас будет предостаточно, – Томашевский протянул другу свою руку. – Поеду я. Ты со мной?

– Нет, я на машине. Хочу ещё побыть здесь немного и пообщаться со своими бывшими коллегами, – Воропаев кивнул в сторону полицейских и, пожав руку Эльдару, попрощался и направился в гостиную.

Томашевский пока ехал к Полонскому за детьми, снова и снова возвращался к событиям прошедшего дня. От всего этого голова раскалывалась на части. Бесконечные звонки по делам бизнеса разрывали его телефон. Решив, наконец, абстрагироваться от глобальной проблемы своего брата, он принял решение забыть пока на время обо всех этих нюансах и заняться решением основных и насущных деловых вопросов своего нового семейного статуса. Ведь теперь он уже был не один, как прежде. С ним рядом были две маленькие души, о которых он теперь должен позаботиться, и которые с нетерпением ждали его в доме у Полонских.

****

Неделя пролетела стремительно. Бесконечные хлопоты по оформлению опеки, которые естественно вышли за рамки ожидаемого Эльдаром успешного завершения, и зависли неопределённо в воздухе. Первоначальный отказ был обоснован теми обстоятельствами и характеристиками, которым Томашевский, по мнению представителей государственного учреждения, как опекун для несовершеннолетних детей соответствовал только частично. Поэтому как ему не хотелось, но пришлось прибегнуть к своим связям, и в результате, его проблема была улажена уже до конца недели. Документы были оформлены и получены на руки.

Он два дня подряд лично ездил с племянниками по магазинам. Впервые в своей жизни делал это с детьми, а не с женщинами, как это было более привычно в его жизни. Тщательно выбирал одежду, обувь, школьные принадлежности, игрушки. И когда, закончив покупки, внимательно осмотрел скопившиеся пакеты и коробки, понял, что даже в его двух больших машинах не хватит свободного места, чтобы всё это доставить в особняк.

Пока ехали в новый дом, он пристально наблюдал за детьми. Задумчивые и молчаливые, они сидели рядом с ним на заднем сидении и не произносили ни звука, пока машина не остановилась у большого двухэтажного дома в элитном коттеджном посёлке, в пригороде Санкт-Петербурга.

– Мы будем теперь жить здесь? – спросила у него Ева, повернув голову и прижав к себе плюшевую лягушку ярко-зелёного цвета в наряде балерины, которую она не выпускала из своих рук постоянно.

– Да, дорогая. Мы теперь будем жить здесь все вместе. Тебе нравится?

Девочка пожалала плечами и, протянув руку, попыталась открыть дверь машины.

Томашевский помог ей, и когда она вышла на улицу, он принялся с интересом наблюдать за ней. Заметил, как она вошла в приоткрытую настежь калитку и остановилась у ворот, с интересом осматриваясь по сторонам.

Эльдар вышел из машины вместе со Стасом и подошёл к ней.

– Ну что, пойдём, посмотрим наши новые владения? – обратился он к племянникам.

Они синхронно кивнули и медленно направились по красивой мощёной тротуарной плиткой дорожке, ведущей в сад.

Красивый двухэтажный особняк с уникальным проектом застройки. С белоснежным фасадом, красивыми балконами, открытой террасой и панорамными окнами на первом этаже. Широкой белокаменной лестницей, разноуровневой крышей и роскошным кованым забором по периметру и вензелом у основания чердачного этажа с именными буквами бывшего владельца.

Красивый ухоженный сад, в котором они оказались через несколько минут, гармонично дополнял огромную парковую территорию вокруг особняка. Многочисленная растительность, представленная кустарниковой и древесной флорой, была дополнена многообразием цветов и бьющего фонтана в чаше из гранита с прозрачной почти кристалльной водой.

– Мне здесь нравится, – Ева улыбнулась и посмотрела на Эльдара.

– Ну и прекрасно. Я думаю, в доме тебе тоже понравится. Ваши комнаты готовы, так что давайте в дом и будем обживать. Завтра с утра в школу. Так что спать сегодня нужно лечь пораньше. Пошли, – он взял их за руки и направился к лестнице, ведущей в особняк.

Отправив детей по своим комнатам, Томашевский обошёл дом и, спустившись на первый этаж, зашёл на кухню.

Его помощник стоял у плиты и разогревал ужин. Заметив своего босса, улыбнулся и, выключив газ, поспешно открыл дверцы шкафа, доставая тарелки.

– Эльдар Станиславович, садитесь ужинать.

Томашевский согласно кивнул и сел за стол, но на тарелку, которую перед ним поставил его помощник, казалось, не обратил никакого внимания. Он задумчиво смотрел прямо перед собой.

– Что-то случилось, Эльдар Станиславович? – обратился к нему молодой человек.

– Что? – Эльдар перевёл слегка рассеянный взгляд на Кравцова. – Нет, просто устал.

– Вы ли это говорите? Вы ведь иногда работали сутками и никогда не говорили об усталости.

– Знаешь, дети оказывается это очень хлопотное дело.

Кравцов улыбнулся.

– Это давно известно. Вы не волнуйтесь, я уже по вашему распоряжению позвонил в кадровое агентство и нанял весь обслуживающий персонал. Повар, две домработницы, садовник и гувернантка для детей начнут работать уже завтра в доме. Вы сможете побеседовать с каждым лично. Уверяю, это лучшие работники из всех, что мне удалось найти. Сначала я подумал ещё и о няне. Но мне сказали, что дети, достаточно взрослые и потому гувернантка вполне справиться и с её обязанностями. Так что с завтрашнего дня вы снова сможете заниматься только своими делами.

– Скорей бы. Откровенно говоря, воспитатель из меня никакой. Ева задавала мне сегодня так много вопросов, причём таких, что я, откровенно говоря, затруднялся на них ответить.

– Это понятно. Она девочка и ей необходимо общение с женщиной. Стас очень самостоятельный. В свои одиннадцать рассуждает, словно маленький мужчина и потому с ним будет проще. Я думаю профессионал, который приступит завтра к работе справиться со всеми возникшими проблемами. К тому же, у всех гувернанток в этом агентстве ещё и дополнительное образование психолога, а детям сейчас это очень нужно, потому что... – Кравцов замолчал, заметив на пороге двух маленьких представителей семьи Томашевских.

Эльдар тоже повернулся в сторону двери.

– Ну что растерялись? Проходите, будем ужинать. Сегодня будем довольствоваться тем, что заказал Игорь в ресторане, а завтра в доме начнут работать специально приглашённые для этого люди.

– У тебя есть прислуга? – спросил Станислав, присаживаясь рядом с дядей за столом.

– Не прислуга, а обслуживающий персонал, а для вас эти люди в первую очередь ваши помощники, поэтому обращаться к ним стоит вежливо и по имени, отчеству. Кстати, главный человек в нашем доме после меня, с которым я хотел вас познакомить, это Игорь Валентинович Кравцов, – Томашевский показал в сторону молодого человека, стоявшего у окна. – Он мой личный помощник. Но и вы можете обращаться к нему по любому поводу и вопросу. Он может решить практически все проблемы. Но, сразу расставляем акценты. Никаких личных просьб, как-то привести мороженое и прочее. Только важные и трудно исполнимые проблемы и вопросы. Приступайте к еде. Приятного аппетита! – Томашевский взял столовые приборы в руки и не торопясь принялся ужинать.

Он периодически посматривал на племянников, которые с аппетитом поглощали ужин.

– Теперь коль мы собрались здесь все вместе, давайте сразу ещё расставим все акценты о нашем дальнейшем совместном проживании. Вы знаете, что теперь в силу сложившихся обстоятельств я стал вашим опекуном. И это означает, что нам с вами придётся жить вместе долго, вплоть до вашего совершеннолетия. Я понимаю, что отец из меня никудышный. Учитывая, что опыт у меня отсутствует. Но я надеюсь, что совместными усилиями мы найдём общий язык и будем прекрасно ладить и жить под одной крышей в этом доме. Предупреждаю сразу, вить из меня верёвки не получится. Я буду пресекать на корню все попытки манипулирования. Потому что я всё-таки взрослый человек и лучше знаю, что для вас сейчас будет необходимо. Тем не менее, ваших прежних устоев, которые сложились, когда вы жили с родителями, никто отменять не будет. Вы ни в чём не будете нуждаться, как и прежде, но и лишнего, тоже ничего не будет. Я привык жить по распорядку дня. И надеюсь, что мы сможем сообща подстроить его для всех нас троих в этом доме. Завтракаем непременно вместе, потом водитель, которого я нанял для работы в доме, будет отвозить вас в школу, секции и привозить вечером домой. Телефон его вам передаст Игорь. Вам всё понятно?

– Понятно, – в один голос ответили племянники.

– А ты, как и прежде, будешь уезжать надолго из дома? – спросил Стас, обращаясь к Томашевскому.

– Нет. Теперь я буду всё время дома, за исключением поездок в офис, который у меня уже скоро появится в городе. Мы останемся в Санкт-Петербурге как минимум на год, пока будем привыкать жить все вместе. Если мои командировки вдруг и будут случаться, то уверяю, они будут кратковременными. Устраивает вас это?

– Более чем устраивает, – Стас улыбнулся.

– Ну, вот и отлично. Как еда? – он посмотрел на стремительно пустеющие тарелки племянников. – Может добавки?

Молчаливые кивки и поднятые руками в воздух тарелки, заставили Томашевского широко улыбнуться.

– Да, ещё забыл сказать вам самое главное. Завтра из школы вас вместе с водителем заберёт ваша гувернантка.

– Кто? – Станислав выронил вилку из рук, и столовый прибор, издав громкий звон о плитку пола, нарушил воцарившуюся тишину в кухне.

– Ты не знаешь кто такие гувернантки? Это люди, которые помогают детям в семье, обучают их и...

– Я достаточно взрослый, чтобы знать, кто такие гувернантки. Те же няньки, только для взрослых. У нас никогда ничего не было подобного, когда мы жили с родителями. Зачем нам какая-то нянька? Мы вполне самостоятельные.

– Видишь ли, Стас. Когда вы жили с родителями, ваша мама была с вами рядом и помогала вам во всём. Я как видишь, живу один, и мне некому помочь заботиться о вас. Я работаю иногда сутками и не смогу вовремя проверить ваши уроки, покормить вас и уложить спать. Вот для этого и существуют люди, которые мне будут в этом помогать.

– Но лично мне такой человек не нужен. Я взрослый и сам со всем справлюсь.

– Я понимаю, что ты достаточно взрослый, но для моего личного спокойствия этот человек всё же будет работать в нашем доме. И я надеюсь, ты смиришься с моим решением, и обсуждать его больше не будешь. Гувернантка нужна в первую очередь твоей сестре, да и дополнительное образование и помощь тебе лично тоже я думаю, будут не лишними. Так что мне бы очень хотелось, чтобы мои решения вы принимали беспрекословно. Раз ты достаточно взрослый, то надеюсь, понимаешь, что всё, что я делаю, это только ради вашего благополучия.

– Конечно, понимаю.

– Вот и отлично. Настоящий мужской ответ. В школу всё собрали?

– Мне нужны цветы, ведь завтра первое сентября. И твоё присутствие на школьной линейке тоже, – раздался тихий голосок Евы.

– Моё присутствие?

– Да, все родители идут с детьми на торжественную линейку первого сентября. Это такая традиция.

– Ну что ж, тогда конечно поедем вместе. Не волнуйся, цветы завтра купим с утра, когда поедем в школу. Что-то ещё? – он снова посмотрел на девочку, но она отрицательно покачала головой. – Ну, тогда чистить зубы и спать! Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – Стас громко отодвинул стул и направился на выход. – И спасибо за ужин.

Ева последовала за братом, но на пороге кухни резко остановилась.

Заметив её присутствие, Томашевский обернулся.

– Что-то случилось?

Девочка переступала с ноги на ногу и сжимала пальчиками край своей футболки.

– Ну, говори, – Томашевский внимательно посмотрел на неё.

– А ты зайдёшь ко мне перед сном, чтобы поцеловать меня на ночь?

– Что сделать? – Томашевский слегка недоуменно на неё посмотрел.

– Мама и папа всегда целовали меня на ночь перед сном.

Эльдар перевёл взгляд на улыбающееся лицо Игоря.

– Хорошо, дорогая, я зайду к тебе перед сном, обещаю.

Когда девочка с улыбкой вприпрыжку покинула кухню, Томашевский снова посмотрел на своего помощника.

– Нет, Игорь, вы слышали это? Я должен каждый вечер, оказывается, целовать её на ночь перед сном.

– Эльдар Станиславович, это нормально. Она ведь девочка и ей хочется тепла и нежности.

– Ты считаешь, что я способен дать ей это?

– Но у вас теперь нет другого выхода. Ведь теперь они ваши дети. А дети иногда требуют в чём-то ломать свою жизнь и подстраивать её под них.

– Ты так много знаешь об этом, словно воспитывал сам. Ведь у тебя нет своих детей.

– Вы правы, у меня нет пока своих детей. Но я из многодетной семьи и что такое воспитывать младших, знаю не понаслышке. Так что я думаю, если вы хотите завоевать их доверие и сердца, вам нужно в чём-то менять себя.

Томашевский тяжело вздохнул.

– Лишь бы справиться со всем этим достойно, – он поднялся на ноги и медленно направился на выход из кухни. – Спасибо за ужин, Игорь. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – Кравцов с улыбкой смотрел в спину своего босса.

Потушив свет в коридоре на втором этаже, Томашевский приоткрыл дверь спальни Евы и заглянул внутрь комнаты.

– Можно к тебе? – обратился он к ней тихо.

– Заходи.

– Как тебе твоя спальня? Понравилась?

– Здесь очень красиво. У меня никогда не было такой комнаты.

– Если тебе будет нужно ещё что-нибудь, ты мне говори, хорошо? – он присел с ней рядом и погладил её по волосам.

– Можно сказать прямо сейчас?

– У тебя появилась просьба?

Ева молча кивнула.

– Говори, конечно.

– Мама обещала, что когда я пойду в первый класс, она меня отдаст в балетную школу. Я уже несколько лет мечтаю о танцах и в детском саду немного занималась хореографией с педагогом.

– Именно поэтому ты и не расстаёшься с этой плюшевой балериной в лягушачьем образе? – Томашевский улыбнулся.

Девочка сжала ручками игрушку и улыбнулась.

– Да. Я тоже мечтаю о таких, как у неё пуантах и пачке, – она нежно провела пальчиками по игрушке.

– Пачке?

– Да, это накрахмаленная пышная юбочка, видишь, как у неё, – она вытащила игрушку из-под одеяла, и показала её Томашевскому.

Эльдар улыбнулся.

– И ты действительно хочешь заниматься балетом? Знаешь, я слышал, что это очень сложно и не у всех, получается, дойти до своего личного триумфа.

– Я очень хочу попробовать. Обещаю, – она поднялась и присела в постели, – что я буду стараться, очень, очень. Я буду успевать учиться и в школе, и в балетном классе. Пожалуйста, поверь мне.

– Ну, хорошо, дорогая, я подумаю над твоей просьбой и завтра попытаюсь найти нужную нам школу. Вечером сообщу тебе, смогу ли я осуществить твою мечту.

– Правда? – Ева широко улыбнулась.

– Ну конечно, правда. Я всегда выполняю свои обещания. А теперь, давай спать. Завтра у тебя очень важный день, – Томашевский склонился и поцеловал её в щёку. – Спокойной ночи.

Ева обхватила его руками за шею и крепко зажмурила глаза.

– Спокойной ночи, дядя. Я тебя очень люблю. И я так рада, что ты взял нас к себе.

– Я тоже рад, что вы будете жить со мной. А теперь спи, – он погладил её по волосам и, поднявшись на ноги, потушил свет и медленно направился на выход из спальни.

Эльдар приоткрыл дверь напротив и зашёл в комнату Стаса. Мальчишка уже крепко спал, повернувшись на правый бок. Томашевский с улыбкой осмотрел разложенную на банкетке хоккейную экипировку, и ещё раз взглянув на племянника, покинул комнату, направляясь в свою спальню.

Раздевшись и приняв душ, лёг в постель. Эльдар, наконец, вздохнул с облегчением. Неделя дел и бесконечных хлопот показалась ему концом света. Он ещё никогда не уставал так сильно, как за эти семь дней последней августовской недели.

Повернувшись на бок и потушив свет, он прикрыл глаза и погрузился в сон. Но спустя час, резко открыл глаза и подскочил на месте, от прикосновения к своей руке маленькой тёплой ладошки.

Он пытался рассмотреть в темноте детское лицо. Потянувшись рукой к тумбочке, щёлкнул пальцами по кнопке выключателя прикроватной лампы и зажмурился от резкого разрушения тьмы светом, стремительно воцарившегося в его комнате.

– Ева, что случилось? – он с волнением во взгляде всматривался в лицо девочки, по щекам которой стекали крупные слёзы.

– Мне приснилась мама. Она плакала и звала меня, – девочка громко расплакалась и уткнулась лицом в его грудь.

Томашевский не знал, что ему делать и как поступить. Он нерешительно поднял руку и, погладив её по волосам, прижал к себе.

– Успокойся, это всего лишь сон. Ты сейчас успокоишься, снова заснёшь, и тебе больше ничего не приснится. Уверяю тебя.

– Правда? – она подняла на него глаза.

– Конечно.

– Можно я лягу спать в твоей комнате? Вот здесь на краешке постели? – она показала пальчиком в изножье его кровати.

– Нет, дорогая, в моей комнате спать нельзя. Но мы сейчас пойдём в твою спальню, и я побуду с тобой столько, сколько ты захочешь. Хорошо?

– Хорошо.

– Подожди меня, пожалуйста, за дверью. Мне нужно одеться.

Девочка согласно кивнула и направилась на выход из комнаты.

Когда дверь за ней закрылась, Томашевский, ругаясь про себя, поднялся на ноги и подошёл к шкафу. Его привычка спать раздетым, похоже, теперь должна остаться в прошлом и покупка пижамы, которые он ненавидел с детства, теперь была неизбежна, учитывая новые обстоятельства его жизни.

Перебрав свои многочисленные рубашки и классические брюки, с облегчением вздохнул, когда, наконец, обнаружил на самой нижней полке свои старенькие джинсы и футболку, которые сам не знал почему, хранил до сих пор. Сегодня они оказались для него настоящим спасением.

Быстро набросив на себя одежду, он покинул спальню и, взяв Еву за руку, направился в её комнату. Уложив её в постель, он присел рядом на кровати, прислонившись спиной к мягкому изголовью.

– Спи. Я буду охранять твой сон, чтобы тебе ничего больше не приснилось, – он с нежностью погладил её по волосам.

Девочка улыбнулась и, обхватив его большую ладонь своими пальчиками, прикрыла глаза.

Она уже крепко спала, а Томашевский всё ещё боялся пошевелиться, опасаясь разбудить её. Он покинул её комнату только в три часа ночи. Не высавшийся и не отдохнувший он зашёл в свою спальню и, стянув через голову футболку, нервно отбросил её на банкетку и завалился на кровать прямо в джинсах.

Неделя его новой жизни сводила его с ума и, похоже, начинала подтачивать его устоявшееся многолетнее спокойствие. Но выхода у него не было. Хотел он этого или нет, но у него теперь другая жизнь и со всеми её нюансами ему придётся смириться.

Глава 3

Стефания слегка приоткрыла веки и, обнаружив перед глазами на своей подушке уютно расположившуюся кошку, тяжело вздохнула.

– Маркиза, ты снова здесь. Я ведь тебя просила уже неоднократно не залезать в мою постель, когда я сплю. Тем более не ложится на мою подушку, – она сдвинула рукой кошку в сторону и та, удостоив хозяйку недовольным взглядом, нехотя спрыгнула на пол.

Грациозно пересекла комнату и, сделав изящный прыжок вверх, уютно расположилась на залитом солнцем подоконнике с таким благородством, какое было бы возможно только у представительницы высшей аристократии русской голубой породы, к которой она и принадлежала.

Роскошный голубой окрас с серебристым отливом на кончиках, переливающийся шёлковым блеском в сиянии лучей, стройные длинные лапы, гордая осанка, изящная голова, длинные усы и проникновенные переливающиеся глаза цвета морской волны.

Маркиза снова недовольно взглянула на Стефанию и, отвернувшись, принялась смотреть в стекло.

Оболенская сладко потянулась, грациозно выбрасывая ладони в стороны и протянув руку, щёлкнула пальцами на кнопку музыкального центра. Когда нежные звуки скрипичного концерта Вивальди заполнили комнату, она поднялась и присела в постели.

Обвела взглядом комнату и улыбнулась, когда её глаза остановились на оконном стекле. Небо с утра было ясным и, похоже, первый сентябрьский день обещал стать сегодня тёплым и приветливым.

Поднявшись с постели, она подошла к окну, где располагался её импровизированный балетный станок и, ухватившись кончиками пальцев за полированный поручень, встала к нему лицом и сделала несколько приседаний «плие». Её ежедневная и лёгкая хореографическая разминка, которую она делала каждое утро, помогала ей проснуться и зарядиться отличным настроением на весь день. Стеша отвела руку в сторону и, сделав ещё несколько глубоких наклонов, улыбнулась и склонилась к кошке.

– Все ещё дуешься на меня? – Стефания осторожно подула губами, пытаясь привлечь внимание кошки к своей персоне. – Не злись, – она нежно почесала пальцами Маркизу за ухом. – Ты же знаешь, что я люблю только тебя, но ещё больше я люблю порядок в своём доме во всём. И мы с тобой изначально условились, что ты спишь в той плюшевой лежанке, что я купила тебе. Между прочим, меня уверяли, что она эксклюзивная, и я отвалила за неё не малые деньги.

Кошка, наконец, повернула голову, и внимательно посмотрев на хозяйку, тихо мяукнула.

– Моя девочка, ты у меня умница, – Оболенская погладила её по голове и, взяв полотенце со стула, медленно направилась в душ.

Покинув ванную комнату и на ходу расчёсывая вымытые волосы, она зашла на кухню. Сварив кофе, Оболенская остановилась напротив приоткрытого холодильника, с обречённым взглядом изучая его содержимое.

Крутившаяся под ногами и громко выпрашивающая свой положенный завтрак Маркиза, добавила Стеше порцию дополнительного чувства вины за свою забывчивость накануне.

Разделив единственную оставшуюся пачку творога пополам и добавив по ложке йогурта Стеша склонившись, поставила кошачью миску перед Маркизой.

Понюхав еду, кошка недовольно мяукнула и снова подняла глаза на хозяйку.

– Извини, дорогая, но это всё, что есть сегодня утром в нашем холодильнике. Ты же знаешь, я вчера вернулась с работы поздно и не успела зайти в магазин, – Стефания всыпала

цукаты в свою порцию творога и, взяв ложку, принялась за еду. – Обещаю сегодня захватить и купить твои любимые паштеты.

Кошка тоскливо посмотрела на творог, поднялась на лапы и, задрвав хвост трубой, гордо удалилась с кухни.

– Подумаешь, привереда. Отличный творог, – Стеша отставила пустую пиалу в раковину и налив в кружку горячий чай, вернулась в спальню.

Перебрав многочисленные вешалки в шкафу, и взглянув ещё раз в окно, она достала свой любимый наряд, который приобрела совсем недавно и положила его на кровати. Допив чай, быстро сбросила с себя халат и начала переодеваться.

Узкие облегчающие белоснежные брючки и батистовая кофточка с роскошным ришелье на плечах заставили её ещё несколько минут с удовольствием крутиться перед зеркалом. Слегка завив кончики своих волос, она уложила их красивыми локонами по плечам, сделала лёгкий макияж и, обернувшись, с улыбкой посмотрела на присевшую у порога кошку.

– Ну и как я тебе? – Стефания сделала поворот вокруг своей оси с грациозным выбросом руки в сторону.

Кошка громко мяукнула и внимательно посмотрела на хозяйку.

– Ну, я тоже так думаю, что я обворожительна, – Стефания, склонившись, застегнула пряжки своих босоножек и, взяв сумочку, направилась в прихожую, стремительно покидая квартиру и направляясь на работу.

Очередное длительное ожидание своего рейсового транспорта на остановке растянулось на полчаса. Оказавшись, наконец, в салоне автобуса и присев в кресло, она перевела свой взгляд в стекло и задумалась.

Она работала преподавателем и хореографом в частной школе классического танца уже два года, после того, как покинула с громким скандалом театр, в который попала по приглашению сразу же после окончания Академии русского балета имени Вагановой. Нынешнее скромное положение в нише балетного искусства её несколько не смущало. Умение быть довольной своей жизнью и извлекать пользу из любой даже самой, казалось бы, безвыходной ситуации, и идти по жизни только с позитивным настроением. Эти качества были заложены в ней ещё со времён поступления в хореографическую академию и очень часто впоследствии пригодились ей и в нынешней жизни.

Танец... Ей казалось она начала танцевать раньше, чем говорить. Мама всегда рассказывала, что когда ей было всего два года, она стояла перед телевизором и, повторяя бесконечные па за артистами балета, пыталась всё это грациозно исполнять самостоятельно. Стефания любила то, чем занималась сейчас, но танцевать сама, любила ещё больше.

Это была её зависимость, её личный наркотик, когда включив музыку в танцклассе после ухода учеников, надевала пуанты и танцевала до изнеможения, чтобы в тайне снова прикоснуться к этому волшебству парения, погружения в своё внутреннее состояние, взлетая высоко в небо и падая на землю. Когда она танцевала, ей казалось, что её душа покидает тело. И она, делая бесконечные пируэты по паркету балетного класса, словно растворяется в пространстве и упоительном состоянии вечной жизни и царства над нею его величества танца.

Каждый день она отдавала частичку себя тем, кто с юных лет уже сейчас был готов служить Терпсихоре, безгранично любить сцену, музыку и пластику движения, отдавая всего себя танцу до конца своей жизни. Но её старания и умения не все в школе принимали адекватно, и в первую очередь этими противниками были её коллеги, что работали с ней рядом.

Бывшие именитые и не очень, сейчас по прошествии многих лет, делили поровну учеников и танцклассы, пытаясь вырастить себе достойную смену. Поэтому молодая выскочка, которая появилась на их территории, сразу же вызвала больше вопросов, чем ответов и так и не стала своей в кругу этой профессиональной балетной элиты.

Нестандартный подход к каждому ученику с её стороны нещадно подавлялся, и запрещался со стороны руководства. Никому нельзя выделяться из общей толпы, все должны быть едины.

Но ей было всё равно. В свои двадцать девять она была готова к яростному сражению со всеми препятствиями судьбы. Потому что получила хорошую прививку в ранней юности. Пройдя суровую школу обучения в академии, ей казалось, что теперь ей уже ничего не страшно, и она готова пройти все трудности, пусть не на сцене, а всего лишь в танцклассе. Служение балету многогранно, и она принимала свой путь с благодарностью.

Маленькой девочкой в пятилетнем возрасте, она приехала в Санкт-Петербург вместе с мамой, после смерти отца из крошечного белорусского городка. Одержимая идеей стать именно балериной, и попав в столицу русского классического танца, она изводила маму просьбами отвезти её в балетную школу. Лавры прославленных танцовщиков прошлого не давали покоя, и она в момент своего нежного возраста, видела себя в будущем никак не меньше, чем прима-балериной Мариинского театра.

Сложный этап отбора, начальные азы техники и пластики, которые она получила в частной школе прославленной балерины в прошлом, и долгие годы упорного труда в хореографической академии, когда пройдя первоначальный этап погружения в профессию уже точно, знала, что никогда не сойдёт с этой тернистой дороги. Долгие восемь лет тяжкой борьбы, страшных перегрузок, боли в мышцах, сбитых в кровь пальцев на ногах, вечного чувства голода, оскорбительных криков педагогов, когда после очередной неудачи и жуткой усталости, хотелось просто завывать в голос.

Но она выстояла и не просто выстояла, а победила. И на выпускном дипломном спектакле вместе со своим другом танцевала главные партии спектакля «Фея кукол». Получив заветный диплом и приглашение в один из лучших театров города, она вместе с Петром Аракчеевым влилась в прославленную труппу и свою новую взрослую жизнь.

Заветных и ведущих партий естественно сразу никто не предложил, и несколько лет пришлось довольствоваться крошечными выходами на сцену в группе кордебалета. Но последний год её театральной карьеры всё-таки внёс свои небольшие коррективы в её размеренную жизнь. И когда в театре сменилось руководство и главный балетмейстер, она вытянула, наконец, свой счастливый билет судьбы. И то, что казалось, ещё совсем недавно могло ей только присниться, случилось наяву и совсем неожиданно. Она получила ведущую партию Сильфиды в знаменитом балете.

Активная подготовка к спектаклю, занятия до седьмого пота и изнеможения, бесконечные слёзы и истерики украдкой, когда ничего не получалось и вот, наконец, заветный рубеж до которого осталось рукой подать, был преодолен и финальный прогон перед спектаклем должен был состояться уже вечером.

Но, похоже, Фортуна снова повернулась к ней спиной и чудесного восхождения на Олимп так и не случилось. Всё кардинально изменилось в её судьбе вечером, накануне спектакля, когда её пригласили в кабинет директора театра, чтобы обсудить последние детали предстоящего важного события.

Она пришла туда во время последней репетиции, даже не переодевшись. И была удивлена, когда в кресле руководителя обнаружила не директора театра, а надменного и холёного мужчину в дорогом костюме. Давнего мецената их театра, который пуская слюни на её обнажённые участки тела, недвусмысленно ей дал понять, что сегодняшнюю ночь она проведёт с ним, если хочет и дальше быть в этом театре примой. Его бесцеремонное поведение и потные руки, плотным кольцом сжимающие её тело, Стефанию не испугали. Исцарапав его лицо до крови, и добавив ко всему прочему удар коленом в самое пикантное место, заставили мужчину взвыть от боли.

Оболенская стремительно покинула кабинет, сказав ему напоследок пару ласковых слов. Выскочив в коридор, она бежала, не разбирая дороги, на ходу, дрожащими пальцами вытаскивая шпильки из своей строгой причёски, чтобы, наконец, распустить волосы и почувствовать хоть какое-то облегчение от того железного обруча, который сдавил её голову.

Утром, когда она появилась на пороге театра, в вестибюле уже крупно зиял приказ о её увольнении с весьма неприятной формулировкой. Она ушла с высоко гордо поднятой головой, забрав все свои вещи из гримёрки и не обращая внимания на шепоток балетных коллег по цеху за её спиной.

Безуспешные попытки найти работу, хоть в каком-нибудь театре оканчивались каждый раз неудачей. Бывшее руководство дало ей «прекрасные рекомендации», которые став публичными, с треском проваливали все её начинания.

Год пребывания дома и скромная жизнь на заработную плату мамы, съёмная квартира, которая из месяца в месяц становилась всё меньше и хуже предыдущей. И когда, окончательно отчаявшись снова вернуться на путь служения балету, Стефания решила начать свою жизнь сначала и направилась в библиотеку, узнав о вакансии, не требующей специального образования, как обычно в судьбу вмешался его величество счастливый случай.

Её бывший педагог, прославленная балерина в прошлом, встретила её случайно в продуктовом магазине и пригласила в частную балетную школу, в которой работала сама последние несколько лет. Позвала просто посмотреть на занятия с детьми, чтобы увидеть другую сторону балетной жизни.

Появившись на занятиях один раз, Стеша пришла туда ещё и ещё, снова и снова. Словно замороженная она смотрела на хрупкие фигурки юных балерин, старательно вытягивающих носочки, ровно удерживающих спинку и с выражениями совсем не детских лиц. Вспомнила себя в их возрасте и долго сидела на скамье, в углу молча, словно невольно погрузилась в своё давно забытое прошлое.

Она заболела преподаванием и, несмотря на то, что опыта у неё было крайне мало, когда Галина Анатольевна предложила ей заменить её в своей группе, Стефания не задумываясь, согласилась. Поначалу ей было трудно найти подход к девочкам. Установившиеся годами порядки её педагога было невозможно изменить и подстроить под себя. Но когда они вдвоём благополучно выпустили этот класс и набрали новых, Стеша, наконец, взяла бразды руководства в свои руки и выстроила свой собственный непохожий ни на кого уровень балетного воспитания.

Она окунулась в эту работу с головой, отдавая все силы, зачастую оставаясь допоздна и работая с каждой воспитанницей индивидуально. Заработная плата педагога, безусловно, оставляла желать лучшего, но вдвоём с мамой их скромного общего дохода хватало на то, чтобы безбедно существовать длительное время.

Смерть самого близкого человека год назад невольно заставила Стефанию потерять опору под ногами. Внезапный уход мамы по причине остановки сердца прямо на улице не укладывалось в её голове, и она долго не могла с этим смириться и прийти в себя.

Работа снова спасла её, но существовать дальше лишь на свою скромную заработную плату педагога без опыта стало просто невозможно. Подыскивая подработку на вторую половину дня или ночные смены, она перебрала множество объявлений, пока не наткнулась на вакансию танцовщицы в элитном ночном клубе с непременным требованием наличия профессионального хореографического образования.

Не имея ни малейшего понятия о танцах подобного рода, она всё-таки пошла на собеседование и, показав всё, что умеет перед комиссией из двух сотрудников этого заведения, поняла, что шансов у неё никаких.

Обречённо покидая зал своей последней надежды на хорошую жизнь, она была неожиданно остановлена охраной у самого выхода из ночного клуба. И когда дверь кабинета хозяина этого заведения распахнулась, она не знала плакать ей или радоваться.

Пётр Аракчеев, её верный друг и вынужденный спутник нелёгкого балетного пути их юности стоял перед ней собственной персоной у окна. Только в несколько ином образе, чем прежде. Не трепетный мальчишка с сиянием синих глаз и нежной улыбкой, а холёный и уверенный в себе взрослый мужчина, в дорогом костюме, с несколько иными манерами и взглядами на жизненные вопросы.

Они не говорили много о своей жизни. И он не спрашивал у неё подробности всего, что случилось с ней. Знал, наверняка, что было нелегко, потому что, как и она покинул театр со скандалом всего через месяц после её ухода.

Когда Стефания, спустя час после их разговора вышла из здания ночного клуба и остановилась на ступенях лестницы, то поняла, что её судьба снова сделала крутой вираж, разделив её новую жизнь на две половины.

Утром и днём она, как и прежде будет сама собой, скромным хореографом, преподающим нежное и возвышенное своим маленьким подопечным. А вечером её ждал другой образ и партия Одиллии, которую ей предстояло исполнять не на балетной сцене, а у пилона. Потому что отныне образ рокового чёрного лебедя и громкое имя балетного персонажа стало её вторым. Именно так её зовут отныне в труппе танцовщиц ночного клуба «Колизей».

– Девушка, конечная! – прохладная рука контролёра коснулась её плеча, заставив невольно вздрогнуть и подскочить на месте.

Стеша прервала воспоминания и, повернув голову, недоумённо посмотрела на женщину.

– Что вы сказали?

– Я сказала, конечная остановка. Вы будете выходить?

– Как конечная? Господи, я проехала свою остановку. Остановите автобус, пожалуйста! – закричала она водителю и, подскочив на ноги, быстро направилась на выход к распахнувшимся дверям.

Стремительно перебежав на другую сторону улицы, она отчаянно махнула рукой водителю автобуса,двигающегося в обратном направлении и буквально на ходу вскочила в приоткрытые двери.

Добравшись, наконец, до места и покинув остановку, она стремительно направилась к трёхэтажному зданию, в котором располагалась балетная школа. Переждав несколько движущихся машин, Стеша преодолела дорогу, и быстро направилась вдоль бордюра, уже предвкушая всё, что ей сейчас придётся выслушать от директрисы за своё опоздание. Она сосредоточила свой взгляд на стоявшей у ворот матери одной из её воспитанниц, но неожиданно громко вскрикнула от внезапного потока холодной воды, которая окатила её с ног до головы.

Два чёрных внедорожника на бешеной скорости промчались мимо неё, и продолжили и дальше бурным потоком разливать в разные стороны грязную воду, оставшуюся на асфальте после вчерашнего сильного дождя.

Слова ругательства застряли в её горле, а на глазах выступили слёзы, когда она, опустив свой взгляд, увидела, во что превратился её белоснежный наряд. Чёрные точки и разводы грязной воды плотно впитались в ткань.

Стефания повернула голову, пытаясь рассмотреть номер хотя бы одной из стремительно удаляющихся машин, но успела рассмотреть только последние две буквы одной из них.

Осторожно отряхнув пальцами воду и достав бумажные салфетки из сумочки, она попыталась впитать излишки влаги, но сделала только хуже. Грязные следы расплзлись уродливыми пятнами, и одежда была окончательно испорчена. С трудом сдерживаясь, чтобы не завывать в голос от отчаяния и неудачно начавшегося дня, Стеша двинулась к воротам школы.

Когда она преодолела калитку и стремительно направилась к лестнице, невольно заметила в левом углу своего зрения нечто, что заставило ее резко остановиться на месте и, повернув голову, ослепительно улыбнуться. Она подняла глаза к небу и поблагодарила высшие силы, за то, что справедливость на земле всё-таки существует.

Две огромные чёрные машины её неожиданных обидчиков, которые испортили ей одежду, стояли на парковке школы.

Набросив на плечо сумочку, она не спеша подошла к одной из машин и с опаской заглянула внутрь. Несмотря на плотную тонировку стёкол, ей всё же удалось рассмотреть, что в салоне никого не было. Когда она произвела осмотр и второго автомобиля, остановилась у дверей и задумалась.

Приезд подобных транспортных монстров был не редким в стенах этой школы. Многочисленные меценаты и спонсоры, любители высшего искусства, и просто состоятельные мамы, привозившие своих талантливых дочерей на занятия, были привычным делом, и в этот раз наличие очередного богатого посетителя, появившегося на этих чёрных внедорожниках, Стешу тоже не удивили. Она осмотрела машины ещё раз со всех сторон, и немного подумав, загадочно улыбнулась.

Опустившись на корточки у переднего колеса одной из машин и, открутив колпачок для ниппеля, она стремительно отбросила его в сторону. Продавив ногтем золотник шины, осторожно спустила колесо. Обойдя с другой стороны, проделала то же самое и со вторым. Закончив своё злодеяние в подобном ключе и с другой машиной, она поднялась на ноги и, осмотрев содеянное, с улыбкой направилась по ступенькам лестницы внутрь здания.

– Стеша, что с тобой? – уборщица смотрела на неё слегка испуганно. – Где ты грязь нашла, на улице ведь сухо.

– Свинья грязь всегда найдёт. Это я не про себя разумеется, а про того, кто мне так удружил. Меня никто не искал?

– Как же не искал. Директриса уже рвёт и мечет. Ищет тебя по всем этажам. Ты что телефон отключила?

– Чёрт, совсем забыла... – Стефания выругалась вслух и полезла в сумочку, извлекая на свет, почивший с прошлого вечера телефон. – Нет, я сегодня точно кого-нибудь убью! – она топнула ногой. – Ладно, я пошла, переоденусь, пока Эвелина меня не увидела в таком виде, – Стефания быстро взбежала по ступенькам и, оказавшись на втором этаже, стремительно направилась в свой кабинет, но громкий голос директора школы, раздавшийся за её спиной, заставил её невольно вздрогнуть и резко остановиться на месте.

– Стефания Павловна, вы меня, что не слышите? – повторное восклицание противного визгливого голоса, заставило Стешу, обернуться и попытаться хотя бы сумкой прикрыть свой не очень презентабельный вид.

Директриса направлялась в её сторону стремительно, приглашая за собой какого-то важного господина в шикарном чёрном костюме, который делая большие шаги, с интересом осматривался по сторонам. За ним следовала охрана из двух человек тоже весьма изысканного вида, соответствующего своему хозяину.

Когда они поравнялись и встали рядом с ней, Оболенская в один миг поняла, что сегодня точно не её день. Потому что увидела возле себя наглую холёную физиономию мерзкого сноба, которого она уже имела честь лицезреть в своей жизни в прошлом году, столкнувшись с ним случайно в цветочном магазине.

– Стефания Павловна, я вынуждена сегодня разыскивать вас по всей школе. Где вы были? Господи, и что... – Эвелина Алексеевна с ужасом осматривала её одежду. – Что с вашей одеждой?

– Несчастный случай на дороге. Я поэтому и опоздала, – Стеша заметила на лице Томашевского лёгкую улыбку после её слов, и за это ей в один миг захотелось врезать ему сумочкой по голове.

– Кошмар! До работы себя доставить благополучно не можете. Я хотела срочно поговорить с вами.

– Слушаю Вас, – Стефания старалась не смотреть на мужчину, который прожигал её глазами, с момента, как остановился рядом с ней на расстоянии вытянутой руки.

– Я знаю, что в вашей группе одна из девочек уехала, и у вас освободилось одно место.

– Вы правы, Настя Кортнева уехала с родителями в другой город.

– Вот и отлично. В таком случае, я вам сообщаю, что с завтрашнего дня у вас будет новая ученица, – Бунина растянула губы в широкой улыбке, поворачивая голову к Эльдару. – Господин Томашевский завтра привезёт свою приёмную дочь, и вы оформите её, как положено и начнёте с ней заниматься.

– Я не могу этого сделать.

– Что значит, не можете? – Бунина пронзала её взглядом.

– Вы же знаете, что пока ребёнка не посмотрит комиссия школы и не оценит степень и уровень его готовности, и физических данных, я не смогу его взять к себе в группу.

– У нас негосударственное учреждение, и мы не готовим артистов для Большого театра, а берём всех, кто желает учиться искусству танца. А тот тщательный отбор по физическим данным и артистизму, что делаете вы, давно вызывает протест не только у родителей, но и у всех остальных педагогов.

– Но я считаю, что необходимо учить балету лишь тех детей, кто действительно этого хочет и имеет все необходимые физические данные.

– Но моя племянница именно с таким неуёмным желанием и хочет учиться балету. А её физические данные уже оценил хореограф, с которым она занималась несколько лет назад, – прерывая их разговор, вмешался Томашевский.

Стефания повернулась и смерила его уничтожающим взглядом.

– Если так, то вы вправе взять ребёнка этого господина в нашу школу, но только, не в мою группу.

Директриса схватила её за руку и, извинившись перед Томашевским, отвела Оболенскую чуть в сторону.

– Ещё одно слово, и тебя завтра здесь не будет, и заступничество твоего бывшего педагога тебе не поможет. Мы должны небо благодарить за то, что посылает нам такого клиента, а ты говоришь ему «нет». Ты что, действительно не слышала, кто такой этот Томашевский, или ты прикидываешься?

– Мне всё равно кто он такой. Я не буду заниматься с его племянницей.

– Почему?

– У меня есть свои принципы. Я отношусь к балету не как к танцульке или сиюминутной прихоти, а как к высшему искусству и потому мне хочется брать детей в свою группу, не учитывая социальный статус их родителей, а действительно талантливых и способных. И пока квалифицированная комиссия школы хотя бы из двух педагогов не выявит у девочки наличие необходимых физических данных для занятия балетом, и проверят её артистичность и гибкость, я работать с ней не буду. У меня таких блатных учеников пол класса, которые просто захотели учиться балету от простой прихоти и бездельничающих на каждом уроке. Я не собираюсь добавлять к этому списку и ещё один подобный экземпляр, только потому, что её приёмный отец какая-то шишка в этом мире.

– Тише ты! Он же всё слышит, – директриса крепко сжала её пальцы. – Я терплю твоё своеволие в стенах моей школы только из-за твоих способностей хорошего хореографа и реко-

мендаций твоего наставника, но в этот раз ты переходишь всякие границы. И если ты не согласишься прямо сейчас, то...

– Можете меня увольнять. Я не буду брать этого ребёнка в свою группу.

– Ну, хорошо, – Эвелина Алексеевна прищурилась и, повернув голову, посмотрела на Томашевского, который с лёгкой улыбкой на губах, терпеливо ожидал окончания их разговора. – А если завтра комиссия признает, что этот ребёнок перспективный, ты тогда возьмёшь её в свою группу?

– Посмотрим.

– Хорошо. Заседание комиссии завтра в десять утра. Твоё присутствие обязательно, – Бунина вернулась к Томашевскому и, взяв его под локоть, направилась по коридору в свой кабинет.

Стеша посмотрела им вслед и, развернувшись, направилась в репетиционный зал. Дав задание своим воспитанницам, она поспешно удалилась в свою комнату и, сняв грязную одежду, быстро облачилась в эластичный костюм для тренировок с полупрозрачной шифоновой юбкой до колена чёрного цвета. Поставив ногу на стул, и слегка приподняв край юбки, она надела на ногу одну из балетных туфель и принялась неторопливо и аккуратно завязывать шёлковые ленты на щиколотке. Сегодня она намеревалась показать девочкам лично, как делать пируэты и потому должна быть экипирована полностью.

– Пленительная поза... – тихий мужской голос заставил Стефанию подскочить на месте и отдёрнуть юбку.

Оболенская резко обернулась и, заметив стоявшего в дверях Томашевского, попыталась подобрать в голове подходящие нелестные слова для его приветствия.

– Чтоб вам пусто было! Как вы меня напугали... – она шумно выдохнула.

– Боюсь, ваши предсказания не сбудутся. Я защищён от этого.

– Очень жаль. Что вы здесь делаете? Сюда посторонним вход воспрещён. Покиньте немедленно помещение.

– А я смотрю дерзости с момента нашей последней встречи, у вас не поубавилось. Ну что ж, тем не менее, скажу, что я очень рад нашей новой и такой неожиданной встрече.

– А мы разве с вами встречались прежде?

Томашевский громко рассмеялся.

– Только не говорите, что вы не узнали меня. Потому что это неправда. Вы прекрасно помните меня, и это было просто отображено на вашем лице, когда я подошёл к вам в коридоре, Стефания, – Эльдар произнёс её имя с таким наслаждением, словно смакуя каждую букву и пробуя её на вкус. – Царское имя и такое редкое.

– Ничего редкого. Обычное имя. Так что вам угодно в моей комнате? – Стефания пронзала его взглядом.

– Решил продолжить прерванный разговор, который неожиданно оборвался год назад. Вы не помните, на чём мы тогда с вами остановились?

– На том, что такие самоуверенные типы как вы, меня раздражают, – Стеша завязала ленты балетных туфель на второй ноге и подошла к нему вплотную. – Дайте пройти, господин Томашевский. Меня ученицы ждут.

– Меня зовут Эльдар, – тихо произнёс он, пристально всматриваясь в её глаза.

Она усмехнулась.

– Красиво, и что дальше?

– Дальше я предлагаю вам поужинать со мной сегодня вместе, и обсудить подробнее обучение моей племянницы в вашей группе.

– Поужинать в ресторане и обсудить обучение вашей племянницы? Чего уж кривить душой, скажите лучше сразу, что приглашаете меня в дорогой номер своего отеля.

Томашевский пристально смотрел на неё.

– Ну, если вопрос поставлен именно так, я люблю, когда всё по-взрослому. Без излишних реверансов и набивания себе цены. Так даже проще. Ну, так что вы согласны?

– Да пошёл ты, знаешь куда... Остряк! Убирайся прочь, и чтобы глаза мои тебя больше не видели, – Стефания оттолкнула его и попыталась выйти за дверь, но внезапно оказалась в плотном кольце его рук.

Томашевский крепко прижимал её к себе.

– Какая ты хрупкая и приятная на ощупь, – он медленно скользил пальцами по её платью, ощущая нежность и тепло её кожи сквозь тонкую шифоновую ткань.

– Отпусти меня! – зашипела Стефания, прожигая глазами его лицо.

Томашевский дерзко улыбнулся и, склонившись, попытался её поцеловать. Но вместо вкуса её губ, через мгновение ощутил жгучую резь в шее от её острых ногтей.

Зашипев от боли, он разжал пальцы и стремительно отошёл в сторону.

– Ненормальная! – он взглянул в зеркало на своё лицо, потирая пальцами красный след от глубокой царапины.

– Если не уберёшься сейчас из моей комнаты, всю физиономию расцарапаю. Так что проваливай отсюда!

Он снова подошёл к ней и смерил её оценивающим взглядом.

– Я уйду, но имей в виду, мы не закончили наш разговор. Я костями лягу, но ты окажешься в моей постели, и там я посмотрю, какая ты будешь смелая.

– Не переоцени свои силы в желании заполучить меня в свою кровать. В твоём возрасте это уже вредно.

– Что ты сказала? – Томашевский резко повернулся, но Оболенская, проскользнув под его рукой, поспешно покинула кабинет и с улыбкой, бегом направилась в репетиционный зал.

Эльдар смотрел ей вслед, потирая рукой пораненную шею.

– Вот стерва! Ну, подожди... – он развернулся и медленно пошёл по коридору на выход из школы.

Стефания стояла у балетного станка и внимательно наблюдала за одной из своих учениц, делая ей замечания и рукой помогая ей вытянуть ножку, как можно ровнее.

Невольно её внимание привлёк громкий мужской голос, раздающийся на парковке у школы.

Томашевский проводил разъяснительную работу среди своей охраны, показывая им пальцами на свой автомобиль. Двое здоровенных парней бегали от одной машины к другой, пытаясь найти насос и накачать спущенные колеса.

Стеша с улыбкой подошла к окну и присела на подоконник. Сложив руки на коленях, она едва сдерживала себя, чтобы не рассмеяться в голос, заметив панику и рассеянность в глазах Томашевского.

Словно почувствовав её взгляд на себе, он поднял голову и пристально всмотрелся в её лицо. Немного подумав, Эльдар подошёл ближе к зданию.

– Только не вздумай, мне сейчас сказать, что это твоих рук дело, – он показал пальцем на машину.

– Мы в расчёте. Ты испортил мою одежду, а я твою машину. Удачного дня, господин Томашевский, – Оболенская ещё раз улыбнулась и, спрыгнув на пол, плотно закрыла окно и направилась в центр зала.

Эльдар стукнул кулаком по капоту машины.

– Ну чего уставились? Быстро накачивайте колеса, мне ехать давно пора, – закричал он на охранников. – За каким чёртом я вас держу, если какая-то девка умудрилась незаметно спустить колеса у двух машин.

– Может её привлечь? – раздался голос одного из секьюрити. – Чтобы в следующий раз неповадно было.

– Я тебя привлеку. Пошевеливайтесь! – Томашевский распахнул дверь и сел в салон машины.

Он нервно постукивал пальцами по кожаной обивке сидения, словно пытаюсь хоть так немного успокоиться. Внутри него всё клокотало, подобно извергающемуся вулкану от гнева. Эта дерзкая девчонка уже второй раз доводила его до состояния бешенства.

– Ну, ничего, дорогуша, мы с тобой ещё поговорим, – тихо произнёс он, и нервно отбросил на сидение мобильный телефон. И как только его охранники сели в автомобиль, дал указание немедленно ехать в мэрию города.

Когда его машина вечером въехала на территорию особняка, он повернул голову и заметил на ступенях лестницы своего помощника. Игорь выглядел озабоченным и несколько расстроенным.

Томашевский покинул автомобиль и стремительно направился к дому. Поравнявшись, внимательно посмотрел на Кравцова.

– Что-то случилось?

– Эльдар Станиславович, нам нужно поговорить наедине.

Томашевский тяжело вздохнул. После общения с этой наглой девкой и скандалом с деловым партнёром ему только не хватало для полного счастья получить ещё какое-нибудь неприятное известие, чтобы сегодня окончательно сойти с ума.

Эльдар зашёл в свой кабинет и присел в кресло у стола.

– Как дети? – строго спросил он у помощника.

– С детьми всё в порядке. Правда... – молодой человек немного помедлил.

– Что-то случилось? – Томашевский взволнованно посмотрел на Игоря.

– Видите ли, весь персонал, что я нанял, сегодня уже приступил к работе в доме и лишь гувернантка...

– Игорь, вы можете не мямлить. Что гувернантка? Не устроила заработная плата? Условия работы?

– Нет, не в этом дело. Просто она уволилась.

– Что? Как это, уволилась? Не проработав и одного дня.

– Уволилась дистанционно по телефону, а дом покинула, как мне сказала охрана с громкими криками и плачем. Она на ходу сдёргивала с себя кофту и с громкими воплями перетряхивала всю свою одежду.

– Она что ненормальная? Игорь, вы, когда подбирали персонал, хорошо проверили это кадровое агентство?

– Очень хорошо. Мне час назад позвонили оттуда и сказали, что больше не смогут предоставлять нам своих сотрудников и требуют заплатить штраф.

– Штраф? – громко воскликнул Томашевский. – Какой ещё штраф? Что за бред?

– За причинение морального и физического вреда. Эльдар Станиславович, женщина, которая пыталась начать у нас работать, утверждает, что в её комнате и постели оказались белые мыши. И одна из них её укусила за руку.

– Мыши? Только этого не хватало. Игорь, но я же просил вас вызвать специалистов Санэпиднадзора и провести дератизацию в доме. Конечно, здесь никто не жил давно и возможно... Боже, какая мерзость! Бедная женщина...

– Эльдар Станиславович, белые мыши в подвалах домов не живут. Это порода, которую люди давно заводят с декоративной целью содержания, как домашнего питомца.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я видел клетку с белыми мышами в комнате Станислава сегодня днём, когда показывал домработницам особняк. Он держал их в клетке у кровати.

– Чёрт подери! Ну, я ему сейчас... – Томашевский, поднявшись на ноги, стремительно преодолел расстояние до двери и вышел в коридор.

– Эльдар Станиславович, только не ругайте его и не наказывайте, пожалуйста. С детьми так нельзя... – Игорь не поспевал за Эльдаром, который делая большие шаги, стремительно поднимался по лестнице на второй этаж.

Он прошёл по коридору и, остановившись у двери спальни Станислава, резко открыл дверь.

Мальчик сидел за столом и занимался. Перед ним на столе были разложены учебники и тетради. Он что-то скрупулёзно записывал в них, вдумчиво вчитывался в текст, и казалось, не замечал ничего из того, что происходило вокруг него.

– Стас, нам нужно поговорить, – Томашевский едва сдерживал себя, чтобы не закричать во всю мощь своего голоса.

Мальчик поднял голову, спокойно отложил тетрадь и ручку в сторону и взглянул на Томашевского.

– Слушаю тебя, дядя.

Эльдар опустил с ним рядом на стул и пристально посмотрел на племянника.

– Ничего не хочешь мне рассказать?

Мальчик удивлённо посмотрел на Томашевского.

– Об учёбе? Так у меня всё в порядке. Первый день, оценок не ставили, домашнюю работу уже делаю, – он показал пальцем на свою открытую тетрадь.

– Нет, не об учёбе. А о том, что случилось у нас в доме, пока меня не было.

– Ты об этой ненормальной гувернантке? Я уже сказал Игорю Валентиновичу, что эта женщина начала вести себя странно сразу же, как только переступила порог нашего дома. Но он мне не поверил, вот и результат.

– А причину её поведения ты случайно не знаешь?

Стас пожал плечами.

– Нет. Откуда мне знать, что у этой женщины творится в голове. Хорошо, что она ушла. Ведь она могла представлять опасность для нас с Евой.

Томашевский слегка растерялся от спокойной и размеренной бравады своего племянника. Он подумал о том, что одиннадцатилетний пацан ведёт себя так невозмутимо, как ни один из его взрослых партнёров и конкурентов по бизнесу, пытающихся за весь период его работы неоднократно утопить его и стереть с лица земли.

Ругательства рвались с его уст. Жалел сейчас только об одном, что он не был отцом этого сопляка. Иначе первое бы, что он сделал, это как следует, выдрал его ремнём по заднице.

– Значит, говоришь, не знаешь. Ну что ж, ладно. Уход гувернантки не беда, завтра наймём новую, – Эльдар поднялся на ноги и направился на выход из комнаты, но немного подумав, резко остановился. – Кстати, забыл тебе сказать. Очень хорошо, что завтра у тебя занятия в хоккейном клубе, потому что с утра я вызываю в дом службу Санэпиднадзора.

– Это зачем ещё?

– Ну как зачем? Если в доме завелись мыши их необходимо уничтожить всех до единой, – Томашевский быстро направился к двери.

– Дядя Эльдар, подожди, – Стас подскочил со стула и быстро направился к Томашевскому.

Эльдар резко остановился и, обернувшись, посмотрел на племянника.

– Не надо никого вызывать, это мои мыши, – мальчик кивнул на самую верхнюю полку шкафа, где в клетке сидели сразу четверо крошечных белоснежных хищников.

– Откуда они у тебя? Я кажется, тебе их не покупал. Или я что-то забыл?

– Они были у тётки Али, пока мы находились в лагере. Я сегодня после школы съездил с водителем и забрал их. Они скучали по мне.

– И поэтому ты подложил их в комнату и постель к несчастной женщине? А я думал ты умнее, и твои мозги нацелены на учёбу и хоккей, а ты пакостишь, как маленький ребёнок.

– Мне пришлось сделать это. Она нам не понравилась с Евой. Мы не хотели, чтобы она оставалась в этом доме, вот поэтому...

– Ясно. Вы так решили с Евой, а моё решение для вас пустой звук.

– Мы сами справимся без нянек. Тебе не нужно переживать. Лучше сам будь чаще дома. Мы хотим видеть только тебя.

– Я не могу всё время находиться рядом с вами. Если я не буду работать, то мы очень скоро окажемся на улице.

– Но тётка Аня говорит, что ты богач и у тебя денег не перечесть.

Томашевский тяжело вздохнул.

– Знаешь, если не работать, а только тратить деньги, то, сколько бы у тебя их ни было, ты их все потеряешь. Давай закончим этот бессмысленный разговор и пойдём ужинать. Хотите вы или нет, я всё равно сделаю по-своему. Вам не остаётся ничего другого, как только смириться с моим решением и выполнять его беспрекословно. Ты понял меня?

– Понял, – недовольно ответил Стас.

– А теперь иди, бери Еву за руку и в столовую. Я жду вас, – Томашевский распахнул дверь и медленно направился на выход из комнаты.

Переодевшись в своей спальне, он спустился на первый этаж и присоединился к племянникам за столом. Он внимательно смотрел на них, пока они ели. Лица у обоих были задумчивые и молчаливые. Во время ужина никто из них не произнёс и слова.

Окончив есть, Стас сразу ушёл из кухни. Томашевский попросил Еву задержаться и сообщил, что завтра везёт её в балетную школу, но даже это не заставило девочку улыбнуться. Она лишь молча кивнула и, поблагодарив, направилась на выход из комнаты. Сегодня она даже не попросила его поцеловать её на ночь.

После ужина Томашевский медленно бродил по тёмным коридорам большого дома. Он чувствовал себя сегодня персоной нон грата, которой объявили публично бойкот. Сегодняшний день показался ему чудовищно длинным и напряжённым. Сначала эта заноза Оболенская вытрепала ему все нервы, и по её вине пока исправляли её козни с машинами, он опоздал на важную деловую встречу. Потом история с гувернанткой и наконец, публичное игнорирование его вечером детьми.

Он остановился у комнаты Евы и прислушался. За дверью царил абсолютная тишина. Томашевский улыбнулся и заходить внутрь не стал, но когда развернулся, чтобы пойти в свою спальню, резко остановился перед дверью Стаса. Он прислушался к тихим детским голосам, раздающихся из-за двери.

– Стас, я тебе говорила. Не надо было этого делать. Теперь дядя злится на нас.

– Ничего страшного. Зато мы избавились от этой мымыры. Жаль только, что завтра придёт новая. Дядя уже пообещал, что возьмёт новую гувернантку.

– Новую?

– Да. А ты как думала, что одного раза и белых мышей будет достаточно? Мы изведём их всех. У меня для каждой из них найдётся достойное оружие.

– Стас, а может не надо? Дядя старается для нас, а мы его не слушаемся. Вдруг он рассердится и отдаст нас в детский дом. Что мы тогда будем делать?

– Я не думаю, что он сможет так поступить с нами.

– Но ведь мы, несмотря на его запреты, поступаем по-своему, и он может рассердиться на нас за это.

– Я тебя не заставляю мне помогать. Хочешь, будь паинькой. Я не собираюсь мириться с этими няньками. Наш отец даже никогда не заикался об этом. Им с мамой хватало всегда на нас времени, чтобы не нанимать чужих людей. Я буду продолжать своё дело. Пауков, тараканов и змей у меня в избытке, так что жду с нетерпением новую гувернантку.

Томашевский улыбнулся, и отошёл от двери, медленно направляясь по коридору. Остановившись, он немного подумал и, достав из кармана пиджака свой мобильный телефон, набрал своего помощника.

– Игорь, я хочу, чтобы завтра же с утра вы наняли новую гувернантку, вернее гувернёра, мужчину и желательно не из робкого десятка, – Томашевский положил телефон в карман пиджака, и ещё раз обернувшись на дверь комнаты Стаса, улыбнулся и медленно направился в свою спальню.

Глава 4

Томашевский закончил очередной разговор с деловым партнёром и, отложив телефон в сторону, внимательно посмотрел на Еву, сидевшую с ним рядом в машине на заднем сидении. Он наблюдал за ней украдкой с того самого момента, как забрал её из школы. Ему показалось, что она словно ушла в себя и волновалась настолько, что практически не дышала. Нервно сжимая пальчики на руках, она смотрела прямо перед собой и молчала.

– Малыш, ты не заболела? – Эльдар погладил её по голове.

Ева повернула голову и натянуто улыбнулась.

– Нет, я здорова. Просто я...

– Волнуешься?

– Да. Я боюсь, что они меня не примут.

– Почему?

Девочка промолчала.

Томашевский обнял её за плечи и прижал к себе.

– Возьмут, не волнуйся. Не возьмут в этой школе, поедем в другую, где менее строгий отбор. Ты ведь хочешь заниматься балетом, несмотря ни на что?

– Да.

– Ну, тогда борись за то, что любишь. Знаешь, мне тоже в своё время было очень часто не по себе, когда я брался за новое дело, а потом, когда я добивался успеха, понимал, что мои опасения были напрасны. Так и у тебя, если ты поверишь в собственные силы, ты добьёшься успеха. Кстати, если сегодня ты поступишь в балетную школу, то уже вечером мы с тобой поедем в магазин и купим тебе всё, что будет необходимо для занятий. Одежду, обувь и аксессуары. И ещё я планирую в угловой комнате особняка на втором этаже обустроить тебе небольшой танцевальный класс.

Ева ослепительно улыбнулась.

– Правда?

– Конечно, правда.

– И установишь балетный станок?

– Непременно, – он улыбнулся и провёл ладонью по её волосам.

– Спасибо тебе большое, дядя Эльдар. Ты самый лучший дядя на свете.

– Вот это для меня новость и признаюсь, очень приятная. Ну что ж, вот мы и приехали.

Машина остановилась на парковке у балетной школы, и Эльдар, покинув салон автомобиля, открыл дверь со стороны Евы и помог ей выйти на улицу. Они вошли в здание и, поднявшись по лестнице на второй этаж, оказались в кабинете директора.

Пока девочка переодевалась, Томашевский занял своё место в репетиционном зале, где должна была проходить работа комиссии. Периодически посматривая на часы, он принялся терпеливо ожидать начала экзаменационного тура.

Когда в зале появились две пожилые женщины, и следом за ними вошла Оболенская, Томашевский сразу же перевёл свой взгляд на неё и невольно улыбнулся.

Сегодня её образ напоминал бизнес-леди. Брючный костюм тёмно-синего цвета, плотно облегал её стройную фигурку, а босоножки на высоченной шпильке делали её стройные ножки визуально ещё длиннее. Лицо с лёгким макияжем и волосы, убранные в аккуратный пучок на макушке придавали нежности. Лишённая украшений, она сегодня действительно напоминала строгого педагога.

В руках Стефания сжимала блокнот с ручкой и о чём-то тихо переговаривалась с коллегами. Опустившись на стул за большим длинным столом, она обернулась и взглянула на Томашевского.

Эльдара кивнул ей в знак приветствия и попытался улыбнуться. Но заметив её небрежный кивок головы и плотно сжатые губы, моментально сменил выражение лица на серьёзное.

Через несколько минут дверь открылась и в зал вошла женщина, которая вела за руку Еву.

Девочка двигалась медленно, старательно вытягивая носочки и гордо распрямив плечики, держала спину ровно. Все её тельце было подобно натянутой струне.

Остановившись в центре зала, она опустила руки по швам и внимательно посмотрела на сидевших за столом педагогов.

– Здравствуйте, милая барышня! – обратилась к ней Бунина. – Попрошу вас назвать своё имя и количество полных лет.

Девочка повернула голову и, взглянув на Эльдара, снова перевела взгляд на педагогов.

– Здравствуйте! Меня зовут Ева Томашевская. Мне семь лет, – она сделала выброс правой руки в сторону и присела в лёгком балетном поклоне, приветствуя педагогов.

– Прелестно. Вы занимались раньше хореографией? – обратилась к ней одна из женщин.

– Да. В течение двух лет, я занималась с хореографом, пока она не уехала.

– Чему же вы научились у него? И что умеете сейчас?

– Я пока умею совсем немного, но очень хочу научиться многому.

– Чему же, милая, вы хотите научиться? – обратилась к ней самая пожилая из женщин.

Ева сложила ручки на груди, делая из них крышу домика.

– Я хочу танцевать все партии в балете, какие только есть. Хочу научиться самым сложным элементам и готова ради этого пожертвовать всем.

– Чем же интересно в первую очередь ты готова пожертвовать ради танца? – раздался громкий голос Оболенской.

– Своей жизнью, – не задумываясь, тихо ответила Ева.

Женщины тихо рассмеялись.

– Прелестный ребёнок. Вы просто очаровательны, милая барышня, – снова обратилась к ней Бунина. – Прошу вас коллеги... – она жестом руки показала женщинам в сторону девочки. – Я думаю нужно посмотреть физические данные и возможности ребёнка.

Две женщины согласно кивнули, поднялись на ноги, и подошли к малышке. Попеременно заставляли её отводить ручки в стороны и поднимать ножки, вытягивая носок, склонять голову и прогибаться назад, вставать на цыпочки и делать сразу по несколько оборотов вокруг своей оси.

– Ну что, каков ваш вердикт? – Бунина внимательно посмотрела на женщин.

– Конечно, ребёнок ещё будет развиваться, но на сегодняшний день прелестная гибкость у девочки и главное выворотность ног потрясающая. Ведь, как известно это крайне важно в нашей профессии, – ответила самая старшая из преподавателей.

Ева, внимательно слушая разговор взрослых, нервно сжимала пальчики на руках.

Томашевский видел, как слегка подрагивали её губы, и сильное волнение буквально отражалось на её лице.

– Ну что, Стефания Павловна, берёте? – Бунина с вызовом во взгляде посмотрела на Оболенскую.

Стефания поднялась на ноги и подошла к девочке. Внимательно посмотрев на неё, она медленно направилась к подоконнику, на котором стоял музыкальный центр.

– Я сейчас включу тебе музыку. И ты должна будешь мне с помощью танца изобразить всё, что ты почувствуешь во время прослушивания этой музыки. Поняла меня? – обратилась она к девочке.

Ева молча кивнула и вышла в центр зала.

Томашевский затаив дыхание, смотрел на племянницу.

Её хрупкий силуэт в нежно-голубом балетном купальнике с полупрозрачной юбочкой был таким нежным и трогательным. Когда заиграла грустная скрипичная мелодия, она словно

замерла на месте, закрыла глаза и лишь спустя мгновение, развела руки в стороны и, взмахнув ими, грациозно подняла их над головой.

Приподнявшись на цыпочки, она сделала несколько лёгких шагов и, закружившись на месте, отчаянно вскидывая руки к потолку, словно боролась с кем-то, цепляясь за невидимую спасительную нить в воздухе. Снова кружилась на месте, и изящно опускаясь на пол, словно теряла на мгновение сознание, и тут же снова поднимая руки вверх, пыталась вознестись в небо. Но её движения с каждой минутой становились всё слабее, и она, обречённо опустив руки вниз, и вскинув голову в последний раз, обвела грустным взглядом помещение вокруг себя и, закрыв глаза, тяжело опустилась на пол.

Томашевский взволнованно смотрел на племянницу и уже поднялся на ноги, чтобы подойти к ней, но заметив строгий взгляд Оболенской и резкое движение её руки, снова опустился на свой стул.

Когда музыка стихла, Стефания опустилась на колени рядом с девочкой и нежно провела рукой по её волосам.

Ева открыла глаза и улыбнулась.

– Ну а теперь, может, расскажешь, фантазёрка, что ты увидела и кого изображала, – обратилась она к девочке.

Ева поднялась с пола и присела на месте.

– Я была птицей, большой и красивой чайкой, которая высоко взмыла в облака. Я парила так беззаботно и легко, наслаждаясь высотой, и свежим ветром, пока на меня не напала большая чёрная птица. Я была смертельно ранена её острыми когтями, но всё ещё хотела жить и в последний раз взмыть в небо, чтобы увидеть море с высоты полёта. Но у меня не хватило сил, и я упала в воду. Я ещё пыталась сражаться за свою жизнь, но большие волны накрыли меня с головой, и я погибла.

В комнате воцарилась абсолютная тишина.

Оболенская затаив дыхание, смотрела на девочку. В её безумном рассказе и танцевальной интерпретации вдруг узнала саму себя, когда была в возрасте этой малышки. В свой первый танец в пятилетнем возрасте она тоже видела себя птицей. Только белым лебедем и тоже погибшим от когтей злой большой птицы.

– Мне понравилось то, что ты показала. И я считаю, что если ты будешь трудиться, то из тебя получится настоящая балерина, – Стефания погладила её по волосам и, поднявшись на ноги, стремительно направилась на выход.

– Стефания Павловна, так вы не сказали, вы возьмёте девочку к себе в группу? – обратилась к Оболенской Бунина.

Стефания обернулась и внимательно на неё посмотрела.

– Возьму. Первое занятие сегодня через двадцать минут. Список всего необходимо я подготавливаю. Господин Томашевский, я вас попрошу приобрести всё необходимое для занятий, – она развернулась и медленно пошла на выход.

Покинув зал, Стеша зашла в свою комнату и тяжело опустилась на стул. То, что проделала эта крошка перед её глазами, лишило её напрочь покоя и собранности, а от её сарказма и предвзятого отношения не осталось и следа. Несколько минут назад, она словно побывала в своём прошлом, прикоснулась к своей прежней мечте и надеждам, которые так и не осуществились.

– Стефания Павловна, вы придёте в зал? Мы вас ждём, – одна из её учениц стояла на пороге комнаты и с волнением во взгляде смотрела на своего педагога.

– Да, Дианочка, я иду. Ступай в класс.

Когда девочка покинула комнату, Оболенская поднялась на ноги и, взяв в руки пуанты, и диск с музыкальным сопровождением, направилась на выход из комнаты.

В течение двух часов, пока шли занятия, Стеша особое внимание уделяла новой ученице. Видела её старания и, тем не менее, делала ей многочисленные замечания, постоянно поправляла её спину, постановку ног и требовала выполнять движения легко и плавно.

Заметив её усталость, разрешила присесть всего на несколько минут, но когда положенное время истекло, снова заставила встать к балетному станку. Умышленно нагружала её вместе с остальными. Надеялась, что упрямица уже завтра передумает, и её стремление посвятить свою жизнь балету иссякнет и окажется не более чем красивой фразой, которую она заранее сформировала в своей юной голове.

Когда занятия окончились, Оболенская попрощалась с девочками и, выключив музыкальный центр, направилась на выход из зала. Но резко остановилась, заметив сидящую на полу в углу комнаты Еву. Малышка сняла балетные чешки с ног и, склонив голову на колени, тихо плакала.

Оболенская подошла к ней ближе и, встав за её спиной, обратилась к ней строго:

– Томашевская, в чём дело? Ты почему не собираешься домой?

Ева повернула к ней заплаканное личико и тяжело поднялась на ноги. Слегка прихрамывая, она направилась к скамье, где лежала её кофточка.

– До свидания, Стефания Павловна, – тихо произнесла девочка и пошла к двери.

– Ну-ка подожди. Подойди ко мне.

Ева обернувшись, медленно пошла к ней навстречу.

– Что случилось? – Оболенская пристально всматривалась в личико девочки. – Почему ты плачешь?

– У меня ноги болят.

– Это не страшно. Завтра всё пройдёт. Это с непривычки. Что-то ещё является причиной твоих слёз?

– У меня не получается ничего.

– С чего ты это взяла?

– Я вижу. Девочки все красивые, грациозные, а я...

– А ты сегодня находишься здесь первый день и для одного занятия у тебя неплохие результаты, – Стефания взяла её за руку и опустилась с ней рядом на скамью. – Если ты хочешь стать настоящей балериной, то о слезах нужно забыть. У тебя хорошие данные и главное большое желание танцевать, но если ты не избавишься от сомнений и робости, будешь лить слёзы, ты ничего не добьёшься, – Стеша обняла её за плечи и прижала к себе. – Ты должна сама всё для себя решить, иначе будет лучше, если ты уйдёшь, сегодня домой, и никогда больше не придёшь в танцкласс и забудешь навсегда о балете.

Томашевский остановился в коридоре и осторожно заглянул в приоткрытую дверь, невольно замирая на месте, когда заметил перед собой картину, поразившую его до глубины души.

Оболенская нежно обнимала Еву за плечи и касалась губами её волос, словно уговаривала и пыталась ей что-то объяснить.

Эльдар невольно заскользил взглядом по её лицу. Ему показалось, будто он видит её сейчас впервые. От яростного и испепеляющего взгляда, казалось не осталось и следа. Нежное улыбающееся лицо, ослепительная улыбка и тёплый взгляд, казалось, изменили эту женщину до неузнаваемости. Заметив, что она встала на ноги и подошла к подоконнику, Эльдар приник к двери, с интересом наблюдая, как она присев на полу, не спеша надевала на ноги пуанты, аккуратно завязывая шёлковые ленты на щиколотках.

Стремительно поднявшись на ноги, Оболенская снова обратилась к Еве.

– Я покажу тебе, чего ты сможешь добиться, если будешь стараться и работать без устали. Обещаю, что я тебе во всём помогу, и ты будешь танцевать также, – она нажала на кнопку

музыкального центра пальцами, и через мгновение, большое помещение зала заполнили фортепианные аккорды.

Томашевский никогда не был великим ценителем и любителем балета, но то, что сейчас происходило на его глазах, заставило позабыть об этом упущении и, погрузившись в магию танца, уйти из окружающей его реальности.

Он не мог оторвать глаз от стремительно перемещающегося женского силуэта по паркету. Чёткие отточенные движения, вращения вокруг своей оси, выброс рук над головой и абсолютное парение над полом, когда она, поднимаясь, стремительно перемещалась на кончиках пальцев ног.

В этот момент, он не видел в ней женщину и тот вожденный объект, который лицезрел до этого, когда с жадностью осматривал её фигуру. Сейчас он видел бестелесный хрупкий призрак, который казалось, ожил перед его глазами и поработил всё его сознание.

Изящные руки, словно два крыла над её головой, одухотворённое выражение лица и говорившие вместе с музыкой без слов её пальцы, которые она с последними аккордами фортепиано сложила на своей груди и, опустив голову вниз, надолго замерла на месте.

Томашевский опомнился лишь спустя пару минут и глубоко вдохнул, пытаясь восстановить дыхание и успокоить учащённый ритм своего сердца. В момент её танца, ему показалось, что он двигался вместе с ней. Впитывал всё её напряжение, её лёгкость, грацию, плавность движений и её опустошение, когда силы попросту оставили её в конце.

Негромко постучав костяшками пальцев в дверь, он распахнул её и заглянул внутрь.

Ева с улыбкой махнула ему рукой и, попрощавшись с Оболенской, быстро направилась в его сторону.

Стефания подошла к ним ближе и, поприветствовав Эльдара, осведомилась о том списке, что она ему вручила перед тем, как он покинул школу.

Томашевский отвечал сбивчиво, словно в одно мгновение разучился давать чёткие и лаконичные ответы. Заверив её, что всё готово к занятиям, он взял Еву за руку и, попрощавшись, не спеша направился в раздевалку.

Когда племянница, наконец, появилась в коридоре, он накинул ей на плечи кофточку и, взяв за руку, медленно направился на выход из школы.

В машине молчал и отвечал на многочисленные вопросы Евы невпопад. Почему-то после всего увиденного в танцклассе, он словно впал в ступор, потому что увидел сегодня перед своими глазами совсем другую женщину. Неземную, возвышенную, хрупкую и удивительно притягательную, похожую на мечту, парящую где-то вдалеке и ускользающую, едва ты протягиваешь к ней свою руку.

Очередной звонок мобильного телефона, всё-таки заставил его оставить в стороне мысли о танце Оболенской и снова погрузиться в реальность бытия, решая бесконечные вопросы покупки очередного объекта финансовой недвижимости.

****

Стефания открыла ключом входную дверь своей квартиры и, переступив порог, вошла в прихожую.

Маркиза появилась прямо перед ней, приветствуя её негромким требовательным мяуканьем и нежно потираясь головой о её ноги, обкручивала их своим длинным хвостом.

– Как ты вела себя, подлиза? – обратилась к ней Стеша, и слегка склонившись, погладила её по голове. – Надеюсь, хорошо, потому что я купила тебе кое-что вкусненькое.

Кошка приподнялась на задние лапки и потянулась мордочкой к лицу хозяйки.

– Ну, пойдём! – Стефания сбросила с ног босоножки и отправилась на кухню.

Включив чайник и накормив свою привереду, которая, наконец, осталась довольна тем, что ей предложили, Оболенская направилась в душ. Но когда вернулась в спальню, переодеться в домашнюю одежду не стала. Напротив, высушив мокрые волосы, уложила их в акку-

ратные локоны по плечам и сделала лёгкий макияж на лице. Достав из шкафа своё длинное платье изумрудного цвета, накинула его на себя и снова вернулась на кухню.

Она ждала сегодняшнего вечера всю неделю, потому сейчас и не находила себе места в преддверии разговора, который ожидала с минуты на минуту. Заварив чай, она посмотрела на еду в тарелке, но аппетита не было.

Стефания присела за столом и, добавив ложку мёда в чашку с ароматным напитком, снова задумалась.

Вся её личная жизнь с момента окончания академии была призрачной. Годы учёбы поглотили настолько, что не оставили времени на то, чтобы закрутить с кем-то роман. Она была не так раскована, как её балетные подружки, которые меняли любовников, как перчатки.

Потому к моменту окончания учёбы и поступления на работу в театр, она по-прежнему оставалась невинна и так далека от амурных дел. Лёгкие знаки внимания коллег по цеху и романтические свидания без продолжения, были редкими нотками, разнообразившими её балетную жизнь вне стен театра. Ей никто не нравился настолько, чтобы полюбить и отдать своё сердце. Ждала чего-то настоящего и возвышенного.

Творческая и романтическая натура в одном лице страстно желала истории, подобной тем балетным партиям, которые всегда мечтала станцевать на сцене.

Всё резко изменилось в её жизни, когда три года назад в театре появился новый главный балетмейстер Николай Вернадский. В прошлом блистательный артист балета, после ухода со сцены с успехом продолживший преподавать, и с годами, ставший одним из ведущих и востребованных педагогов и балетмейстеров страны.

Их общение в театре складывалось на уровне наставника и ученицы. Она не выделялась из толпы девушек кордебалета и их редкие встречи в репетиционном зале состояли лишь из приветствия утром и прощания вечером.

Но для неё каждая такая встреча была настоящим праздником. Он был для неё богом, её идеалом и когда она видела его в экспрессии танца на репетиции, теряла волю и самообладание.

Николай был великолепным танцовщиком, в совершенстве владеющий техникой и потрясающим артистизмом. Он забирал в плен сердца не только своих поклонников в прошлом, но и сейчас всех тех, кто служил в театре и находился с ним рядом.

В свои сорок пять он был подобен древнегреческому богу Аресу. Красивое рельефное тело, длинные ноги, крепкие, но не лишённые изящества руки. Лебединая шея, истинные мужские черты лица, античный профиль и голос, красивый баритон, дополненный изысканной манерой говорить и излагать свои мысли.

Они сблизились в момент её работы и подготовки к балету, когда она должна была танцевать главную партию Сильфиды. Занимаясь с ней индивидуально, он требовал от неё не просто быть нежным бестелесным призраком, который она изображала на сцене. Он заставлял её извлекать из своих глубин всю её женскую суть и чувственность, провоцировал её ярость и скрытую страсть. И она, каждый раз ощущая на своём теле в моменты поддержки его руки, горячие пальцы, нежно касающиеся её кожи, и видела глаза, которые казалось, пронзали её насквозь, влюбилась в него без памяти.

Её рассеянное состояние долго не позволяло им настроиться на нужную работу. И когда она всё-таки призналась ему в своих чувствах, он к её удивлению не воспринял её откровение с удивлением, а напротив, ответил взаимностью.

Их бурная ночь, которую они провели в гостиничном номере, до сих пор по прошествии двух лет, вызвала лёгкий трепет в её сердце, когда она вспоминала об этом. Те многогранные ощущения, что он дал ей в момент их первой близости, заставили её впервые в жизни ощутить себя настоящей женщиной.

Николай был необыкновенным любовником, страстным, изысканным, способным пробудить в женщине так много того, о чём она даже не догадывалась. Искусен во всём и на сцене,

и на ложе любви. Их бурный роман продолжался почти два года, несмотря на то, что Стеше пришлось покинуть театр.

Они встречались без обязательств. Он был с ней предельно честен и никогда ничего не обещал больше, чем мог дать. Потому что был женат много лет и имел троих детей. А ей было достаточно просто их встреч. Когда три раза в неделю, Николай приходил к ней в квартиру и был только с ней, и принадлежал ей полностью.

Его отъезд в Нью-Йорк несколько месяцев назад по приглашению на работу в один из престижнейших театров страны, разрушил её жизнь до основания. Провожая его в аэропорту и даже не имея возможности попрощаться, ей казалось, что она теряет часть самой себя.

Видела, как он медленно шёл по проходу терминала вместе с женой, удерживая на руках младшую дочь. И когда самолёт поднялся в небо, она покинула пределы аэропорта и шла стремительно, не разбирая дороги. Плакала навзрыд, понимая, что пять лет, которые он пробудет в чужой стране, станут для неё пустыми и невосполнимыми.

Она так и не смогла открыть своё сердце другому мужчине и впустить хоть кого-нибудь в свою жизнь, чтобы заменить его.

Николай настоятельно просил её об этом перед отъездом, потому что знал, ей нужно устраивать свою личную жизнь.

Но она надеялась и верила, что значила для него несколько больше, чем все жизненные обстоятельства и условности. И что у них ещё есть шанс быть вместе. Потому до сих пор с содроганием каждый раз ждала его звонка по Скайпу, когда он находил время в череде своих бесконечных дел и приходил, чтобы снова побыть с ней вдвоём.

Входящий вызов компьютерного приложения, раздавшийся в гостиной, заставил её стремительно покинуть кухню. Она присела в кресло перед экраном монитора и, нажав на кнопку приёма звонка, с улыбкой посмотрела на лицо Вернадского, появившегося прямо перед нею.

– Здравствуй, ангел мой! – Николай смотрел на неё, ослепительно улыбаясь.

– Здравствуй... – Стеша подняла руку и нежно провела пальцами по его лицу, словно пытаясь сквозь холодное стекло, почувствовать тепло его кожи. – Я соскучилась.

– Я тоже соскучился. Как у тебя дела?

– Как всегда, отлично. Работа и дом.

– Ты меня огорчаешь. Каждый раз, когда звоню тебе, надеюсь, что ты порадуешь меня переменами в твоей личной жизни.

Стеша горько улыбнулась.

– Я не могу встретить того, кто бы заменил тебя. Равных тебе нет.

– Скажешь тоже. Есть уверяю тебя и гораздо лучше, чем я. Котёнок, ты не должна затачивать себя в четырёх стенах. Мы же с тобой говорили об этом перед отъездом. Я здесь на пять лет. Когда вернусь, тебе будет тридцать четыре. Ты упустишь свой шанс стать матерью, а потом возникнут сложности. У нас балетных и так с этим проблемы, так зачем усугублять?

– Ты же знаешь, я всегда хотела ребёнка только от тебя. Пожалела уже не один раз, что не обговорила с тобой это до твоего отлёта в Америку.

– Девочка моя, пойми, поднять ребёнка одной в таком большом городе будет крайне сложно. Да и зачем тебе эти трудности? Ты красива, молода, обворожительна и должна непременно выйти замуж.

– За кого? За одного из тех лентяев, которые лежат вечерами на диване и пьют пиво. Или за одного из тех, что приходят в ночной клуб поглазеть на моё тело? – она опустила голову.

– Я понимаю, сейчас сложно найти достойного мужчину, но ты же не будешь жить всё время вдвоём с кошкой.

– Я дождусь и рожу ребёнка от тебя. Мы будем с ним вдвоём ждать тебя каждый раз, когда ты будешь приезжать в мой дом.

– Глупенькая, разве это выход? Я ведь, намного старше тебя, к тому же женат. Ты же знаешь, я не смогу никогда оставить Лилию и детей. И обречь тебя на вечное ожидание, да ещё и с ребёнком будет жестоко с моей стороны. Поэтому подумай ещё раз над моими словами и начни новую жизнь.

– Я люблю тебя... – она снова коснулась рукой его лица.

– Я тоже тебя люблю, но ты же сама понимаешь, отношения на расстоянии невозможны.

– Как у тебя дела в театре?

– Превосходно. Заканчиваем финальный прогон спектакля и скоро поедem на гастроли в Японию. А как у тебя дела?

Стефания пожала плечами.

– Как обычно. Живу двойной жизнью. Иногда настолько долго не могу выйти из ночного образа, что утром боюсь, как бы с этим не прийти на занятие в танцевальный класс к детям.

– Меня очень беспокоит, что ты вынуждена работать в этом заведении. Для твоего уровня и владения балетной техникой танцевать у пилона, это просто унижительно.

– Мне нужны деньги.

– Чёртовы деньги! Вечно всё в них упирается. Аракчеев хоть держит своё слово?

– Да. Я благодарна Петру, за то, что он даёт мне право привилегированного положения в его клубе. Я не танцую приват-танцы, меня не посылают к богатым клиентам, и я защищена от всей той мерзости, что творится в изнаночной стороне этой богемной ночной жизни.

– Хотя это хорошо. Ну а сами танцы. Ты находишь в них что-нибудь? Ведь танцуя на сцене, как балерина, ты должна вкладывать свою душу, а здесь... Что можно вложить в эти танцы? Насколько я понимаю, там душа точно не нужна.

– Ты прав. Душа последнее, что там требуется. Знаешь, переступая вечером порог этих стен, я иногда полностью ассоциирую себя с балетным персонажем, имя которого ношу в этом клубе. И понимаю, что каждый раз вечером мои белые крылья покрываются чёрной сажей, и я становлюсь истинным персонажем этого балета и превращаюсь по-настоящему в дерзкую и страстную Одиллию, которая, не боясь, демонстрирует себя и вызывает желание у этой элитной публики. Если бы ты знал, как я их всех ненавижу, когда вижу их сальные физиономии и пачки денег, которые они бросают перед девочками за право обладать ими ночью. Меня воротит от всего этого. Я не могу, есть, когда возвращаюсь домой. Потому что уверена, что меня вывернет наизнанку, как только я представлю, как это мерзко и унижительно быть в постели с одним из этих толстосумов, которые покупают нас.

– Бедная моя девочка! Может тебе всё-таки бросить эту работу и лучше попытаться взять ещё несколько учеников.

– Я пыталась. Только ты же знаешь, мой опыт преподавания слишком скромн, и состоятельные родители предпочитают нанимать именитых педагогов для своих чад.

– Понятно.

– Ты знаешь, у меня новая ученица в группе, – Стефания ослепительно улыbnулась. – Дивный ребёнок и весьма одарённая личность.

– Серьёзно?

– Да. Таких у меня ещё не было. Маленькая «Анна Павлова», с таким же поразительным рвением и любви к балету.

– Есть данные?

– Есть и они меня потрясли. Ты знаешь, я хочу уделить ей немножко больше своего внимания, чем остальным ученицам. Потому что мне кажется, из неё можно вырастить настоящую балетную приму.

Николай рассмеялся.

– Сколько ей лет?

– Семь.

– Не рановато ли для таких планов? Ты же знаешь, всё решится в десять, когда ты поставишь её на пуанты.

– Думаю, с ней это случится гораздо раньше и запреты тут не помогут. Я вижу в ней этот огонёк жадности к танцу и если ему помочь, я думаю, он ярко разгорится.

– У тебя самой уже сейчас глаза светятся дьявольским огоньком. Ты действительно так одержима этой идеей?

– Да, потому что она напомнила мне саму себя в детстве. Я ведь тоже мечтала о Мариинке. Только мои мечты... В общем, ты сам всё знаешь...

– Ну и как же зовут твою будущую приму большой сцены?

– Ева Томашевская.

– Имя, подходящее для звезды балета. Послушай, ты сказала Томашевская?

– Да.

– Знаешь, у одного из меценатов нашего театра новый партнёр, с которым он меня познакомил и у него такая же фамилия. Его зовут Эльдар Томашевский. Очень богатый человек, между прочим.

Стефания нервно закатила глаза, услышав знакомое имя.

– Это её дядя.

– Да, ты что? Невероятно! Респектабельные у тебя клиенты, а сама жалуешься на отсутствие нормальных денег. Может раскрутить его на дополнительные занятия для племянницы?

– Коля, ты с ума сошёл? Этот надменный господин уже изрядно мне потрепал нервы, а ты говоришь попросить. Да я его о краюхе хлеба не попрошу, даже если буду подыхать от голода.

– Стеша, ну что за лексикон...

– Прости.

– Кстати, будь с ним осторожнее. Я слышал, что он жуткий бабник и сердцеед, так что не угоди в его плен.

– Ещё чего не хватало. Такие, как он, не в моём вкусе. Терпеть не могу таких типов.

Николай рассмеялся.

– Ладно, девочка моя, мне пора. Большая разница во времени и до сих пор привыкаю к ней с трудом. Я позвоню через две недели. Рад был тебя увидеть.

– Я тоже была рада. Я буду ждать тебя.

– Да встречи, милая.

– До встречи. Пока.

– Пока.

Экран погас, но Стефания продолжала смотреть на него, не моргая. Спустя несколько минут, она сложила руки на столе и, положив на них голову, громко расплакалась.

Маркиза запрыгнула на стол, и негромко мякнув, осторожно коснулась своим носом её волос.

Стеша подняла голову и, улыбнувшись сквозь слёзы, нежно провела ладонью по её спине.

– Ну что, моя подружка, пойдём спать? – она поднялась на ноги и, подхватив кошку на руки, направилась в спальню. Но внезапный звонок в дверь, заставил её резко остановиться на месте.

Тяжело вздохнув, Оболенская направилась в прихожую. На цыпочках подошла к двери и, взглянув в глазок, снова обречённо вздохнула. Провернув замок, она открыла дверь и с недовольством посмотрела на неожиданного визитёра.

– Помяни чёрта на ночь... – она сложила руки на груди.

– Вы вспоминали обо мне? Как приятно... – Томашевский подошёл к ней ближе.

– Что вам нужно в моём доме? И как вы вообще узнали... Хотя догадываюсь. Ваши тёплые отношения с директором нашей школы открывают вам любые двери.

– Вы правы, госпожа Бунина весьма любезно настроена ко мне, в отличие от вас.

– Видимо, она так настроена только потому, что вы с порога не предложили ей то, что предложили мне.

– Знаете, Стефания, мне очень хотелось бы узнать, почему у вас такое предвзятое ко мне отношение? Причём с нашей первой встречи. В прошлом году вы не удостоили меня ответа, тогда может, сделаете это сейчас?

– И вы за этим пришли ко мне в девять вечера?

– Нет, я пришёл мириться, – Эльдар протянул к ней руку, в которой держал белую розу с огромным пышным бутонем, длинным стеблем, лишённую шипов и благоухающую дивным ароматом.

Стефания смотрела на цветок задумчиво.

– И по поводу чего ваше примирение?

– Вынужден признать, что вчера вёл с вами весьма фривольные разговоры и позволил себе говорить о гостиничном номере и постели. Простите меня за это.

Стефания усмехнулась.

– С чего вдруг такие разительные перемены?

– Просто... Сегодня посмотрел на вас совсем другими глазами.

Она усмехнулась.

– Ладно, будем считать наш конфликт улаженным. Тем более что мне тоже следовало попросить у вас прощение за спущенные колеса.

– Да уж, ваша выходка меня взбесила изрядно. К тому же, она спровоцировала опоздание на очень важную для меня деловую встречу.

– Мне очень жаль, – она протянула руку и взяла розу из его пальцев. – Надеюсь, ваше благосостояние не пострадало от этого?

– Не пострадало. Может, угостите чаем?

– А вы считаете, что это уместно оставаться на чай в доме малознакомой женщины? К тому же, преподавателя вашей племянницы. Кстати, хотела спросить, почему девочкой занимаетесь вы? Где её родители? – она пристально посмотрела на Томашевского и заметила, что её вопрос заставил его нахмуриться.

– Её родители погибли две недели назад в автомобильной аварии. Я теперь официально являюсь опекуном детей моего старшего брата.

– Простите. Простите, пожалуйста, – она осторожно коснулась рукой его пальцев. – Я не знала о вашей горе.

– Ничего страшного.

– Проходите на кухню, – Стефания показала ему жестом в сторону приоткрытой двери.

Томашевский не спеша прошёл в указанном направлении и, остановившись в центре небольшого помещения, с интересом осмотрелся по сторонам.

– Давно не был в таких микро помещениях, – задумчиво произнёс он.

Стефания поставила розу в вазу с водой и недовольно на него посмотрела.

– Ну, извините, ничего другого предложить не могу.

– Простите, я не хотел обидеть вашу квартиру никоим образом. Это ваше жильё?

– Нет, я его снимаю. Это уже моя вторая квартира, которую я арендую самостоятельно.

– А до этого?

– Я жила с мамой. Присаживайтесь, – она показала ему на стул.

Томашевский присел за стол и с интересом принялся наблюдать за её лёгкими перемещениями у плиты.

Когда чай был готов, Стеша поставила на стол чашки, блюдце с вареньем, конфеты и нарезанный дольками лимон в маленькой тарелочке.

– Вы извините, но у меня режим питания. И я не ем ничего тяжёлого на ночь, поэтому всё что есть... – она обвела стол руками.

– Ничего больше и не нужно. Я тоже сторонник здорового питания, правда, не диетического.

– Я тоже не сижу на диете, но привычка есть очень мало, осталась со времён учёбы в балетной академии.

– Почему вы не служите в театре? – Томашевский положил в чай ложечку сахара и не спеша, помешивая напиток, внимательно посмотрел на неё.

– Мне бы не хотелось говорить об этом.

– Но ведь наверняка вы работали там хоть немного?

– Работала и не один год.

– Что стало причиной ухода?

– Конфликт с руководством. Такая причина вас устраивает?

Томашевский улыбнулся.

– Более чем. Я почему-то так и думал.

– Ну а вы, владелец заводов, газет, пароходов какими судьбами оказались в Санкт-Петербурге?

– Как вы меня, в стихах... Я же вам уже сказал, я здесь оказался по причине смерти моего брата и намерен пробыть здесь ещё год, чтобы уладить дела, которые остались после его ухода из жизни.

– А дальше?

– Скорее всего, вернусь в Швейцарию. Я живу постоянно в Лозанне. У меня там дом и офис.

– А как же дети вашего брата?

– Поедут со мной.

– Поедут с вами? Но я думала, что Ева... – Стефания опустила голову.

– Что с вами? – Томашевский накрыл её руку своей ладонью.

Стеша освободила свои пальцы и задумчиво посмотрела в окно.

– Я думала, что смогу заниматься с ней не один год.

– Она понравилась вам?

Оболенская повернула голову и внимательно посмотрела на Томашевского.

– Очень понравилась. Она одарённая девочка с неуёмной любовью к танцу. Я была такой же в её возрасте. С таким же жгучим и неуёмным желанием танцевать всё, что только возможно.

– Мне кажется, это желание не иссякло в вас и сейчас.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я видел, как вы танцевали сегодня в танцклассе.

– Вы что подсматривали?

– Нет, просто смотрел. Разве лицезреть прекрасное, это преступление?

– И каково ваше мнение?

– Мне очень понравилось. Конечно, я не великий балетоман. Был всего раз на «Лебедином озере» и то только потому, что привёл в Большой театр своего партнёра по бизнесу. Вот уж кто действительно раб Терпсихоры, так это он.

Стефания улыбнулась.

– Вы знаете, что покровительницей всех танцоров является эта древнегреческая богиня? Он склонился над столом и приблизился к её лицу.

– А вы считаете, что я умею только приумножать своё благосостояние и считать прибыль?

Стефания откинулась на спинку стула.

– Откровенно говоря, да.

– Ну что ж, значит, мне придётся развенчать ваши мифы обо мне.

– Что всё это значит?

– Это значит, что я намерен завоевать вас, мой прекрасный белый лебедь.

– Почему вы решили, что я именно белый лебедь?

– Вижу это в ваших глазах, несмотря на то, что вы пытаетесь своим поведением доказать мне обратное, – он поднялся на ноги. – Кстати, в балете «Лебединое озеро» несмотря на сюжет, мне больше понравился чёрный лебедь.

Стефания повернула к нему голову.

– Что вы говорите? И почему? Ведь Одиллия злая и коварная.

Он склонился и приблизился к её лицу.

– Нет, она чувственная и страстная, обворожительная и умеющая только одним движением рук и блеском своих глаз свести любого мужчину с ума.

– А говорите не балетоман, хотя чётко понимаете сюжет балета. Ведь она действительно свела с ума и погубила принца и белую лебедь.

– Знаете, я сейчас говорил не о принце, а о себе. Это только мои ощущения, – он медленно скользил взглядом по её лицу, словно пытался рассмотреть каждую чёрточку, но когда потянулся пальцами к её щеке, Оболенская резко поднялась на ноги и отошла к раковине.

– Мне надо помыть посуду, – тихо произнесла она.

– Я с вашего разрешения посмотрю другие комнаты. Вы не против?

– Не против, – Стеша пристально смотрела ему вслед.

Упершись руками в край столешницы, она склонила голову и попыталась оправдать своё собственное поведение. Зачем она его впустила в квартиру и вела с ним эти доверительные беседы, не понимала. Так и не найдя подходящего ответа, Оболенская сложила чашки в раковину и едва включила воду, как услышала злобный рёв Маркизы и отчаянный крик Томашевского.

Стефания стремительно закрыла воду и, схватив полотенце, бросилась в гостиную, на ходу вытирая руки.

Картина, которая предстала её взору, заставила её невольно рассмеяться в голос.

Томашевский сидел на краешке дивана и с мученическим выражением лица, рассматривал свою исцарапанную в кровь руку, а рядом с ним прижав уши, в угрожающей позе шипела Маркиза. Её шерсть стояла дыбом, а глаза горели адским пламенем.

Эльдар поднял голову и с недовольством посмотрел на Стефанию.

– Не вижу ничего смешного. Эта тварь укусила и исцарапала меня, – он продолжал дуть губами на рану.

– Не называйте её так! – Стеша подняла на руки кошку и прижала её к себе. – Маркиза у нас представительница благородной крови, – она нежно коснулась губами головы животного.

Томашевский с отвращением смотрел на её ласки с кошкой.

– Благородной крови? А поведение хуже, чем у представительницы плебейской, – он гневно посмотрел в глаза притихшей Маркизе.

– Что он с тобой сделал, этот ужасный мужик, моя девочка? – Стеша нежно погладила рукой кошку, и та, уткнувшись мордочкой в шею хозяйки, наконец, успокоилась и замурлыкала.

– Ничего я не сделал. Просто сел на диван и не увидел, что она там спала рядом с подушкой.

– А посмотреть, прежде чем опускать свою пятую точку на сидение, вас никогда не учили?

– Вы не предупредили, что держите столь опасное животное в доме. Чёрт, теперь придётся уколы делать от бешенства, – Томашевский продолжил обдувать губами саднившую болью рану. – Сначала пострадал от когтей одной кошки вчера, теперь добавила другая.

– Так вам и надо. Не будете нарушать наше девичье пространство своим вторжением, – Стефания опустила кошку на пол и вышла из комнаты. Вернулась через несколько минут с аптечкой в руках и присела рядом с Томашевским.

– Что это? – он показал рукой на ватный диск, который она смочила в прозрачной жидкости.

– Всего лишь антисептик. Я обработаю ваши царапины.

– Нет, мне лучше поехать к врачу, – он поднялся на ноги.

– Да, перестаньте вести себя, как маленький ребёнок, – она потянула его за рукав пиджака и усадила снова на диван. – Не нужно вам ни к какому врачу. Моя кошка абсолютно здорова и привита от всего, что только можно. Так что всё, что нам нужно это обработать ваши раны. Давайте руку!

Томашевский протянул свою ладонь и сморщился, едва она коснулась поражённого места ватным диском.

Стеша подула губами, пытаясь успокоить боль и помазав место дезинфицирующей мазью, внимательно осмотрела его руку.

– Ну, всё, жить будете.

– А шея?

– А что шея?

– Вы забыли про те царапины, что оставили вчера сами. Я их не обработал и опасаясь, чтобы они не загноились.

– Что же вы с ними не пошли в больницу? Ведь возможно бешенство есть у меня.

– Вы шутите?

– Нет, потому что когда я вам их оставляла, вы у меня вызывали именно такое душевное состояние. Ну да ладно, кто старое помянет... Поднимите подбородок.

Томашевский послушно выполнил её просьбу, но едва она коснулась ватным диском кожи на его шее, то почувствовала, как его руки обвили плотным кольцом её талию.

Смерив его презрительным взглядом, Стефания отошла в сторону и, сложив остатки неиспользованных перевязочных средств в аптечку, присела в кресло.

– Сеанс лечения окончен. Можете ехать домой.

– Я обидел вас?

– Нет, доставили мне несказанное удовольствие.

– С удовольствием бы сделал это с вашего позволения.

– Слушайте, господин Томашевский, вы способны думать о чём-нибудь ещё кроме секса?

И способны держать свои руки при себе?

– Это сложно, когда вы рядом.

– Понятно, диагноз на лицо. Вы извините, но мне нужно ложиться, спать. Завтра рано вставать.

– Но вы так и не ответили на мой вопрос, – он коснулся пальцами её руки.

– Какой?

– Есть ли у меня шанс завоевать вас?

– Завоевать меня в свою постель?

– Ну, зачем вы так?

– Послушайте, Эльдар Станиславович, я хочу расставить сразу все акценты. Вы как мужчина меня не интересуете. Я общаюсь с вами лишь потому, что вы опекун моей воспитанницы. И хочу я или нет, но нам придётся общаться в силу моей работы. Но уверяю вас, между нами не может быть ничего кроме деловых отношений.

– Почему? – он проникновенно смотрел в её глаза. – Я не нравлюсь вам?

– Не нравитесь, и никогда не понравитесь, чтобы вы не делали.

– Почему?

– Потому что вы не в моём вкусе.

– А кто в вашем вкусе? Он? – Томашевский взял с журнального столика фотографию Николая в рамке и поднёс к своим глазам.

– Отдайте портрет! – Стеша поднялась на ноги, пытаясь отобрать у него снимок.

Когда ей это всё-таки удалось, она прижала рамку к себе и снова опустилась в кресло.

– Не понимаю, что в нём есть такого, чего нет во мне? Мне кажется внешне я ничуть не хуже, – Томашевский внимательно посмотрел на неё.

– Между вами и этим человеком большая разница. Она огромная, словно пропасть.

– И в чём же эта разница? – он внимательно смотрел на неё.

– В том, что я люблю его.

Томашевский задумчиво смотрел на неё.

– Да, не везёт мне. Как только в моей жизни появляется женщина, которая мне безумно нравится, то у неё сразу оказывается великая любовь с другим мужчиной.

– И часто такое бывает в вашей жизни?

– Второй раз.

– Не густо.

– Увы. И где же сейчас пребывает объект ваших истинных чувств? Почему не в этой квартире вместе с вами?

– Он в отъезде. Сейчас работает в Нью-Йорке.

– Вот как? Почему же вы его не сопровождаете?

– Какая вам разница? И почему я должна непременно вам рассказывать подробности своей личной жизни?

– Потому что я чувствую, что не всё так хорошо в этой вашей личной жизни. Вы ведь плакали, когда я пришёл. У вас припухшие глаза.

– Какая наблюдательность, а может, я резала лук.

– Знаете, Стеша, я категорически не приемлю в своей жизни лжи и распознаю её сразу. Есть у меня такое качество, которое мне очень помогает в моей жизни. Так что врётё вы всё. Нет у вас никакой личной жизни с этим мужчиной. А фотографию его держите здесь, чтобы до сих пор терзать свою душу и внушать себе, что вы его любите, и лучше него нет никого на этом свете. Но уверяю вас, есть... – Томашевский поднялся на ноги.

– Только не говорите, что это вы...

– А почему бы и нет... – Эльдар медленно направился на выход из комнаты. – Не провожайте меня, – обратился он к ней, заметив её присутствие за своей спиной. – Охрана всё равно ждёт меня на лестнице. До свидания, – он распахнул входную дверь и покинул пределы её квартиры.

Стефания стояла в центре комнаты и словно замороженная, смотрела на закрывшуюся за его спиной дверь. То, что он говорил ей, было правдой, словно скрытое в глубине её души откровение в отношении Николая.

Немного подумав, она вернулась в гостиную и подошла к окну, слегка приоткрывая занавеску.

Томашевский медленно шёл по дорожке к своей машине в сопровождении охраны.

Стеша пристально вглядывалась в силуэт его высокой и статной фигуры. Уверенные размашистые движения рук при ходьбе, как у любого преуспевающего человека, стройная, подтянутая фигура, хорошо тренированная физически. Вспомнила его крепкие руки, которые сжимали её тело вчера в кабинете, и невольно прикрыв глаза, опустилась на пол.

Когда шум отъезжающего кортежа Эльдара стих за её окном, она открыла глаза и, поднявшись, решительно направилась к столу.

Включила компьютер и, открыв поисковую страницу браузера, принялась извлекать на свет всю информацию, которая только была доступна на господина Томашевского. И учитывая, что её оказалось немало, ей пришлось просидеть за столом до глубокой ночи.

Глава 5

Утром Стефания переступила порог балетной школы и резко остановилась в центре вестибюля, растерянно осматриваясь по сторонам. В одно мгновение, ей показалось, что она ошиблась адресом и попала в другое помещение.

Ещё накануне просторное и ухоженное пространство сейчас было заставлено строительными лесами, полы в некоторых местах были вскрыты, а под лестницей разместились ёмкости с красками и мешки со шпаклёвкой.

– Что здесь происходит? – она обратилась к уборщице, которая стояла, у окна, слегка согнувшись, и выкручивала половую тряпку.

– Ремонт, не видишь, что ли? – недовольно ответила женщина, и бросила ветошь на пол.

– Какой ремонт? Ведь его только делали летом.

– То был косметический, а теперь капитальный.

– Откуда деньги на капитальный ремонт?

– Бунина нашла. Олигарх, который начал водить сюда своего ребёнка, за всё заплатил.

– Томашевский?

– Откуда мне знать, кто он. Красивый такой, холёный.

Стеша сжала ладони в кулаки и стремительно направилась на второй этаж. Там её ожидала похожая картина. Кругом сновали рабочие в строительных комбинезонах, в углу были складированы многочисленные рулоны с обоями и банки с клеем.

Оболенская стремительно направилась в свою комнату и, распахнув её, едва не завывала в голос. Её вещей не было, мебель вынесли, а оштукатуренные стены уже оклеивали свежими обоями.

Она покинула комнату под удивлённые взгляды рабочих, предварительно громко хлопнув дверью, и стремительно направилась в кабинет директора. Преодолев пространство приёмной, и не обращая внимания на крики секретаря, Стефания распахнула дверь и вошла в комнату.

– Доброе утро, Эвелина Алексеевна! Может, мне кто-нибудь объяснит, что происходит в моей комнате? Я пришла на работу и мне даже негде переодеться, и я не знаю... – она резко замолчала, заметив краем глаза Томашевского, сидевшего на диване у окна.

Он с удовольствием пил кофе из крошечной чашечки и внимательно смотрел на директора школы.

– Стефания Павловна, доброе утро! Вы могли бы не врываться ко мне в кабинет, когда я занята, и не кричать, когда у меня в помещении находятся посторонние люди, – лицо Буниной было преисполнено гневом.

– Я могла бы не кричать, если бы смогла нормально приступить к работе.

– Вы и так сможете к ней приступить, если сейчас направитесь в сад. Сегодня у нас занятия на свежем воздухе. Всего один день. Уже завтра ремонт будет закончен, и вы все вернётесь в свои классы.

– А почему об этом не сообщили заранее? Между прочим, у меня был составлен рабочий план на сегодня, а теперь я вынуждена всё отменить.

– Всё решилось накануне, и я просто физически не успела сообщить об этом каждому. Кстати, кроме вас никто не высказал подобного недовольства. Потому что та красота, что уже завтра будет царить в этих стенах, думаю, порадует и учеников, и преподавателей. У вас ещё есть вопросы?

Стеша с ненавистью посмотрела на Томашевского, но тот делал вид, что её не замечает.

– Нет, к вам у меня нет вопросов, – Оболенская развернулась и стремительно направилась на выход. Покинув кабинет директора, громко хлопнула дверью приёмной и направилась на улицу.

– Простите, Эльдар Станиславович, – обратилась к Эльдару Бунина. – Эти молодые педагоги. С ними сплошная беда. Если бы не великолепное владение техникой и умение найти подход к любому ребёнку, клянусь, выгнала бы её давно взашей. Жуткая скандалистка!

– Не берите в голову. Всё в порядке, – Томашевский улыбнулся и продолжил пить кофе.

Стеша появилась на улице и, собрав своих учениц, медленно направилась в сад. Усадив их на лавочки, решила заняться теорией и объяснению некоторых элементов техники. Ответив на бесконечные вопросы и дав им свободную тему для интерпретации, включила музыку на планшете и остановилась под деревом, пристально всматриваясь в движения учениц и периодически поправляя, и делая замечания.

Она смогла, наконец, немного успокоиться. Но когда на дорожке сада заметила Томашевского в сопровождении охраны, передала планшет в руки одной из учениц и бегом направилась к нему навстречу.

Заметив её, Эльдар остановился и выжидающе посмотрел в её сторону.

Поравнявшись с ним, Стефания пристально посмотрела в его глаза.

– Вы что-то хотели? – обратился он к ней ледяным тоном.

– Хотела. Послушайте, господин Томашевский, вам, что некуда девать деньги?

– Отчего же, есть куда.

– Тогда зачем все эти глобальные ремонты?

– Здесь учится моя племянница, а помещения находились в отвратительном состоянии. Я хочу, чтобы она занималась в красивом месте. Вам не кажется, что красота танца не может существовать в хлеву.

– В хлеву? К вашему сведению в школе был сделан прекрасный косметический ремонт во время летних каникул у детей. А сейчас, когда учебный год в разгаре, вы рушите всё расписание и устраиваете эти никому не нужные ремонты.

– Ремонт был согласован с вашим директором и, насколько мне известно, только она принимает решение о проведении подобных работ, а простые педагоги нет, – он смотрел куда-то в сторону.

– А простые педагоги не имеют права высказать своё мнение и претензии?

– Послушайте, Стефания Павловна, у меня нет времени вступать с вами в дискуссию прямо посреди двора. Мой день расписан по минутам. Если у вас есть претензии, прошу пожаловать в мой новый офис. Только не забудьте предварительно записаться на приём через моего референта, – он протянул ей свою визитку.

Стефания смотрела на него как на умалишённого.

– Вы это серьёзно?

– Более чем. Я деловой человек и у меня нет времени выслушивать гневную тираду от зарвавшейся девчонки.

– Это я зарвавшаяся девчонка? Да, я...

Томашевский не дослушав до конца пламенную фразу Стефании, обошёл её и невозмутимо направился в сторону своего автомобиля.

Стеша попыталась броситься за ним вслед, но охрана преградила ей дорогу. Опустив голову, она медленно пошла по дорожке, возвращаясь в сад.

Томашевский сел в машину и повернув голову, долго смотрел вслед на её удаляющийся силуэт. Огромных трудов стоило изображать абсолютное равнодушие. Но это стоило того удовольствия, когда, наконец, в результате увидел её обречённую и подавленную, с потухшим взглядом и поникшими плечами. Она была очаровательна в своём беспричинном гневе и ещё больше в своей слабости.

Едва удержался от того, чтобы не прижать её в тот момент к своей груди и насильно приоткрыв её губы, жадно поцеловать, чтобы, наконец, почувствовать её вкус и сбить с неё всю спесь. Спесь, которая каждый раз закручивала его внутреннее состояние в ураган, грозивший перерасти в разрушительный Торнадо.

Ловил себя на мысли, что чрезмерно, церемонится с этой девчонкой. Ведь прежде ни одна женщина не смела, так разговаривать с ним. Почему позволял ей это, не понимал сам. Лишь понимал чётко одно, что он сделает всё, чтобы заполучить эту женщину и сделать её своей.

Плевать на её ненависть, и на её занятое сердце, он точно знал, что она будет его. Понял это ещё в прошлом году, когда впервые увидел её в цветочном магазине. И лишь её бегство тогда отсрочило его желание. Но судьба дала ему шанс встретиться с ней снова, и он её теперь не отпустит и никому не отдаст. Лишь только время, он просто даст ей немного времени привыкнуть к нему, а всё остальное сделает сам.

Эльдар снова посмотрел на Оболенскую, стоявшую под деревом и, обратившись к водителю, направился на встречу с партнёром в деловой фешенебельный центр.

****

Во второй половине дня Томашевский приехал в спортивный комплекс и, преодолев пункт охраны, вышел на ледовую арену в сопровождении тренера хоккейной команды. Немного поговорив об успехах Стаса, Эльдар присел на трибуне, и пристально всматриваясь в лица тренирующихся мальчишек, искал глазами своего племянника.

Стас быстро рассекал лёд, перебрасывая шайбу с помощью клюшки и забросив её в ворота, махнул рукой Томашевскому.

Эльдар поприветствовал его в ответ и с интересом осмотрелся по сторонам.

Он никогда не был ярым поклонником этого вида спорта, и потому впервые оказавшись на тренировке хоккейной команды, с любопытством наблюдал за игрой. Не отпуская взглядом, стремительные передвижения Стаса, отмечал для себя, что на льду мальчишка менялся и становился маленьким мужчиной. Собранным, внимательным и бесстрашным.

Невольно улыбнулся, заметив небольшую потасовку у ворот и яростные взмахи руками младшего представителя семьи Томашевских. Сам был таким всегда и не прощал обиды. Буйный нрав и темперамент, присущий их крови, явно был на лицо.

Эльдар поднялся на ноги, когда расслышал свисток тренера.

Мальчишки направились к бортику, стремительно покидая лёд один за другим.

– Привет, – обратился Эльдар к племяннику, как только тот оказался с ним рядом.

– Привет. Ты заехал за мной?

– Да, и заодно пообщался с твоим тренером. Он тебя хвалит.

Станислав улыбнулся.

– Мне очень нравится этот вид спорта, и я занимаюсь с удовольствием. Ты подождёшь меня, я только переоденусь.

– Конечно, я буду в машине на улице у центрального входа.

– Хорошо, – Стас подхватил в руки клюшку и стремительно направился вслед за остальными парнями на выход с ледовой арены.

Томашевский опустил на сидение в машине и, сделав несколько звонков, с улыбкой посмотрел на Стаса, когда тот, распахнув дверь, присел с ним рядом.

– Ну что, заберём Еву со школы и домой? – Томашевский пристально смотрел на племянника.

– Да. А разве ты сегодня больше не поедешь на работу?

– Не поеду. На сегодня дела окончены.

Когда машина тронулась, Эльдар снова посмотрел на племянника.

– Как тебе новый губернёр? Я сегодня говорил с ним, он доволен вами и вашими успехами в школе. К тому же, он производит впечатление очень умного и компетентного человека.

Стас пожал плечами.

– Я с ним мало общаюсь. Я делаю всё сам, и мне кажется, что ты тратишь деньги впустую.

Томашевский рассмеялся.

– Что ты говоришь? А как же Ева?

– Еве он не нравится. Он мужчина и я думаю ей не очень удобно общаться с ним.

– Я брал женщину на эту работу, но ведь вы сами сделали всё, чтобы выжить её из дома. Вам не угодишь.

– Послушай, а почему у тебя нет жены? – Стас внимательно посмотрел на Эльдара.

– А тебе не кажется, что ты задаёшь не совсем тактичный вопрос?

– Мне просто интересно. Если не хочешь, можешь не отвечать.

– Ну, если это настолько волнует тебя, то я, пожалуй, отвечу. Для того чтобы жениться, нужно в первую очередь любить женщину. А в моей жизни такой женщины пока нет.

– Но тётя Аня говорила, что ты уже был женат и не один раз. Получается, что ты любил этих женщин. Тогда почему сейчас ты один?

– Я лишь думал, что их любил. Впрочем, как и они меня. Лишь делали вид, что любили. А ты бы хотел, чтобы у меня была жена?

– Просто если бы у тебя была жена. Ты бы, наконец, перестал нанимать нам этих дурацких губернёров.

– Ну что ж, ловлю на слове. Как только женюсь снова, напомню тебе о нашем разговоре.

Стас пристально посмотрел на Томашевского.

– Ты серьёзно собрался жениться?

Эльдар рассмеялся.

– А ты уже испугался?

– Да, нет. Просто подумал, что...

– Стас, когда я соберусь жениться, уверяю, вы об этом узнаете первыми, а пока давай оставим эти разговоры. Тем более что мы приехали.

Когда машина остановилась у балетной школы, Эльдар покинул автомобиль и медленно направился в сторону лестницы, забирать Еву из класса.

****

– Стеша, ну пойдём хоть ненадолго, – Светлана Ярославцева сложила руки на груди и с умоляющим выражением лица смотрела на подругу.

– Ну, ты же знаешь, что у меня сегодня ночная работа. Я не смогу пробыть с вами долго.

– Ну, мы на пару часиков. Я хотела познакомить тебя с другом моего Алексея. Он давно о тебе спрашивал. А сегодня как раз такой повод, день его рождения.

– Послушай, ты же знаешь, не люблю я это сводничество.

– Стеша, ну какое сводничество? Просто дружеская встреча. Посидим, пообщаемся, потанцуем.

– Только танцев мне и не хватает. Ещё вся ночь впереди и натанцеваться я успею.

– Слушай то, что ты делаешь ночами, это не удовольствие, это рутина. А здесь популярный молодёжный ночной клуб, отличная компания в нашем лице, непринуждённая остановка, вкусные коктейли, для тебя закажем безалкогольный. Ну, пойдём, прошу тебя.

– Ладно, уговорила, но только на пару часиков.

– Я тебя обожаю! – Ярославцева обхватила её руками за шею и чмокнула в щёку. – Ну, всё, я звоню Лёшке. Пусть обрадует Никиту.

– Давай, – Стеша улыбнулась.

Она поднялась на ноги и подошла к шкафу. Открыв створки, перебрала многочисленные вешалки, выбирая наряд на вечер.

– В общем, мальчики сказали, что будут нас ждать у клуба. Я побежала домой, приму ванну, переоденусь и заеду за тобой на такси, – Светлана пристально смотрела на подругу.

– Постой, а как же, подарок для именинника? Надо же что-то купить.

– Не волнуйся, мы с Лёшкой обо всём подумали. Лучший подарок от тебя, это если ты уделишь имениннику хоть немного своего внимания и позволишь ему поухаживать за тобой. Он давно от тебя без ума.

– А кто-то говорил, что здесь нет места сводничеству?

– Я, между прочим, о тебе думаю. Тебе двадцать девять, а ты всё ещё живёшь призрачными иллюзиями. Никита очень перспективен для тебя. Во-первых, из хорошей обеспеченной семьи, во-вторых, ведущий танцор театра. Так что если у вас что-нибудь получится, то ты с его помощью сможешь снова вернуться в театр. Это шанс снова оказаться на сцене. И только не говори мне, что ты не хочешь этого.

– Светка, не нравится мне всё это. Устраиваться за счёт другого человека это не для меня. К тому же, Николай...

– На твоём месте уже давно пора забыть об этом Николае и заняться своей личной жизнью, поставив на его персоне крест.

– Ты ничего не понимаешь. Я люблю его.

– Любишь? А он?

– Света, не надо.

– Ну, хорошо, не буду. Продолжай сохнуть по нему. Дотянешь до сорока в ожидании, а потом не будешь никому нужна.

– Свет, хватит читать мне морали или я никуда с тобой не пойду.

– Ладно, не буду больше. Это твоя жизнь. Можешь продолжать бесцельно расходовать её и дальше. Я уехала. Встретимся через два часа.

– Хорошо, – Стефания закрыла дверь за подругой и направилась в спальню.

Она рухнула на постель и закрыла голову подушкой. У неё не было никакого желания идти в этот ночной клуб и тем более улыбаться какому-то Никите, которого она в глаза не видела. Сегодня у неё работа в «Колизее» и вот что её волновало в данный момент больше всего, потому что если она снова опоздает, Пётр накажет её рублём, как и грозился в прошлый раз.

Она приподнялась на месте, взглянула на часы и, встав с постели, медленно направилась в душ.

Глава 6

Томашевский сидел в кресле и внимательно смотрел на Воропаева.

– Саша, ты уверен, что это именно он? – Эльдар размеренно постукивал ручкой по столешнице.

– Уверен. Если бы был не уверен, я бы не тащил тебя на эту встречу сегодня вечером.

– Думаешь, я, наконец, смогу ухватить хоть одну нить, чтобы приблизиться к разгадке этого тёмного дела моего брата?

– Уверен.

– Во сколько состоится встреча?

– В восемь вечера в его кабинете.

Томашевский взглянул на часы.

– У нас мало времени. Нужно выдвигаться уже сейчас.

– Поедем. Дар, только у меня одна просьба. Ты не пыли сразу. Я ведь знаю тебя, сразу начнёшь...

– Не начну. Я преисполнен терпимостью, так что не волнуйся. Поехали, – он поднялся на ноги и, накинув пиджак на плечи, направился на выход из кабинета.

Покинув автомобиль у двухэтажного здания с яркой вывеской и разноцветной иллюминацией, Томашевский показал жестом охране следовать за ним и направился по ступеням лестницы в ночное заведение.

Оказавшись в кабинете директора ночного клуба, Эльдар пристально осмотрелся по сторонам.

Роскошное помещение в лучших традициях английской классики. Дорогая мебель, оружейные трофеи на стене, великолепная экспозиция книг в твёрдых переплётах и огромный монитор, демонстрирующий с нескольких ракурсов практически все участки ночного клуба.

Когда хозяин роскошного помещения появился на пороге кабинета, Томашевский внимательно посмотрел на него.

Высокий, плотный мужчина лет пятидесяти, с редкими волосами, зачёсанными назад натянуто улыбнулся. Тёмно-коричневый костюм, начищенные до блеска туфли и дорогой смартфон, который он крепко сжимал своими пальцами, указывали на его не бедственное положение в жизни.

Томашевский без приглашения присел в кресло и внимательно посмотрел на своего собеседника.

– Знаешь кто я?

– Знаю. Твой детектив мне всё рассказал, – мужчина покосился на Воропаева, который стоял у стены.

– Прекрасно. Тогда жду рассказа от тебя. Что за дела у тебя были с моим братом?

– О каких делах ты говоришь?

– Слушай, только не надо делать из меня дурака. Я говорю о ваших делах с алмазами.

Мужчина побледнел.

– Откуда ты знаешь об этом?

– Это неважно. Меня интересуют подробности о том, каким образом тебе удалось втянуть Олега в это грязное дело?

– А с чего ты взял, что это я его туда втянул?

– Потому что я знаю своего брата. Он бы никогда по собственной инициативе не связался с делом криминального характера.

Мужчина усмехнулся.

– А ты свои деньги можно подумать зарабатываешь кристально честным путём?

– А ты мои деньги не считай и не ломай голову, каким способом я их зарабатываю. Моё дело, мой ответ за него. А вот вы, в ответе за ваше. И насколько я могу судить, мой брат уже за него ответил.

– Ты по поводу аварии?

Томашевский молча кивнул.

– Я тоже уверен, что авария не была случайной.

– Вот поэтому мне бы и хотелось узнать подробности ваших дел и имя того, кому вы перешли дорогу.

– Хочешь поквитаться с ним за брата?

– Возможно. Итак, я слушаю.

Камышев поднялся на ноги и подошёл к окну. Он стоял несколько минут молча, словно раздумывая. Но обернувшись и увидев пристальный взгляд Томашевского начал говорить.

– Всё началось с моего брата. Это он первым открыл канал нелегальных поставок алмазов из ЮАР. Там было всё отточено настолько чётко, что ни полиция, ни отряд специального назначения, контролирующей работу алмазных приисков, не могли докопаться. Алмазы регулярно вывозились за пределы континента во многие страны мира. Мой брат наладил свой собственный канал вывоза алмазов и предложил мне вступить в долю. Но, чтобы войти в это дело, нужен был начальный капитал, и я вложил все деньги, что у меня были. И когда получил прибыль в несколько раз больше, чем у меня было, понял, что это настоящая золотая жила, вернее алмазная...

– Про тебя мне понятно. Как мой брат оказался в вашем преступном синдикате?

– Очень просто. Мы с ним дружили, и как-то он пожаловался мне, что дела идут плохо. Большая конкуренция среди тех центров и автосалонов, дают мизерную прибыль, а дети подрастают и расходы увеличиваются. К тому же, они ждали с женой третьего ребёнка.

– Что ты сказал? – Томашевский вскочил на ноги.

– А разве в полиции тебе не сообщили об этом? Ведь они наверняка должны были делать экспертизу.

Эльдар закрыл лицо руками и снова опустился в кресло.

– Я не видел экспертизы и заключения патологоанатома тоже. Я так и не был больше в полиции. Задействовал связи, чтобы затребовать разрешение на скорейшее захоронение тел и узнавал дистанционно о ходе расследования ДТП.

– Извини, я понимаю, что тебе больно узнать эту новость. Марина была на втором месяце беременности, когда у нас начались первые неприятности в делах. Местный авторитет неожиданно накрыл наше налаженное дело и потребовал, чтобы теперь все дела велись только через него, естественно, что он будет снимать все сливки. Но мой брат не привык работать на кого-то, да ещё даром. И потому срубив самую большую ставку, стремительно покинул Кимберли. Но... – мужчина немного помедлил.

– Что, но?

– Его убили, едва он прилетел в Москву.

– Ничего не понимаю, а вы тут оказались причём, если в последней афере виноват твой брат?

– Потому что через неделю после его смерти, домой к Олегу, у которого после развода временно поселился и я, приехал курьер.

– — Курьер?

– Да, и привёз нам посылку от моего безвременно почившего брата.

– И что в ней было?

Мужчина усмехнулся и подошёл к сейфу. Открыв его, извлёк бархатный чёрный мешочек и положил на стол перед Томашевским.

– Что это? – Эльдар внимательно посмотрел на мужчину.

– Открой и сам увидишь.

Томашевский взял мешочек в руку и, потянув тонкие нити завязки, перевернул его на ладонь. Когда убрал тканевую упаковку в сторону и взглянул на содержимое своей руки, почувствовал, как обжигающий холод пробежал по его спине.

Перед его взором лежали десять огранённых алмазов. Бесцветные, скорее прозрачные драгоценные камни классической овальной формы идеальной чистоты, без посторонних вкраплений. Они переливались на его ладони под сенью искусственного освещения, царившего в комнате потрясающей проникновенной игрой света в каждой грани.

Он аккуратно провёл по ним пальцами и снова поднял глаза на мужчину.

– И во сколько оценены эти камни?

Камышев улыбнулся.

– Даже тебе такая сумма не снилась. Это редкий вид алмаза.

– Значит, это и есть те камни, из-за которых погиб мой брат?

– И мой тоже. Только это половина всех камней, которые нам передал курьер.

– Что ты сказал?

– Что слышал. Потому что вторая половина осталась у твоего брата. Мы разделили их пополам, как только курьер уехал. Держать их вместе было опасно, да и пребывать в одной квартире тоже. Я переехал на съёмное жильё, а твой брат, забрав детей и жену, отправился на юг.

– Как ты не боишься хранить всё это в кабинете просто в сейфе?

– А, по-твоему, я должен их отнести в ячейку Сбербанка России?

– Да, ты прав, глупый вопрос. И где же вы собирались реализовывать эти камни? Здесь на территории страны?

– Ты видимо шутишь. Здесь нет никого, кто бы заплатил за них такую сумму. Мы нашли покупателя на Ближнем Востоке, который должен был сам приехать сюда и забрать камни, после того, как деньги бы поступили на наш банковский счёт. А потом мы собирались по очереди с твоим братом покинуть страну и переехать на Бали.

– И дети тоже?

– Да. Новые документы были готовы. И я собирался сделать это первым, чтобы обосноваться на месте и подготовить дом, чтобы Олег с семьёй могли переехать туда. Но когда я узнал, что случилось с твоим братом, решил пока затаиться и отложить продажу камней и поездку хотя бы на месяц. К тому же клуб не хочется бросать. Мне пообещали деньги за него только через две недели.

– Если ты уверен, что Олег погиб не случайно, сам не опасаясь, что кредиторы придут и к тебе?

– Вероятность есть, но крайне маленькая. Ведь никто не знал, что я жил у твоего брата на квартире. Я подозреваю, раз вышли на него значит, задержали курьера, который нам привёз камни. И так как хозяин жилья Олег, то ему, к сожалению, и пришлось за всё ответить.

Томашевский сжал ладони в кулаки.

– А ты теперь будешь жить, и наслаждаться роскошной жизнью с помощью этих стекляшек, – Эльдар небрежно швырнул бриллианты на стол и они, соприкоснувшись с деревянной поверхностью, разлетелись в разные стороны.

Камышев подскочил на ноги и дрожащими пальцами принялся собирать камни в мешочек.

– Стекляшки! Для тебя может они и стекляшки, а для меня обеспеченная старость, когда покину это место и перееду за бугор, – он обвёл рукой помещение ночного клуба.

– Ты ещё доживи до этой старости для начала. И на твоём месте я бы лучше пошёл в полицию, пока не поздно.

– Полиция? Ты чокнулся! Меня ведь посадят...

– Зато не убьют, – тихо добавил Воропаев и посмотрел на мужчину.

– Ты думаешь, они смогут всё-таки выйти на меня?

– Знаешь сумма, в которую оцениваются эти камни, я думаю, заставит этих людей перевернуть земной шар, не то, что найти тебя. А где сейчас те камни, которые забрал Олег? Ты не знаешь? – спросил Эльдар.

– Не знаю. Я у него отчёта не требовал, где он собирается их хранить.

– Ладно, мне ещё хотелось бы узнать, кто тот человек, который ведёт охоту на вас. Местный делец?

– Местный, только как мне говорил брат, в прошлом он наш бывший соотечественник.

– Кто бы сомневался, – Эльдар поднялся на ноги.

– На твоём месте я был бы тоже осторожнее и усилил охрану. Ведь если, узнают, что дети Олега живут с тобой, этот человек может прийти и к тебе, – Камышев посмотрел на Томашевского и опустил в кресло.

– А причём здесь я или дети Олега? – громко обратился к нему Эльдар.

– Я просто предположил, а твоё дело это обмозговать.

– Ты лучше обмозгуй своё дальнейшее существование, – Томашевский резко обернулся.

– Не запугивай меня. Я думаю, если этот господин до сих пор не пожаловал ко мне, значит для него я персона вне алмазной игры. Тем более что все знают меня лишь как хозяина молодёжного ночного клуба.

– Ну что ж, как знаешь, – Эльдар направился к двери и, не попрощавшись, вышел из кабинета.

Спустившись по лестнице на первый этаж, он внимательно посмотрел на ярко освещённый зал ночного клуба.

– Ну что домой? – обратился к нему Воропаев.

– Нет. Пошли, выпьем чего-нибудь. Что-то я после всех этих новостей чувствую себя отвлечённо, хоть на стену лезь.

Отыскав один из свободных столиков, они присели недалеко от сцены танцпола и, заказав два фирменных коктейля заведения, принялись ожидать своего заказа.

– Что планируешь делать дальше? – обратился к Томашевскому Воропаев, пытаясь говорить громче, чтобы перекрыть шум сумасшедшую музыку, которая казалось, раздавалась со всех сторон.

– Не знаю. Ты думаешь, он прав, когда говорит, что этот «граф Монтекристо» явиться ко мне за этими камнями?

– Не исключено. Ладно, Эльдар, расслабься хоть сегодня и забудь обо всём. Выпей, – Воропаев придвинул к нему одну из коктейльных рюмок, которые перед ними поставил официант. – Я буду работать дальше. Завтра заканчиваю подготовку всех необходимых документов и на следующей неделе отправляюсь в Кимберли. Буду работать на месте. Надеюсь раскопать хоть что-нибудь, касающееся нашего дела.

– Спасибо тебе. Буду ждать от тебя новостей, – Томашевский пригубил коктейль и, сморщившись, отставил его в сторону. – Господи, что за помой! – он достал платок из кармана пиджака и вытер губы.

Воропаев рассмеялся и, сделав глоток коктейля, с улыбкой посмотрел на всё ещё выражающее явное недовольство лицо Томашевского.

– Ну а чего ты ожидал? Что тебе здесь подадут Хеннесси Remy Martin пятидесятилетней выдержки.

– Да, чёрт с ним с коньяком. Попроси, пусть хотя бы подадут бутылку обычного Мартини.

– Хорошо, я сейчас, – Воропаев поднялся на ноги и отошёл к бару.

Томашевский скучающим взглядом обвёл танцующих прямо перед его взором девушек. Красивые и стройные козочки выделывали пленительные вращения сочными фигурками, заставляя его понемногу оживать.

Он вдруг поймал себя на мысли, что с этой вечной суетой, царившей последние две недели в его жизни, он забыл, когда в последний раз был с женщиной. Мыслями снова вернулся к Стефании. Вот бы кого он сейчас с удовольствием уложил в горизонтальное положение в свою кровать на всю ночь.

Мысли о желанной женщине заставили нахмуриться, вспоминая её яростное заявление о любви всей её жизни и о слащавом красавчике, который томно улыбаясь, смотрел на него с фотографии, трепетно хранимой Оболенской в своей гостиной.

Ну что ж, раз выбор сегодня был невелик, он решил найти в зале кого-то, кто скрасит его вынужденное одиночество этой ночью. Уловив на себе взгляд знойной брюнетки, стоявшей у бара, он сделал ей небрежный жест рукой, приглашая её за свой столик.

Малышка зазывно покачивая бёдрами в узком платье алого цвета, двинулась в его направлении и, опустившись с ним рядом за столик, улыбнулась своей широкой и ослепительной голливудской улыбкой. Приблизилась к его лицу, чувственно прикусывая губы и опустив руку вниз, нежно провела ладонью по его ноге.

Томашевский отметил для себя сразу же всё то, что было в этой кукле сделано за немалые деньги и очень искусными руками пластического хирурга. Но для того, зачем он позвал её к себе, этой искусственной подделки натуральной красоты будет более чем достаточно.

Он положил перед ней на стол свою визитку и магнитную карту-ключ от номера в отеле, который удерживал за собой уже две недели после возвращения в город.

Когда Воропаев вернулся за столик, Томашевский провёл по лицу девушки пальцами и, вызвав одного из охранников, отправил объект своего вожеления в сопровождении секьюрити ожидать его в гостиничном номере.

Воропаев с улыбкой смотрел вслед удаляющейся девице и, разливая Мартини по бокалам, наблюдал за Томашевским.

– Смотрю, ты решил сегодня окончательно расслабиться и не только с помощью алкоголя.

– Ты прав. Мне сейчас нужна женщина и достаточно искусная в постели.

– Думаю, эта малышка тебя удивит сегодня, – Воропаев улыбнулся.

Томашевский усмехнулся.

– Посмотрим.

– Как вино?

Эльдар сделал глоток дорогого Вермута из бокала и удовлетворённо кивнул головой.

– Годится. Намного лучше той дряни, которую я пил до этого. Откровенно говоря, я не привык... – Эльдар резко замолчал, заметив напротив себя за столиком группу молодых людей, которые пока сам не понимал, почему привлекли его внимание.

Он пытался внимательнее всмотреться в полумрак помещения и в их лица, намереваясь рассмотреть только одно из них, которое как ему показалось, он отлично знает.

– Что с тобой? – Воропаев, заметив его пристальный взгляд, тоже обернулся и посмотрел в сторону молодых людей за столиком, напротив.

– Сейчас, Саша. Извини... – Томашевский не отрывал взгляда от соседнего столика.

– Да, на кого ты там смотришь? – Воропаев тоже весьма заинтересовано взглянул на объект пристального внимания Томашевского.

Эльдар откинулся на спинку кресла и хищно улыбнулся.

– Увидел знакомую... – он не отрывая глаз, наблюдал за Оболенской, которая что-то оживлённо рассказывала своим собеседникам.

– Красивая... Ты с ней знаком? – Воропаев кивнул в сторону Стефании.

– Да, и очень хорошо... – Томашевский провёл пальцами по царапине на своей шее. – Слишком хорошо знаком.

– И как она?

– Что ты спросил? – Эльдар, наконец, оторвался от созерцания образа Оболенской и посмотрел на друга.

– Я спросил, как она?

– Никак.

– То есть?

– Потому что не знаю.

– И это говоришь мне ты? – Воропаев громко рассмеялся.

– Представь себе... – Эльдар сделал большой глоток Вермута из бокала и снова перевёл взгляд на Оболенскую. Он едва не сорвался с места, заметив, как один из парней провёл рукой по её спине, и принялся нежно поглаживать её обнажённое плечо. – А это ещё что за слизняк? – он поднялся на ноги, но Воропаев снова усадил его на место.

– Тихо, тихо, остынь. Только драки для полного счастья не хватало сегодня. Утомонись. Пусть отдыхает. После поговоришь с ней.

– Может ты и прав... – Томашевский снова опустился на диван.

– Дар, может, лучше пойдём домой?

– Нет. Я хочу досмотреть этот спектакль до конца. Потому что она мне только вчера говорила, что у неё большая и светлая любовь, живущая и без устали работающая Нью-Йорке. А сегодня она позволяет какой-то субливной личности обнимать себя столь откровенно у всех на глазах, несмотря на то, что передо мной строила недотрогу.

– Да, ладно тебе, Эльдар, оставь изводить себя. Бабы все одинаковые. Сегодня клянутся тебе в вечной любви и тут же изменяют с кем-нибудь кто ближе и удобнее.

– Ты прав. Мои бывшие жёны именно так и делали. И я собственноручно вышвыривал их из дома, предварительно отделав, как следует и их самих и их любовников.

– Ну, это всем известно, – Воропаев рассмеялся. – Твой буйный нрав в те времена был известен каждому.

– Он и сейчас не стал менее буйным, – Томашевский внимательно следил за Стефанией. Заметил, как она поднялась на ноги и, взяв за руку своего кавалера, отправилась на танцпол.

Эльдар затаив дыхание смотрел на неё. Только сейчас, когда она оказалась в свете софитов он смог хорошо рассмотреть её.

Тонкое белоснежное приталенное платье без бретелей настолько плотно облегло её хрупкую фигурку, что казалось, попросту слилось с её кожей. Длинные каштановые волосы были распущены по плечам густой волной. Так любимые ею босоножки на тонкой и высоченной шпильке, делали её ноги сногшибательными.

Томашевский уже не слышал слов Воропаева, потому что не мог отвести глаз от этой царственной особы, которая сразу же затмила всех в толпе танцующих молодых людей.

Стройная спина, изящный прогиб в пояснице, упругие ягодицы по которым он бесстыдно скользил взглядом уже несколько минут. А уж, когда она, положив себе руки на бёдра, начала совершать ими пленительные движения, от которых у Эльдара захватило дух, он понял, что погиб окончательно.

Её стандартные движения клубного Go-Go были приправлены горячительным коктейлем её дивной пластики и удивительной грации, которые заставили сердце Томашевского забиться учащённо. Те поглаживания руками по телу и возбуждающие движения бёдрами, которые она вытворяла сейчас перед его глазами, вызывали в нём только одно желание. Сжать её сейчас до боли в своих объятиях и, забросив на плечо, забрать отсюда и взять её прямо в своей машине, чтобы, наконец, удовлетворить своё неконтролируемое желание и заставить эту строптивку кричать от удовольствия в своих объятиях.

Выпитый алкоголь слегка дурманил голову. Ему казалось, что всё плыло перед глазами, музыка звучала где-то в стороне, а на танцполе кроме неё никого не было. Она словно в замедленной киносъёмке медленно приседала, извиваясь, и снова поднималась, вскидывая томно голову, таинственно улыбалась и чувственно прикусывала губы.

Её танец был похож на личное откровение, на то, что она дарила сейчас только ему одному. То, что он видел в её исполнении в танцклассе балетной школы вчера, сейчас напрочь было стёрто тем, что он видел перед своими глазами в свете софитов сцены ночного клуба.

Но его вожаденные мысли уже очень скоро сменились на гневные, едва он увидел, как её бёдер коснулись руки этого хлыща, который был весь вечер с ней рядом. Нежно притянув её к себе, этот объект его ненависти двигался ничуть не хуже, чем его партнёрша.

Эльдору даже на мгновение показалось, что они напомнили ему пару профессиональных танцоров. Отличие было лишь в том откровении, что царило между ними, когда этот subtilный субъект в танце склонялся к ней всё ближе и, несмотря на её недовольство и протест пытался, касаться губами то её шеи, то зоны декольте.

Томашевский едва сдерживал себя, чтобы не подняться на ноги и не вломить этому мерзавцу на весь размах собственной силы. Знал точно, что наверняка покалечит, потому что этот subtilный персонаж был весьма строен и тонок, по сравнению с его собственной комплекцией.

Когда безумный танец, наконец, закончился, Томашевский, проводив их глазами до столика, повернулся и посмотрел на Воропаева.

- Горячая штучка... – смеясь, произнёс Александр и снова посмотрел на Стефанию.
- Да уж, горячая... Поехали отсюда!
- Ну что ж, поехали.

Попрощавшись на выходе с Воропаевым и договорившись созвониться, Томашевский сел в машину и немного подумав, дал указание водителю ехать к дому Оболенской.

Он прождал её больше часа, и когда она, наконец, появилась вместе со своим провожатым на дорожке, ведущей к подъезду, Эльдар заинтересовано посмотрел в их сторону и приоткрыл окно, чтобы попытаться расслышать их разговор.

Они остановились у подъезда. Молодой человек преданно заглядывал ей в глаза и что-то тихо говорил ей, нежно касаясь губами её руки.

Эльдар не мог расслышать их разговора, но по выражению лица Стефании понял, что вопрос, который ей задал её провожатый о том, чтобы провести ночь вместе, остался без ответа. Не желая устраивать публичные разборки, Томашевский еле сдержался, чтобы не вмешаться. И, дождавшись, пока несостоявшийся любовник покинет двор Оболенской, вышел из машины и не спеша направился к её подъезду.

На пороге её квартиры долго стоял, словно раздумывая. Понимал, что задумал глупость, не свойственную ему. Но эта женщина, каждый раз оказываясь перед ним, будила в нём первобытного собственника и заставляла творить безумства.

Когда он позвонил в дверь, она долго не открывала. Но он, не прекратив своих попыток, всё-таки заставил её открыть дверь.

Удивлённо взглянув на него, Стефания преградила ему рукой проход в квартиру.

- Зачем вы здесь? Я вас не звала к себе в гости.
- Уверена?
- Уверена, как и в том, что не желаю с вами разговаривать.
- А с кем желаешь? С этим хлыщом, который провожал тебя до дверей подъезда. Что это было за чудо в перьях?
- Между прочим, это чудо в перьях ведущий танцовщик труппы прославленного театра.
- Ведущий говоришь... А ты не боишься, что я могу оставить его без работы на длительное время.

– Что это значит?

– Это, значит, вырву ноги и обмотаю вокруг шеи, если он ещё раз посмеет к тебе прикоснуться.

– Вы что следили за мной?

– Нет. Просто стал невольным свидетелем вашего горячего танца в ночном клубе.

– Чёрт! – Стефания отвернулась от него и подошла к стене. – Вообще-то это не ваше дело, с кем я провожу своё свободное время, – она снова обернулась и посмотрела в лицо Томашевского.

– Вот как? Но кто-то меня вчера уверял, что он трепетно любит своего американского благоверного.

– Это моё дело, кого я люблю.

– Нет, девочка, ты ошибаешься. Теперь это моё дело, – он медленно направлялся к ней.

– Если вы позволите себе хоть что-нибудь, я крикну, и соседи вызовут полицию.

– Кричи... – Эльдар резко рванул её за руку и прижал к себе.

Несмотря на её протесты, приник к её губам, так жадно, что Стефании показалось, что ещё мгновение, и она потеряет сознание.

Пытаясь увернуться от его губ, которые порабощали её рот, она отчаянно принялась бить его по лицу руками. Но он был похож на ненасытного зверя, который поглощал не только её губы, он казалось, был готов впитывать её саму бесконечно. Он целовал её без ласки, грубо, словно подчиняя и заставляя смириться.

Скрутив её руки за спиной и прижав к стене прихожей, он попытался освободить её тело от платья. Но почувствовав острые ногти на своём лице, отчаянно взвыл от боли и, отпустив её, отошёл в сторону.

Эльдар тяжело дышал и смотрел на неё, не отрывая взгляда.

Стефания поправила одежду и, смерив его испепеляющим взглядом, подняла указательный палец вверх.

– Ещё раз ты позволишь себе подобное, трезвый или пьяный, и я за себя не ручаюсь.

– Если надеешься, что я буду извиняться, то не буду. Потому что вчера, когда я пришёл к тебе, ты уверила меня, что любишь другого. И что же я вижу сегодня? Ты ведёшь себя, словно шлюха, позволяя этому хлыщу лапать тебя на глазах у всех.

– Я не твоя собственность и я делаю и живу, так как хочу сама. А теперь проваливай отсюда, и забудь про свои замашки сильного мира сего. На меня твоё положение в обществе и твои несметные сокровища не подействуют, я не твои бывшие жены.

– Ты что изучила мою биографию?

Стеша немного растерялась и отвела взгляд в сторону, когда поняла, что сказала глупость, выдав тем самым свой интерес к его персоне.

– Просто случайно наткнулась на неё в интернете.

– Снова врешь... – он снова захотел подойти к ней, но она остановила его жестом своей руки.

– Даже не думай об этом!

– Я всё равно не оставлю тебя, – Томашевский пристально смотрел на неё. – Потому что ты нравишься мне! Нравишься, понимаешь!

– Когда один человек нравится другому, то он не ведёт себя так, как это сделал сегодня ты. Уходи из моего дома.

– Стефания...

– Я сказала, убирайся! – закричала она.

Залаывая в соседней квартире растревоженная собака и голоса соседей, заставили Томашевского покинуть её квартиру. Оказавшись по другую сторону двери, он прислонился

лбом к прохладному металлу и медленно провёл пальцами по поверхности, словно пытаюсь ещё хоть ненадолго продлить тактильные ощущения прикосновения к её телу.

Спустившись по ступенькам лестницы, сел в машину и направился в гостиницу.

Едва открыл дверь своего номера, и увидел стоявшую перед ним девушку из ночного клуба, ухватил её за руку, и крепко прижав к стене, поспешно принялся освобождать её от одежды. Не обращая внимания на пуговицы и молнии, разрывал всё в клочья и отбрасывал на пол.

Безудержно брал её прямо у стены, не давая ей пошевелиться, и лишь губами впитывал её громкие вскрики и стоны в моменты острого удовольствия.

Он не открывал глаз, потому что не хотел видеть перед собой лицо и тело этой женщины, он хотел видеть другую, и по-прежнему ощущать жар и вкус поцелуя, который сорвал с её губ час назад.

Всё, что происходило сейчас в его номере, ему казалось наваждением, иллюзией, потому что он видел перед собой лицо Оболенской, а не девушки, которую снял в ночном клубе.

Видел её карие глаза, её искусанные в кровь пухлые губы и её громкие стоны, ласкающие его слух и заставляющие хоть на минуту, хоть в своих мыслях представить, что эта строптивая женщина когда-нибудь прекратит сопротивляться и станет его, а то, что это рано или поздно произойдёт, он уже не сомневался.

Глава 7

После ухода Томашевского, Стефания ещё долго просидела на полу, прислонившись спиной к стене. Всё произошедшее в прихожей её квартиры полчаса назад не поддавалось никакому объяснению. Она не слепая и не наивная школьница и, конечно же, видела и понимала, чего хочет от неё этот человек, потому что давно привыкла в своей жизни к повышенному вниманию мужчин, подобных ему. И, наверное, именно поэтому так отчаянно сопротивлялась и отталкивала его, каждый раз, как только он пытался с ней заговорить или проявлять знаки внимания.

Знала точно, что получив от неё всего одну единственную ночь и насладившись её телом в своё полное удовольствие, незамедлительно отправит её на свалку своей жизни, как отправлял в прошлом многих случайных женщин, которых желал. И она не собиралась уступать его сиюминутной прихоти и потому очень надеялась, что он рано или поздно поймёт это и, потеряв интерес, оставит её, наконец, в покое.

Стефания прикрыла глаза и невольно коснулась пальцами своих губ, словно пытаюсь воскресить в памяти его безумный поцелуй. Нежная кожа саднила болью. Томашевский был груб, настойчив, не осторожен, но она понимала только одно, что своим сегодняшним поцелуем, он невольно вскрыл её личный ящик Пандоры, который она искусно прятала в глубине своей души. И независимо от её желания выпустил на свободу тёмный образ чёрного лебедя.

Сейчас в ней словно боролись две сущности. Одна яростно сопротивляющаяся его вниманию и вторая, податливая и кроткая, по телу которой разливалось безумное желание, когда он крепко сжимал её в своих объятиях. Она знала точно, что не уступит ему и никогда не сможет опустить перед ним голову и покорно удостоиться чести стать одной из его многочисленных любовниц. Понимала, что будет продолжать бороться с ним, и с собой в первую очередь. Ведь вчера вечером, когда он ушёл от неё, она провела несколько часов без сна, сама не понимая зачем, изучая его биографию.

Вышедший из простой семьи среднего достатка, но получивший великолепное образование и добившийся в свои сорок лет немислимых высот, Томашевский невольно приковал её внимание к своей высокопоставленной персоне. Но отнюдь не его многочисленные дома, предприятия, магазины, казино и рестораны привлекли её внимание, а его общественная и благотворительная деятельность. Открытие им многочисленных школ, медицинских центров, создание детских фондов и помощь одарённым детям. Да, он приумножал ежегодно свои несметные капиталы, но и много отдавал, помогая другим.

Она невольно чуть дольше заострила всё своё внимание на подробностях и скандалах вокруг его личной жизни, которыми буквально пестрела бульварная пресса прошлых лет. Трижды был женат. Красивые сногшибательные красавицы предстали её взору на фотографиях с ним рядом, сопровождающие его на многочисленных светских раутах и красных ковровых дорожках. Но все три брака продлились недолго и закончились громкими публичными скандалами, рукоприкладством Томашевского и многочисленными судебными исками любовников его бывших жён, за причинение физического и морального вреда.

Стеша улыбнулась, вспоминая интервью одного из мужчин, рассказывающего подробно, как господин Томашевский спустил его с лестницы собственного особняка, где тот работал водителем. Немного изучив темпераментный склад характера этого «чудовища» она понимала, что это истинная правда, а не газетная «утка», являющаяся отличной приманкой для любителей светских сплетен.

Оболенская повернула голову и, взглянув на часы, поспешно поднялась на ноги. Она вызвала такси и, вернувшись в свою комнату, сбросила с себя платье, и с сожалением осмотрев

оторванные в области декольте грубыми руками Томашевского нежные кружева, отбросила испорченный вечерний наряд в сторону.

Собрав волосы в аккуратный пучок, надев джинсы и футболку, она направилась в прихожую. Прихватив с пола свою сумку и надев балетки на ноги, она вышла из квартиры и, закрыв дверь на ключ, спустилась по лестнице к ожидающему её на улице такси.

Она приехала в ночной клуб как раз вовремя. Распахнув двери автомобиля и расплачившись с водителем, стремительно направилась к служебному входу, расположенному на заднем дворе развлекательного заведения. Ослепительно улыбнувшись охранникам, кутивших у входа, она стремительно направилась в гримёрную комнату.

Поздоровавшись с девчонками, которые уже были одеты и готовы к выступлению, Стеша присела перед зеркалом и, включив свет, пристально всмотрелась в своё отражение.

Слегка припухшие от слёз глаза, нужно было срочно скрыть. Она приложила к лицу прохладные влажные салфетки на несколько минут и принялась делать макияж.

Каждый раз, когда она, заканчивала готовиться к выступлению и смотрела на себя в зеркало, ей казалось, что на неё смотрит совсем другая женщина.

Чёрные блестящие локоны роскошного парика, яркий макияж с обилием тона и губной помады, пудра с эффектом мерцания, которой она покрывала лицо и тело, делали её похожей на мифический персонаж.

Не редко в такие минуты длительного созерцания своего отражения, ей становилось страшно, когда улыбаясь, на неё из зеркала смотрела не она Стефания Оболенская, а чёрный лебедь её ночных кошмаров. Одиллия, имя которой она носила в этом клубе.

– Привет, принцесса! – раздавшийся рядом мелодичный женский голосок, заставил Оболенскую резко повернуть голову.

Яркая шатенка в полупрозрачном пеньюаре с чувственными пухлыми губами и потрясающей глубины голубыми глазами, смотрела на неё слегка надменно.

– Привет, Илона! Ты что-то хотела? – Стефания снова отвернулась к зеркалу.

– Хотела сказать, что Пётр Александрович просил тебя зайти к нему перед выступлением.

– Зачем? – Стефания недоумённо посмотрела на свою коллегу по цеху.

– Видимо хочет, чтобы ты сделала ему приятно. Так как ты это делаешь обычно, когда вы закрываетесь в его кабинете, – девушка загадочно улыбнулась и чувственно облизнула губы. – И как наш босс? Хорош в постели?

Стефания резко выбросила руку в сторону и, схватив злопыхательницу за волосы, резко дёрнула её вниз, прижимая её голову к столу.

Девушка отчаянно заверещала и впиалась ногтями в руку Стефании.

– Отпусти меня, тварь! Отпусти!

Но Оболенская лишь крепче натягивала её волосы и, склонившись, приблизилась к лицу гнусной сплетницы.

– Только ещё раз посмей произнести подобное, особенно в присутствии других девочек, и я тебе обрежу твои роскошные локоны по самые уши, – она толкнула девушку и та, потеряв равновесие, упала на пол.

Поднявшись на ноги и утерев пальцами выступившие слёзы, Илона с ненавистью посмотрела на Оболенскую, которая как ни в чём не бывало, продолжила доделывать макияж, осторожно касаясь лица пушистой кисточкой.

– Ничего, крыша Аракчеева не всегда будет над твоей головой и когда-нибудь, и ты будешь, как все мы. Спать с клиентами и танцевать приват-танцы, собирая деньги с пола, как подачку. Только осталось дожидаться клиента, который заплатит за тебя столько, что наш Петенька не устоит и продаст тебя с потрохами.

Стефания резко развернулась и поднялась на ноги, но Илона моментально ретировалась в сторону, и стремительно покинула гримёрную комнату.

– Оболенская, к боссу! – раздавшийся из-за двери громкий голос охранника, заставил Стешу, обернуться.

Она ещё раз взглянула на себя в зеркало и, накинув на плечи халат, покинула комнату под пристальными взглядами других танцовщиц.

– Проходи! – громкий голос Аракчеева раздался из комнаты, как только стук в двери, нарушил тишину его огромного кабинета.

Стефания нерешительно переступила порог комнаты и, сделав несколько шагов, остановилась у его стола.

– Здравствуй, Петя.

– Привет, Стеша, – мужчина поднялся на ноги и подошёл к ней, нежно обнимая руками за талию и целуя её в щёку. – Садись, – он подвёл её к креслу у своего стола.

– Ты хотел видеть меня? – она пристально всмотрелась в его глаза.

– Хотел. У меня два вопроса к тебе. Во-первых, портниха, наконец, закончила твой новый сценический костюм. Всё было сделано по моим собственным эскизам. Я хотел видеть тебя именно в этом... – он показал рукой в сторону.

Оболенская поднялась на ноги и медленно подошла к вешалке, на которой висел потрясающей красоты костюм чёрного лебедя.

Она провела рукой по тонкой почти полупрозрачной ткани цвета чёрной ночи, расшитой шёлковыми серебряными нитями и, взяв в руки венец в виде чёрной короны, приложила к своей голове, пристально всматриваясь в зеркало, висевшее на стене.

– Ты очень красивая! – раздался тихий голос Аракчеева за её спиной. – Настоящая Одиллия...

– Спасибо, – она обернулась и, сняв с головы венец, снова положила его на место. – Петя, я давно хочу у тебя спросить... – Стефания подошла к его столу и снова опустилась в кресло. – У тебя было такое, когда ты танцевал на сцене и вживался в образ, будто бы этот персонаж, партию которого ты танцуешь, берет над тобой верх?

– Что за глупости? Нет, конечно. Это мы повелеваем в танце персонажем, а не он нами.

– А у меня бывает. Особенно в последнее время, когда я надеваю этот костюм каждый вечер на себя, смотрю в зеркало и выхожу на сцену, – Оболенская обречённо посмотрела в сторону вешалки с платьем.

Аракчеев подошёл к ней ближе и присел перед нею на корточки.

– Даже если это и так. Что в этом страшного? Разве ты никогда не хотела стать ею в жизни, хоть ненадолго? И оставить свой образ белого лебедя.

Стефания улыбнулась.

– Ты говоришь, как один мой знакомый. Он тоже сравнил меня именно с белым лебедем.

– Какой знакомый?

Стеша вышла из своего состояния задумчивости и посмотрела на Петра.

– Это неважно. Так что за второй вопрос, ради которого ты вызвал меня перед выступлением?

– Я снова получил два предложения на твой приват-танец от очень влиятельных людей.

– Петя, но ты же мне обещал... – она с мольбой в глазах смотрела на него.

– Я помню о своём обещании, и я сдержу его до конца. Просто ты же понимаешь, мне это делать каждый раз всё сложнее. К тому же, охрана каждый раз мне докладывает о том, что творится в кулуарах ночного клуба и о недовольствах танцовщиц относительно твоего привилегированного положения в клубе.

– А им какое дело? Разве я своими отказами забираю деньги из их кармана? Думаю, напротив они должны быть мне благодарны за то, что не отбиваю выгодных клиентов.

– Отбиваешь. Потому что, получив твой отказ, выгодные клиенты уходят в другие клубы, а не довольствуются тем, что им предлагают в лице других танцовщиц.

– Значит я у всех, как кость в горле. Ну что ж, я готова уйти прямо сейчас, – она поднялась на ноги.

– Сядь, пожалуйста, я не договорил.

Стефания снова опустилась в кресло и внимательно на него посмотрела.

– Ты тоже слышал те сплетни, что ходят о нас с тобой в клубе?

– Да, но дело не только в них. Я рты сплетникам сам смогу заткнуть, только мне хотелось бы...

– Ты хочешь, чтобы я действительно спала с тобой?

– Спала со мной? – он с улыбкой посмотрел на неё. – С ума сошла женщина! Я не желал этого, даже когда каждый вечер танцевал с тобой на сцене в прошлом, потому что всегда любил только Катюшу. А уж сейчас, когда мы счастливо женаты много лет и у нас две дочки и подавно. Мне просто хотелось бы, чтобы ты перестала конфликтовать с танцовщицами. Потому что твоя безнаказанность с моей стороны и порождает эти слухи и недовольства. Я должен соблюдать свой строгий образ хозяина клуба. Понимаешь? И мой авторитет должен оставаться незыблемым.

– Хорошо, ради твоего спокойствия я обещаю постараться ни с кем больше не связываться.

– Ну, вот и умница. А теперь иди, готовься к выступлению. Сегодня аншлаг и зал полон, так что постарайся показать им чего ты стоишь.

Стефания улыбнулась и, поднявшись на ноги, сделала перед ним глубокий балетный реверанс и, склонив голову, ответила:

– Слушаюсь, мой босс! – она уже направилась к двери, но остановившись, и обернувшись, снова внимательно посмотрела на него.

– Ну что ещё? – Аракчеев с улыбкой смотрел на неё.

– Знаешь, сколько работаю у тебя в клубе, меня всё время терзает один вопрос, который я хочу задать тебе.

– Ну, задай его сейчас и успокойся, наконец.

– Откуда у тебя этот ночной клуб? Как ты оказался в этом бизнесе после того, как ушёл из театра?

Аракчеев прищурил глаза и откинулся на спинку кресла.

– Ну, допустим, это подарок одного влиятельного поклонника моего балетного таланта в прошлом.

– Поклонника? – Стеша загадочно улыбнулась. – А может влиятельной поклонницы твоего таланта? – она зажмурилась, заметив вспыхнувшие в его глазах адские искорки пламени.

– Ах ты... – Пётр быстро скомкал лист бумаги и запустил в её сторону. – Проваливай из моего кабинета, несносная девчонка! Поклонница... Я тебе покажу поклонницу... – он ослепительно улыбнулся.

Стеша заливисто рассмеялась и, распахнув дверь, выскочила в коридор, направляясь в гримёрную комнату.

Спустя полчаса она покинула её и, остановившись за кулисами, медленно провела руками по своему телу, словно пытаясь ещё раз убедиться, что с костюмом всё в порядке. Она всегда замирала на несколько минут перед своим выходом на сцену, словно уходила в себя. Её выступление завершало ночное шоу и, появляясь неожиданно и также исчезая в конце представления, она была подобна призраку и вызывала этим неподдельный интерес искушённой публики.

Стефания опустила голову и глубоко вдохнула.

– Пора, Одиллия. Ваш выход... – неизменные слова и изящный жест руки в сторону сцены главного хореографа и постановщика ночного шоу, заставили её сосредоточиться на работе.

Оболенская гордо вскинула подбородок и уверенно вышла на сцену, окутанную кромешной темнотой, и полной тишиной, которые стали привычными в момент её выступления.

Осторожно коснувшись пальцами холодного металла пилона и заскользив по нему ладонью, Стефания резко остановилась и обвела взглядом притихший зал. Сердце бешено стучало в её груди, но едва она опустила на лицо тонкую полупрозрачную вуаль чёрного цвета, она словно ожила и задышала в полную силу. И тот взгляд, которым она повторно обвела зал, когда свет софитов ярко вспыхнул над нею, уже принадлежал не ей...

Искушающий, уверенный и страстный, он надменно скользил по лицам собравшихся в зале представителей элитной дорогой публики, словно очаровывая и околдовывая каждого из них. Громкая музыка, заполнившая огромное пространство казалось, невидимой тенью накрыла сцену вокруг неё, обволакивая её тело, которое не спеша двигалось в такт чувственной нотной феерии. Скрытое лишь тонкой полупрозрачной шифоновой тканью угольного цвета оно скользило подобно гибкой змее, пытаясь слиться с шестом воедино.

Обволакивающая, волнообразная нега, разливалась по её жилам, подобно жгучему удовольствию, заставляющее её кровь, то холодеть, то жарко плавиться. Чувственно прогибаясь в пояснице и обхватывая ногами длинный холодный металл, она поднималась над притихшими господами так высоко, словно хотела скрыться от их пристальных взглядов.

Остановившись и с пренебрежением рассматривая их замершие лица, она делала изящные повороты. Стремительно опускалась вниз и оказывалась у их ног, уничтоженная и раздавленная, чтобы подарить им эту иллюзию, которую они так хотели увидеть. Заставить их желать её, поклоняться, потерять самообладание и затаив дыхание, просто впитывать её лёгкое парение и отчаянные взмахи руками, словно крыльями.

Её тело казалось, парило в воздухе, заставляло следить за ней неотрывно, словно она их околдовала, вынуждая невольно поверить тому, что видели перед своими глазами. Ей казалось, что семь минут танца длятся вечность. Грация её движения, её немислимых вращений, скольжения, когда руки казалось, не чувствовали металла, и жили отдельно от неё, словно она и правда в эти моменты превращалась в птицу. Безумную и порочную с чёрным оперением, покрывающим её обнажённое тело с ног до головы. Словно внутреннее скрытое существо появлялось на поверхности и властвовало безраздельно в это время, поработавшая всех вокруг.

Музыка стихла, и свет резко погас. В зале стояла оглушающая тишина и лишь, когда свет софитов осветил лишь часть сцены, публика взорвалась бурными аплодисментами и криками, с требованием повтора, увиденного.

Стефания сбросила обувь с ног и тяжело дыша, пересекла коридор и обессилено опустилась на подоконник. Притянув к себе колени руками, положила на них голову. Струйки пота стекали по её лицу, пальцы предательски дрожали, а сердце выбивало бешеный ритм в груди, заставляя дыхание сбиваться.

Аракчеев подошёл к ней ближе и нежно провёл пальцами по её волосам.

Она устало подняла на него глаза.

– Ты была великолепна сегодня! Ты околдовала весь зал. Твой танец сегодня был подобен урагану. Что с тобой? Как ты добилась этого?

– Это была не я... – задыхаясь, проговорила она. – Я больше не контролирую её на сцене. Она живёт своей отдельной жизнью, – Стефания прикрыла веки.

– Что с тобой? – Пётр с волнением в глазах смотрел на её лицо. – О чём ты говоришь?

– Петя, прости, пожалуйста. Я пойду... – Стефания встала на ноги и медленно направилась в свою гримёрку.

По пути не замечала восторженные взгляды и громкие аплодисменты коллег. Словно оставившая на сцене все силы, она хотела сейчас только одного, побыстрее добраться до зеркала, и смыть с себя всё, что могло напоминать о её сегодняшнем безумии на сцене.

Избавившись от макияжа и аккуратно повесив костюм на вешалку, Стеша надела свою одежду и собрав волосы в высокий хвост, снова присела у зеркала. Облегчённо выдохнув, она всмотрелась в своё отражение и, подняв руку, медленно провела пальцами по своей щеке.

Когда в дверях появился хореограф и постановщик её танца с огромным букетом роз, Оболенская прикрыла глаза и отвернулась от него в сторону.

– Ну что, моя прима, сегодня ты была на высоте! – Багрицкий ослепительно улыбался. – Похоже, ты, наконец, послушалась моего совета, сбросила свои белые крылья и как видишь, сорвала сегодня все овации наших гостей.

Стефания повернула голову и обречённо посмотрела на Артемия. Стройный брюнет с красивым лицом и фигурой античного воина в дорогом дизайнерском костюме с улыбкой смотрел на неё.

– Тёма, я устала. Дай мне пару недель отдыха, пожалуйста.

– Глупости! Самое время триумфа. Ты только начала танцевать в полную силу. Я намерен сегодня же поговорить с Петром, чтобы ты выступала не четыре раза, а шесть дней в неделю. Ты послушай, что творится в зале. Публика у твоих ног. Уже на завтра полный аншлаг в клубе, ни одного свободного столика, а ты говоришь об отдыхе. Ты сегодня сделала невозможное.

Стефания склонила голову и заплакала.

– Ну что с тобой? Не раскисать! Ты же балетная, а у нас это неприято, – Багрицкий небрежно похлопал её по плечу.

Оболенская подняла на него глаза, полные слёз.

– Здесь не балет! Мне тяжело, как ты не поймёшь этого. Мне тяжело вживаться в её образ даже четыре раза в неделю, а ты говоришь о шести! – она сорвалась на крик. – Она порабощает меня на сцене. Я не контролирую её больше. Я не хочу быть, как она! Не хочу! – Оболенская закрыла лицо руками.

– А кем ты хочешь быть? – Багрицкий склонился к ней ниже. – Чистой и нежной, как Одетта? – он поднял её подбородок пальцами. – Здесь никому не нужен белый лебедь. Здесь нужна страсть и желание. Люди приходят сюда за удовольствием! Кстати, это передали тебе, – он положил на её колени роскошный букет алых роз и бархатный футляр цвета спелой вишни.

Стефания недоумённо на него посмотрела.

– Ну что смотришь? Открой. Я думаю, это тебя порадует. Барышев не скупится на подарки. Я только что говорил с ним о тебе. Ты не хочешь всё-таки подумать над его предложением и приехать к нему сегодня в особняк. Я думаю, то, что он готов предложить тебе, избавило бы тебя от многих материальных проблем в твоей жизни.

– А ты не боишься, что о твоих разговорах, обо мне с этим мерзким типом, узнает Пётр?

– Не боюсь, девочка моя. Пётр руководит ночным клубом и ему некогда заниматься хореографией и танцорами. Без меня его заведение не просуществует и дня в том ранге, в котором существует сейчас. Я и моя труппа приносят ему колоссальный доход. Так что я думаю, если кто-то и покинет это место в ближайшее время, то точно не я.

– Ты жалок. Твои разговоры о деньгах омерзительны. Ведь ты тоже артист балета в прошлом, а ступил на путь далёкий от высокого искусства.

Артемий громко рассмеялся.

– Потому что мир высокого искусства понятен не всем, а только избранным. А страсть, порок и телесное обнажение живёт в каждом из нас, так что это второе принимается всеми без исключения и хорошо оплачивается.

– И сколько же ты интересно получил с Барышева за то, чтобы заставить меня уступить ему?

– Пока, к сожалению, ничего не получил. Ты ведь по-прежнему упираешься.

– Извини, что не могу тебя обогатить. Может это, компенсирует твои скромные труды, – она швырнула ему в лицо футляр с украшением и сбросила с колен розы на пол.

Поднявшись со стула, подхватила сумочку и стремительно направилась на выход из комнаты.

– Истеричка чёртова! – Багрицкий со злостью оттолкнул носком туфель, лежавшие перед ним розы. – Ну, ничего, дорогая, я умею терпеливо ждать. Когда-нибудь за эту выходку ты умоешься горючими слезами, – он резко обернулся и, заметив, стоявших на пороге танцовщиц своей труппы, смерил их недовольным взглядом и, растолкав их руками, покинул гримёрную комнату.

Стефания открыла ключом входную дверь своей квартиры и, оставив сумку на стеклянной стойке, присела в углу на диванчике и посмотрела прямо перед собой.

Почему-то сейчас перед её глазами снова возникло лицо Томашевского. Сегодня, когда она танцевала в клубе, видела не сальные физиономии этих денежных мешков, она видела только его. Того, кого ненавидела с первой встречи, презирала, и пыталась бежать, дабы избавиться от него навсегда. Но сегодня она словно танцевала для него одного, словно соблазняла его, словно хотела принадлежать ему полностью.

Это казалось чудовищным, но его вчерашний дерзкий и спонтанный поцелуй перевернул в ней всё и разбудил ту, которая спала глубоко внутри и жаждала его прикосновений и его страсти. Чёрная лебедь, которая как он сказал, нравилась ему в спектакле. И которую на сцене по ночам изображала она.

Стеша закрыв лицо руками, громко расплакалась, и успокоилась лишь, когда почувствовала на своих коленях мягкие лапки Маркизы.

Кошка внимательно смотрела на неё, подняв мордочку кверху, и нежно касалась носом её пальцев.

Стефания опустила руки и посмотрела на неё, улыбаясь сквозь слёзы.

– Ты не спишь, подружка моя? Ждешь меня преданно. Человечек ты мой дорогой, – она прижала кошку к себе и, поднявшись на ноги, медленно направилась в спальню.

Приняв душ и переодевшись, Стеша легла в постель и сегодня намеренно позвала к себе Маркизу. Её тёплая шелковистая шкурка под рукой и размеренное мурлыканье успокоило и подарило, наконец, чувство полной защищённости.

****

Томашевский приоткрыл веки и, сморщившись от сильной головной боли, застонал в голос. В висках пульсировало, горло пересохло, а выпитый накануне дорогой выдержанный Вермут явно пошёл не на пользу.

Он присел в постели и, повернув голову, посмотрел на девушку, которая спала с ним рядом. Смутно пытался вспомнить всё, что было между ними прошлой ночью. Помнил лишь, что оставил её в покое только к утру, когда растеряв окончательно все силы, заснул мертвецким сном.

Эльдар потянулся рукой к прикроватной тумбочке и, взяв телефон в руку, взглянул на экран, где зияло длинной вереницей огромное количество пропущенных звонков. Тяжело вздохнув, набрал номер своего помощника, и приоткрыл ящик тумбочки в поисках лекарства от головной боли.

– Да, Игорь, доброе утро! Извините за срыв рабочего графика. Да, всё наверстаем. Как дети? Хорошо. Я заеду домой, переоденусь, и сразу поедем на рабочую встречу директоров филиалов торговых сетей. И, пожалуйста, у меня ещё огромная просьба найдите к моему приезду что-нибудь эффективное от головной боли. Спасибо! – Томашевский отложил телефон

в сторону и, откинув одеяло, попытался поднять с постели, но тёплая женская ладонь внезапно коснулась его спины.

– Милый, ты куда? – раздался чуть осипший после сна голос его вчерашней любовницы.

– У меня дела.

– Мы ещё увидимся?

– Не знаю. Я же тебе говорю, что буду занят.

– Может, позвонишь, как освободишься? Я вчера даже внесла в твою телефонную книгу свой номер мобильного.

– Что ты сделала? – Томашевский вопросительно посмотрел на девушку. – Ты что брала мой телефон? Ты копалась в нём? – он повысил голос.

– Нет, я просто зафиксировала свой номер, чтобы ты не потерял его. Боялась, что ты уйдёшь утром, и мы не поговорим. Я, Алина. Ты вчера даже не спросил меня об имени и не назвал своё, – она провела ладонью по его плечу и обхватила пальцами его локоть. – Мне было так хорошо с тобой, – она потянулась к нему, пытаясь поцеловать, но Томашевский отстранил её руки и резко поднялся на ноги.

Девушка легла на бок, с интересом рассматривая его обнажённую фигуру, пока он не набросил на плечи махровый халат.

Томашевский открыл бумажник и снова подошёл к кровати, опуская на простыни перед девушкой несколько крупных банкнот европейской валюты.

– Что это? – Алина приподняла голову и удивлённо посмотрела на деньги. – Зачем это? Я не проститутка.

Томашевский слегка растерялся.

– Я вчера испортил всю твою одежду. Купи себе что-нибудь, чтобы компенсировать утраченное. Только вот в чём ты пойдёшь по магазинам...

– Не волнуйся, я позвоню подруге, и она мне принесёт одежду. Я могу остаться в твоём номере ещё немного, чтобы привести себя в порядок?

– Можешь. Только не задерживайся, потому что я сегодня всё равно сюда не вернусь.

– Жаль... – Алина снова приподнялась и потянулась к его губам, но он отстранился в сторону, подхватил свою одежду и медленно направился в душ.

Через полчаса Томашевский стоял у зеркала в прихожей и пристально всматривался в своё отражение.

Его случайная любовница снова появилась рядом с ним обнажённая и, обняв его руками за плечи, прижалась к его спине, но он, отстранив её, отошёл в сторону и присел на банкетку, пытаясь обуться. Поднявшись на ноги, снова посмотрел на неё.

– Ключ от номера оставишь на ресепшене, – он положил магнитную карточку на стеклянную стойку прихожей.

– Хорошо. Так ты так и не ответил. Ты позвонишь мне?

Томашевский открыл входную дверь и, обернувшись, снова посмотрел на неё.

– Позвоню... – переступив порог прихожей, он стремительно покинул номер.

У лифта остановился и немного подумав, достал телефон и, пролистав список контактов, нашёл нужного абонента, записанного крупными буквами «АЛИНА» и моментально удалил его. Убрав телефон в карман пиджака, нажал на кнопку вызова лифта и, нервно постукивая пальцами по стене, принялся ожидать кабину.

Пока ехал домой, мысли его были далеки от работы. Он пытался вспомнить в подробностях то, что устроил в квартире Оболенской. Знал, что теперь она его к себе на пушечный выстрел не подпустит, и как вымолить прощение за свою пьяную выходку, он пока не знал. Обратившись к водителю, попросил ещё немного задержаться в городе и заехать в тот самый цветочный магазин, где он встретил Стефанию ровно год назад.

****

Томашевский открыл входную дверь дома и медленно прошёл в центр холла. Оставив телефон на журнальном столике, он поднялся на второй этаж, направляясь в свою спальню. Переодев свежую рубашку и, завязав галстук, он присел на кровати.

Снова вернулся мыслями к Оболенской и произошедшему накануне. Чувствовал себя мерзко и безумно хотелось всё исправить. Но прийти к ней, открыто после вчерашнего попросту не мог. Он отправил ей в школу букет цветов в надежде, что хоть так сможет выпросить у неё хотя бы элементарное человеческое прощение.

Эльдар повернул голову, почувствовав на своём плече руку Станислава.

– У тебя что-то случилось? – мальчишка смотрел на него проникновенным взглядом.

– Доброе утро! С чего ты взял?

– Доброе утро. Вижу по твоему лицу. Ты редко бываешь таким удручённым. У тебя проблемы?

– Нет, Стас, у меня нет проблем. Дела идут отлично. Всё стабильно.

– Значит, ты влюбился.

– Чего, чего? – Томашевский невольно растянул губы в улыбке.

– Влюбился.

– С чего ты взял?

– Мне в прошлом году понравилась одна новенькая девчонка в классе, и мама, когда я нахватал троек, так и сказала, что я влюбился, потому что стал ужасно рассеянным.

Томашевский слегка взъерошил волосы племянника и прижал его голову к своему плечу.

– Ты мой психолог. Знаешь, я в последнее время думаю о том, чтобы я делал, если бы вас не было в моей жизни. Ваше присутствие рядом делает мою жизнь красочной и полной.

– Несмотря на то, что мы шкодничаем?

– Даже несмотря на это. Где Ева?

– Она уже в школе. Водитель отвёз её два часа назад.

– А ты почему не в школе?

– У меня нет первых двух уроков. Англичанка заболела.

– Понятно. А где ваш гувернёр?

– Домой отпросился, пока мы в школе. У него мать заболела.

– Понятно. Ну что ж, это причина существенная. Стас, мне завтра надо будет улететь в Вену на сутки. Вы сможете побыть без меня одни?

– У тебя там дела?

– Да, встреча с деловым партнёром и подписание важного контракта.

– Тогда конечно побудем. К тому же этот твой гувернёр здесь, так что поезжай спокойно.

– Спасибо большое. Я надеюсь на тебя, – Томашевский обнял племянника за плечи.

– Эльдар Станиславович, вы здесь? – раздался из-за двери голос Кравцова.

– Да, Игорь, я здесь. Заходите.

Когда помощник появился на пороге комнаты, Томашевский поднялся на ноги.

– Ладно, Стас мне пора ехать. Увидимся вечером за ужином. Пока!

– Пока, – мальчишка махнул рукой на прощание и когда мужчины вышли, он поднялся на ноги и подошёл к окну.

Долго смотрел вслед дяде, пока тот не скрылся в салоне автомобиля. Не стал ему говорить о том, что Ева вчера опять плакала за родителями, и он её едва смог успокоить. Не хотел расстраивать его, понимая, что у него и без этого забот хватает.

Сам тяжело переживал смерть родителей, но понимал, что сестра всё время рядом и позволить себе раскисать в её присутствии, попросту не мог. Поэтому приходилось стискивать зубы, когда снова во сне видел отца, их совместные прогулки, походы в лес и на рыбалку.

За свои одиннадцать лет всегда стремился поступать так, чтобы отец заметил и оценил, смог гордиться им. Но, к сожалению, так и не успел сделать всего до конца.

Смерть внесла свои коррективы, и отец не дожил до его успехов в спорте и учёбе. Не увидит его в составе юношеской сборной по хоккею, как всегда, мечтал, и не пойдёт с ним вместе на выпускной вечер в десятом классе.

Теперь его был вынужден заменить Эльдар. Они с Евой любили своего дядю, несмотря на то, что раньше они его видели от силы пару раз в год. Зато теперь им приходилось жить всем вместе под одной крышей и пытаться приспособиться, понять друг друга и принять их вынужденное существование всем вместе.

Стас тяжело вздохнул и как только машина дяди и его охраны покинули территорию дома, он развернулся и медленно пошёл в свою комнату.

****

Стефания закрыла дверь своего кабинета и не спеша направилась в репетиционный зал. Заметив своих учениц, шумно галдевших в коридоре, она несколько раз громко хлопнула в ладоши.

– Девочки, что происходит? Что за шум вы тут устроили?

– Стефания Павловна, пойдёмте скорее в зал, – Аня Березовская ухватила её рукой за пальцы и потянула за собой.

– Анечка, что происходит? Что за оживление? – Оболенская удивлённо смотрела на улыбающихся девочек.

– Вы должны это срочно увидеть. Там такая красота!

– Где?

– В зале. Ну, пойдёмте, скорее... – девочки продолжали тянуть её за руки.

Стефания ускорила шаг и стремительно дошла до зала. Распахнув дверь, она переступила порог и резко замерла на месте.

В углу комнаты стоял огромный букет белоснежных, как первый снег роз. Большие пышные бутоны, словно хрустальные бокалы, изумрудные листья, длинные стебли, и аромат тонкий, сладкий, похожий на карамель, царил невидимым шлейфом вокруг них. Роз было так много, что она затруднялась предположить их полное количество.

– Стефания Павловна, правда, они красивые? – снова обратилась к ней одна из учениц.

– Правда, – тихо ответила Оболенская.

– Мы их пересчитали. Их сто одна штука, представляете?

– Сколько? – Стефания резко обернулась и посмотрела на девочек.

– Сто одна.

Стефания медленно подошла к букету и присев на корточки, аккуратно провела рукой по нежным атласным лепесткам. С интересом заглянула внутрь букета и заметила маленький конверт, скрытый в стеблях. Достав из него открытку, с улыбкой всмотрелась в написанные от руки буквы.

«Простите меня...»

Она задумчиво поднесла открытку к губам, но заметив боковым зрением, заинтересованные взгляды девчонок, резко обернулась.

– Так и что мы ротозейничаем? Быстро все встали к станку. Соня, – обратилась она к одной из своих учениц. – Будь добра, спустись на первый этаж и попроси охранника срочно зайти ко мне.

– Хорошо, – девочка стремительно сорвалась с места и бегом направилась к двери.

Спустя несколько минут охранник задумчиво смотрел на Оболенскую, когда она излагала ему свою просьбу. Осведомившись у неё, уверена ли она в своём решении, он тяжело вздохнул, и с трудом подняв на руки огромный букет, медленно направился на выход из зала.

Сумятицу, которую внёс подарок Томашевского в размеренный рабочий ритм, заставил Стефанию моментально взять ситуацию под свой контроль. Она громко хлопнула в ладоши и попросила воспитанниц занять первую позицию и начать хореографическую разминку.

Бунина с улыбкой встречала Томашевского на пороге своего кабинета.

– Эльдар Станиславович, даже не знаю, как вас благодарить за ремонт. Школа стала просто неузнаваема. Родители довольны, и педагоги тоже, а уж дети просто в восторге. Прошу садиться, – она показала ему рукой на кресло перед своим столом.

– Ну что вы, какие пустяки. – Томашевский опустился на сидение. – Мне хочется, чтобы детей окружала красота. Я полагаю, что тогда и успехи в танце будут значительные.

– Вы правы. Вот только в одном хотела вас пожурить.

Томашевский недоумённо посмотрел на женщину.

– Я вас не понимаю.

– Зачем такие траты? Право не стоило. Это ведь так дорого.

– Эвелина Алексеевна, вы можете объяснить мне, о чём речь?

– Этот букет, что вы прислали мне, был лишним, уверяю вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.